

Л. КЭРРОЛЛ

ЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА

**Перевод с английского
Ю. А. ДАНИЛОВА**

**МОСКВА «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1991**

ББК 22.12
К98
УДК 510.6(023)

LEWIS CARROLL

THE GAME OF LOGIC

LONDON AND NEW YORK
MACMILLAN AND CO
1887

Серия «Библиотечка «Квант» основана в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Академик Ю. А. Осипьян (председатель), доктор физико-математических наук А. И. Буздин (ученый секретарь), академик А. А. Абрикосов, академик А. С. Боровик-Романов, академик Б. К. Вайнштейн, заслуженный учитель РСФСР Б. В. Воздвиженский, академик В. Л. Гинзбург, академик Ю. В. Гуляев, академик А. П. Ершов, профессор С. П. Капица, академик А. Б. Мигдал, академик С. П. Новиков, академик АПН СССР В. Г. Разумовский, академик Р. З. Сагдеев, профессор Я. А. Смородинский, академик С. Л. Соболев, член-корреспондент АН СССР Д. К. Фаддеев

Кэрролл Л.

К98 Логическая игра: Пер. с англ. Ю. А. Данилова.— М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1991.— 192 с.— (Б-чка «Квант»; Вып. 73) ISBN 5-02-014220-4

Сборник логических задач автора известных сказок «Алиса в Стране Чудес» и «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса» Льюиса Кэрролла в яркой и занимательной игровой форме знакомит читателя с оригинальным графическим методом решения силлогизмов и соритов.

В приложение включены некоторые игры, фокусы и головоломки Льюиса Кэрролла и его письма к детям.

Для школьников 8—10-х классов и всех любителей занимательных задач.

К 1601000000—048
053(02)—91 167-89

ББК 22.12

ISBN 5-02-014220-4

© Наука. Физматлит, 1991

Если вы встретите человека, утверждающего, будто он *знает* сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса» (часто называемую для краткости просто «Зазеркалье»), не верьте ему, хотя, вне всякого сомнения, он читал обе сказки Кэрролла и, быть может, даже *не один раз*. Ваш собеседник либо искренне заблуждается, либо употребляет обычные слова в необычном, «пиквикском» смысле. «Алису» нельзя *знать*, даже если выучить ее наизусть, хотя прочитать ее, разумеется, может каждый. Дело в том, что «Алису» невозможно понять до конца, ее можно понять лишь *в большей или меньшей степени*.

И объясняется это не только тем, что «Алиса» — сказка *очень английская* и перевести ее на любой другой язык очень трудно. Заглянув в помещенный в конце этого сборника список литературы, вы увидите, как давно и как упорно работают наши отечественные переводчики над созданием русской «Алисы», не уступающей оригиналу ни в яркости образов, ни в тонкости мысли (а мысль Кэрролла — материя настолько тонкая и хрупкая, что она совершенно не выносит неосторожного прикосновения и обращается в бессмыслицу, стоит лишь забыть или не передать какой-нибудь даже казалось бы второстепенный оттенок).

Маленькая «Алиса» принадлежит к числу тех сказок, которые встречают нас еще в детстве и сопровождают или по крайней мере *могут* сопровождать всю жизнь. Они написаны для детей, но особенно читаемы взрослыми. Что же касается «Алисы», то при внимательном чтении в ней открываются такие глубины, что некоторые (в том числе философ и логик Бертран Рассел) даже предлагают издавать обе сказки Льюиса Кэрролла с грифом «Только для взрослых».

Всех, кто хотя бы один раз заглянул в сказки об Алисе, в которых действуют необыкновенные герои, живут странные существа, происходят преудивительные события, поражает особая жизненность персонажей, внутренняя (хотя порой странная и противоречащая здравому смыслу) логика их поступков. Не следует, однако, забывать о том, что «Алиса» — не просто сказки. Это скорее репортаж, отчет, заметки, написанные по свежим следам путешествия в необычный мир — Страну Чудес и Зазеркалье, где господствует своя логика и действуют свои законы. И весь этот огромный мир создал, населил и подарил нам Льюис Кэрролл.

Вряд ли найдется еще один человек, который был бы так знаменит и так неизвестен, как Льюис Кэрролл. «Знаменитый автор «Алисы» и вдруг «неизвестен»! Чепуха! Парадокс!» — скажете вы... и ошибетесь. Если говорить словами Алисы, есть чепуха, по сравнению с которой эта *чепуха* — толковый словарь, а если говорить о парадоксах, то с именем Льюиса Кэрролла их связано столько, что трудно представить, как вообще мог существовать в обычном мире такой необычный человек.

Начать с того, что человека по имени Льюис Кэрролл, строго говоря, *никогда не было*. То есть он был, но...

Представьте себе, что вас зовут Чарлз Лютвидж Доджсон и вы хотите выбрать себе литературный псевдоним. Что бы вы сделали? Не знаю. А вот что сделал автор (тогда еще будущий) «Алисы»: он разобрал оба своих имени по буквам, как дети разбирают игрушечную машину, чтобы посмотреть, «что там внутри», и из обломков составил не один, а целых *два* псевдонима. Другой бы на этом успокоился и считал бы, что сделал и без того много, но... Кэрролл никогда не стал бы Кэрроллом, если бы он поступал, как другие.

Он перевел на латынь свое имя «Чарлз» — получилось «Каролус», перевел на латынь свое второе имя «Лютвидж» — получилось «Людовикус», переставил латинские имена — получилось «Людовикус Каролус» и перевел их снова на родной английский язык. Так появился Льюис Кэрролл, неблагодарный Льюис Кэрролл, вскоре затмивший своего создателя и носителя, скромного, давно забытого преподавателя математики Чарлза Лютвиджа Доджсона из колледжа Крайст Черч в Оксфорде.

Можно ли ожидать от человека почтительного отношения к словам, если даже свое собственное имя он способен разобрать «по косточкам»? Разумеется, нельзя, но... К словам Льюис Кэрролл относился чрезвычайно почтительно, считал, что слово означает больше, чем полагает написавший его автор. И несмотря на все почтение, он переделывал слова (для их же пользы) так, чтобы им было удобнее. Кэрролл любил играть в слова и словами. Он нанизывал слова в цепочки и, меняя в каждом звене лишь по одной букве, ухитрялся превращать «муху» в «слона», наводить «дуло» в «цель» и проделывать многие другие удивительные вещи. Игра для Кэрролла — естественное состояние. «Человек разумный» для него всегда означал «человек играющий». Не поэтому ли он, чопорный и замкнутый среди взрослых и со взрослыми, так легко находил общий язык с детьми?

Свои серьезные сочинения Кэрролл подписывал «настоящей» фамилией — Доджсон. В отличие от Льюиса Кэрролла, постоянно пребывавшего в Стране Чудес и в Зазеркалье, Доджсон был вынужден вести самый прозаический образ жизни в Оксфорде, читать лекции, проводить занятия. («Подумать только! И в это время он сочинял «Алису»!» — скажет через много лет один из студентов Чарлза Лютвиджа Доджсона, изнывавший от скуки на его занятиях. Скажет и ошибется: «Алису» сочинил не Доджсон, а его

дальний родственник и близкий друг Льюис Кэрролл). Правда, иногда все волшебным образом преображалось: в гости к педантичному Доджсону приезжал, приходил, прилетал фантазер и выдумщик Льюис Кэрролл. Желая хотя бы чем-то помочь своему другу, он вставал за его рабочую конторку, и тогда... Тогда среди сухих задач и примеров появлялись такие задачи, какие приведены в настоящем сборнике.

Рука Льюиса Кэрролла явственно ощущается и в таком сочинении Ч. Л. Доджсона, как «Евклид и его современные соперники». Прочитав название, вы можете подумать, что в этом небольшом трактате Доджсона речь идет о создателях неевклидовой геометрии и их предшественниках, и ... ошибетесь. Ч. Л. Доджсон жил и умер в полной уверенности, что евклидова геометрия — единственно возможная, и в своем трактате разделался с авторами современных ему учебников по элементарной геометрии, дерзнувшими заменить «Начала» Евклида, примерно так же как некогда он разделался со своим именем. Впрочем, заслуживает ли иной участи тот, кто смеет посягать на авторитет несравненного «мистера Юклида», по чьим «Началам» до недавнего времени учились многие поколения англичан?

Математический багаж Чарлза Лютвиджа Доджсона, накопленный им за годы учения в школе и в Оксфордском университете, не был велик: он почти полностью исчерпывался элементарной геометрией по Евклиду, зачатками линейной алгебры и элементарными сведениями из математического анализа. Но с детских лет чутко реагируя на всякое нарушение логики в повседневной жизни, на алогизмы в общепринятых рассуждениях, Льюис Кэрролл разработал свою собственную систему логики, не безупречную, но безусловно новаторскую. Как бы объяснил суть своей теории сам Кэрролл, достоверно не известно. Зато хорошо известен результат: те самые «сумасшедшие», чисто кэрролловские задачи, которые до сих пор восхищают всех — от знатоков, искушенных в логике, до тех, кто глубоко убежден, что обыкновенный здравый смысл превышает хитросплетений науки.

Искусство правильно мыслить, мог рассуждать Кэрролл, во многом схоже с искусством судовождения. Не велика хитрость идти по видимым ориентирам — выводить правильное заключение из суждений, не противоречащих здравому смыслу. В этом случае правильный ответ можно получить, даже если рассуждать неверно: выручит интуиция, опыт. Иное дело, если суждение противоречит здравому смыслу. Здесь мы уподобляемся мореходу, ведущему свое судно вдаль от берега по счислению. Искусство правильно (логично) рассуждать, по Кэрроллу, как раз и означает умение получать правильные заключения из суждений не то, чтобы неверных, но по крайней мере несколько необычных. Например, из странных посылок

«Ни одно ископаемое животное не может быть несчастно в любви.

Устрица может быть несчастна в любви»

следует вполне здоровое, и, что самое главное, правильное, заключение

«Устрица — не ископаемое животное».

(Говоря о правильности заключения, мы имеем в виду, что оно получено по правилам логического вывода, а не то, что оно согласуется со здравым смыслом.)

Правила логического вывода в задачах Кэрролла, подобно улыбке Чеширского Кота, остаются после того, как здравый смысл исчезает из посылок. Правильно обращаться с «неправильными» суждениями, чтобы научиться заведомо правильно оперировать с правильными суждениями — вот заветная цель логических построений Кэрролла.

Кэрролл одним из первых разработал символический и графический методы решения логических задач, ввел таблицы истинности и придумал многое другое, что входит в арсенал, или, лучше сказать, составляет вооружение (в арсенале может храниться и устаревшее оружие) современного логика. Эти методы и задачи представлены в «Логической игре», которая открывает настоящий сборник.

Человек парадоксального склада ума, Кэрролл достиг вершины своего научного творчества в двух парадоксах: «Что черепаха сказала Ахиллу» и «Аллен, Браун и Карр», озадачивших и продолжающих озадачивать многих и поныне.

Увидев у своего дядюшки Скеффингтона один из первых любительских фотоаппаратов, Кэрролл не на шутку увлекся фотографией и достиг на этом поприще немалых успехов, став одним из лучших фотолюбителей своего времени. Эта сторона его жизни представлена в сборнике рассказом «Фотограф на съемках».

Письма Льюиса Кэрролла к его большим друзьям — маленьким детям — особый, поистине уникальный жанр, не имеющий аналогий и параллелей. Каких только писем нет в его огромном эпистолярном наследии: тут и письма-ворчалки (если воспользоваться терминологией Винни-Пуха), и письма-дразнилки, и письма-сказки, и «зеркальные» письма, и письма, написанные от конца к началу. Прочитайте, и вы убедитесь в этом сами!

Льюис Кэрролл не мог бы сказать о себе словами Байрона: «Проснулся и узнал, что знаменит». Известность пришла к нему не сразу, но, придя, не оставляла его никогда. Самому Кэрроллу слава не доставляла особого удовольствия, причиняя много хлопот. Приходилось спасаться от «охотников за львами», любителей автографов и т. п. Делал это Кэрролл чисто по-кэрролловски, отрицая знакомство... с самим собой («мистер Доджсон не претендует на авторство книг, не подписанных его именем»).

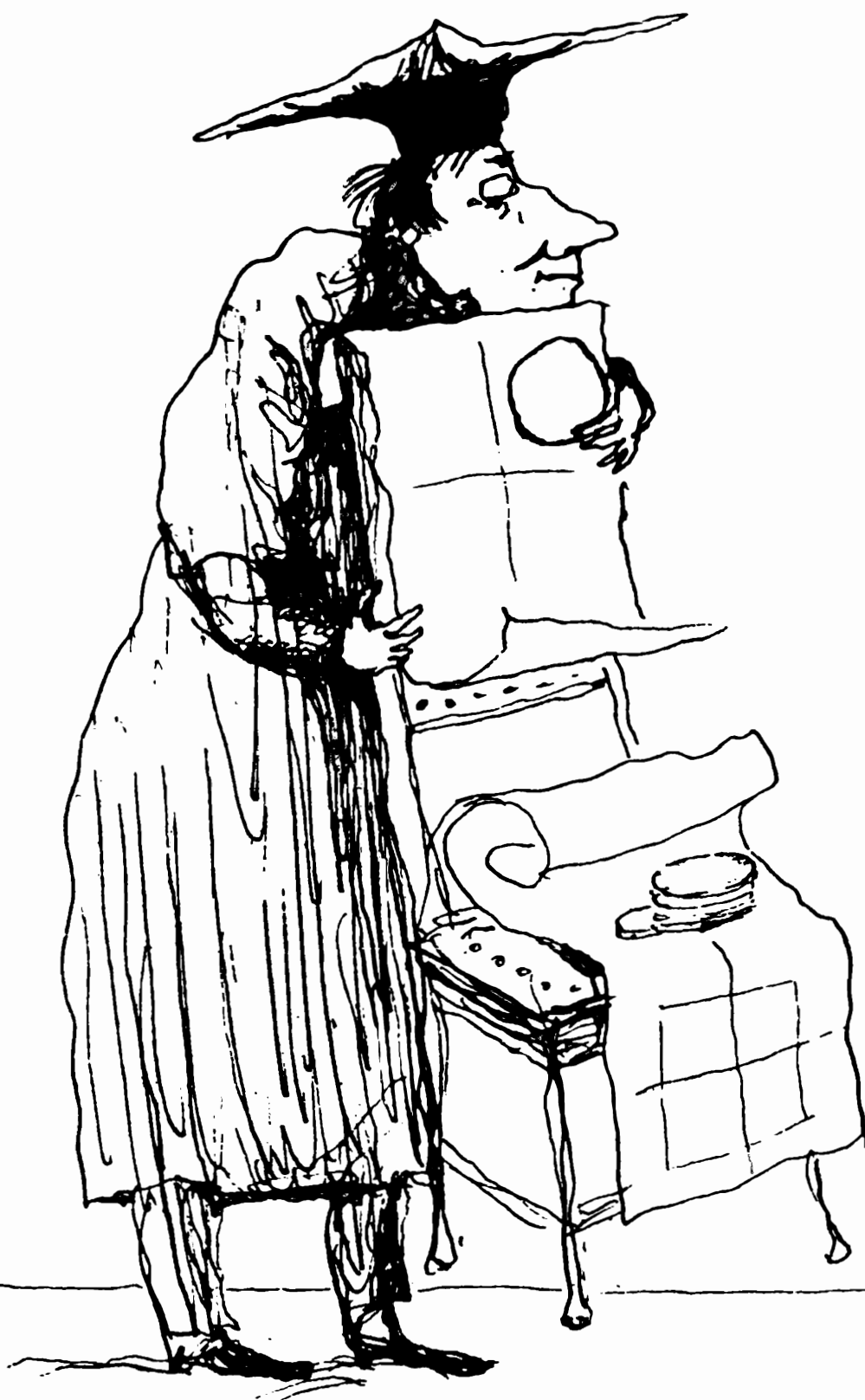
Льюис Кэрролл оставил нам целый мир, сложный и захватывающе интересный. Открыв настоящий сборник, вы сделаете первый шаг, вступая на неведомую вам территорию (наследие Кэрролла далеко не исчерпывается «Алисой»!). Вас ждут интересные открытия. Счастливого пути!

Ю. Данилов

Моему другу — маленькой девочке

Пред взором мысленным моим
Одно проходит за другим
Дней давних смутные виденья.
Но образ твой, сколь я ни ждал,
Пред мною так и не предстал
Ни наяву, ни в сновиденьях,
Мой милый, нежный друг!
И все же чудится порой
Твоя улыбка, голос твой,
Звучащий где-то вдалеке,
И снова время прочь летит,
И, словно прежде, вновь лежит
Твоя рука в моей руке,
Прелестный, юный друг!
Пусть дни мои к концу идут —
Немало радостных минут
Мне было послано судьбой!
Лишь ты не знала бы забот,
Печалей, горестей, невзгод,
О юный друг мой,
Милый, нежный друг!

I. ЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА

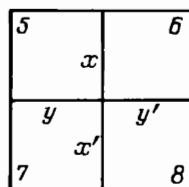
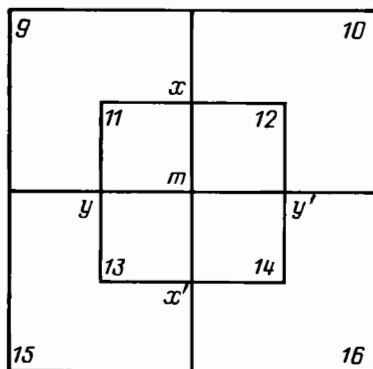
ВВЕДЕНИЕ

Чтобы играть в эту игру, необходимо иметь девять фишек: четыре фишки одного цвета и пять — другого. Например, четыре красных и пять черных.

Кроме девяти фишек необходимо также иметь *по крайней мере* одного игрока. Мне не известна ни одна игра, в которой число участников было бы *меньше*. В то же время я знаю несколько игр, в которых число игроков *больше*, чем в нашей игре. Например, чтобы играть в крокет, необходимо собрать команду из двадцати двух игроков. Разумеется, найти *одного* игрока гораздо легче, чем найти двадцать два игрока. Вместе с тем нельзя не заметить, что хотя одного игрока для нашей игры вполне достаточно, намного интереснее играть в нее вдвоем и помогать друг другу исправлять допущенные ошибки.

Наша игра обладает еще одним преимуществом. Она не только служит неисчерпаемым источником развлечения (число умозаключений, которые можно вывести, играя в нашу игру, бесконечно), но и позволяет игроку узнавать нечто новое (правда, в весьма умеренных дозах). Впрочем, особого вреда от этого нет, поскольку удовольст-

вия она доставляет неизмеримо больше.

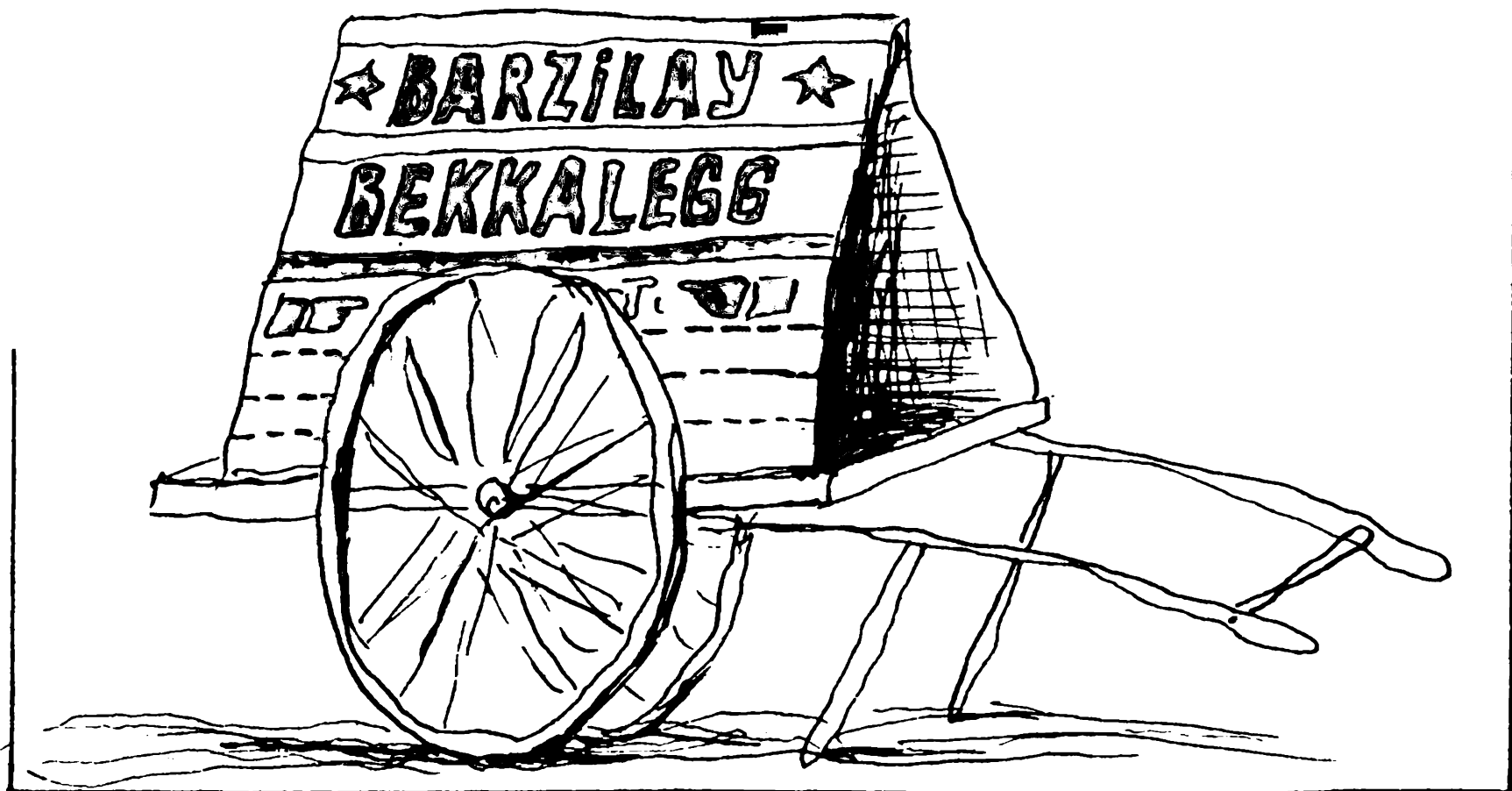

Цвета фишек

Стало вдруг светлым-светло:
Солнце КРАСНОЕ взошло.

А у ночи ЧЕРНЫЙ цвет:
Солнца на небе уж нет.

Глава I

СТАРЫЕ ИСТИНЫ НА НОВЫЙ ЛАД

§ 1. Суждения

«Некоторые свежие булочки
вкусные».

«Ни одна свежая булочка не
вкусная».

«Все свежие булочки вкусные».

Перед вами три суждения — только такие три типа суждений мы и будем использовать в этой игре. Первое, что необходимо сделать, — это научиться изображать их на нашей диаграмме.

Начнем с суждения «Некоторые свежие булочки вкусные», но прежде сделаем одно замечание. Оно необычайно важно и понять его сразу не так-то просто, поэтому читать его надо *очень* внимательно.

В окружающем нас мире имеется много предметов (таких, как «березки», «бараны», «бациллы», «быки» и т. д.). Предметы эти обладают множеством признаков (та-

Что легко приходит, то легко и уходит

ких, как, например, «белые», «бес-толковые», «болезнетворные», «бодливые» и т. п.; в действительности любое свойство, которое «признано» за предметом, или, как еще говорят, «принадлежит ему», может служить его признаком). Если нам нужно назвать предмет, мы употребляем *существительное*. Если же нужно назвать какой-нибудь признак, мы употребляем *прилагательное*. Наверное, найдутся люди, которым захочется спросить: «Может ли существовать предмет, не обладающий никакими признаками?» Это очень трудный вопрос, и я даже не буду пытаться ответить на него. Мы просто гордо отвернемся и будем хранить презрительное молчание, делая вид, будто он не достоин нашего внимания. Но если вопрос поставлен иначе и люди хотят знать, могут ли существовать признаки, не при-

надлежащие никаким предметам, то мы сразу же сможем ответить: «Нет, как не могут грудные младенцы самостоятельно совершать поездки по железной дороге!» Ведь не приходилось же вам никогда видеть, как «блестящее» плавает в воздухе или рассыпано по полу, без того, чтобы хоть какой-нибудь предмет *не был* блестящим?

К чему я веду весь этот длинный (и довольно бессвязный) разговор? А вот к чему. Между именами двух предметов или между именами двух признаков можно вставить слово «есть» или «суть» *) (или подразумевать, что такое слово вставлено), и при этом результат получится вполне осмысленным. Например, «некоторые свиньи суть жирные животные» или «розовый — это светло-красный». Но если вы вставите слово «есть» или «суть» между *именем предмета* и *именем признака* (например, «некоторые свиньи суть розовые»), то ничего хорошего из этого *не получится* (ибо как может предмет быть признаком?), если тот, с кем вы говорите, не знает заранее, что вы имеете в виду. Мне кажется, что добиться взаимопонимания было бы проще всего, если бы мы условились повторять существительное в конце предложения. В этом случае предложение, если его записать полностью, имело бы вид: «Некоторые свиньи суть розовые (свиньи)». Никаких противоречий при этом не возникает.

Итак, чтобы суждение «Некоторые свежие булочки вкусные» имело смысл, необходимо предположить, что оно записано в развернутом виде: «Некоторые свежие булочки суть вкусные (булочки)».

*) «Суть» — множественное число слова «есть» в языке — предке нынешних славянских языков. — *Примеч. ред.*

Полное суждение содержит два термина: один из них — «некоторые булочки», другой — «вкусные булочки». Термин «некоторые булочки», о котором идет речь, называется *субъектом* суждения, термин «вкусные булочки» — *предикатом* суждения. Наше суждение *частное*, поскольку в нем говорится не о всем субъекте, а лишь о его *части*. Суждения «Ни одна свежая булочка не вкусная» и «Все свежие булочки вкусные» называются *общими*, поскольку в каждом из них речь идет обо всем предикате: в первом из них отрицается, а во втором утверждается «вкуснота» *всего* класса «свежих булочек». Наконец, если вы захотите узнать, что же такое *суждение*, то мы можем предложить вам следующее определение: «Суждение — это предложение, утверждающее, что некоторые или все предметы, принадлежащие определенному классу, называемому субъектом, одновременно являются предметами, принадлежащими другому классу, называемому предикатом» (или что ни один предмет, принадлежащий классу «субъект», не является предметом, принадлежащим классу «предикат»).

Эти девять слов — *суждение*, *признак*, *термин суждения*, *субъект*, *предикат*, *частное* и *общее суждение* — окажутся необычайно полезными, если кому-нибудь из ваших приятелей придет в голову поинтересоваться, не приходилось ли вам когда-нибудь изучать логику. Не забудьте употребить в своем ответе все девять слов, и ваш приятель удалится совершенно потрясенным, «став не только мудрее, но и печальнее».

Взгляните теперь на меньшую диаграмму (с. 9). Предположим, что она нарисована на подносе,

который вмещает все булочки в мире (разумеется, размеры его должны быть *достаточно* велики). Пусть все свежие булочки находятся на верхней половине диаграммы (помеченной буквой x), а все остальные (т. е. *несвежие*) — на нижней (помеченной буквой x'). На нижней половине окажутся *черствые* булочки, *окаменевшие* булочки, *допотопные* булочки (если таковые существуют — лично мне их видеть не приходилось) и т. д. Сделаем еще одно предположение: будем считать, что все вкусные булочки находятся на левой половине диаграммы (помеченной буквой y), а все прочие (т. е. *невкусные*) булочки — на правой половине (помеченной буквой y'). Таким образом, x временно означает «свежие», x' — «несвежие», y — «вкусные» и y' — «невкусные».

Как вы думаете, какие булочки находятся в клетке 5?

Вы видите, что эта клетка расположена в верхней половине диаграммы. Следовательно, если в ней есть хоть какие-нибудь булочки, то они должны быть *свежими*. В то же время клетка 5 расположена в левой половине диаграммы; следовательно, принадлежащие ей булочки должны быть *вкусными*. Таким образом, если мы воспользуемся буквенными обозначениями, «быть xy ».

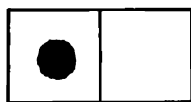
Обратите внимание, что буквы x и y написаны на двух сторонах клетки 5. Как вы увидите в дальнейшем, это позволяет необычайно просто узнавать, какими признаками обладают предметы, находящиеся в любой из клеток. Возьмем, например, клетку 7. Если в ней есть булочки, то они должны быть $x'y'$, т. е. «несвежие и вкусные».

Примем теперь еще одно соглашение: будем считать, что клетка

«занята», т. е. в ней находятся *некоторые* булочки, если на ней стоит красная фишка. Слово «некоторые» в логике означает «одна или несколько», поэтому одной-единственной булочки в клетке совершенно достаточно для того, чтобы мы могли сказать: «В этой клетке находятся некоторые булочки». Условимся также считать, что черная фишка, стоящая в какой-нибудь клетке, означает, что эта клетка «пуста», т. е. в ней *нет ни одной* булочки.

Поскольку субъектом нашего суждения служат «свежие булочки», мы временно будем рассматривать только верхнюю половину подноса, где находятся все булочки, обладающие признаком x , т. е. «свежие».

Предположим, что, сосредоточив внимание на верхней половине диаграммы, мы обнаружили, что она размечена следующим образом:

т. е. красная фишка стоит на клетке 5. Что можно сказать в этом случае о классе «свежих булочек»?

А то, что *некоторые* из них находятся в клетке xy , т. е. помимо признака x , общего для двух верхних клеток, обладают еще и признаком y (т. е. «свежие»). Иначе говоря, мы получили суждение «Некоторые x -булочки суть y (булочки)», или, если подставить вместо x и y их значения, «Некоторые свежие булочки суть вкусные (булочки)». Кратко то же самое можно выразить так: «Некоторые свежие булочки вкусные». Наконец-то мы узнали, как изображается на диаграмме первое из сужде-

ний, приведенных в самом начале этого параграфа!

Если вы *недостаточно* уяснили то, о чем я говорил до сих пор, вам лучше не продолжать чтения, а вернуться назад и перечитать этот параграф еще несколько раз — до тех пор, пока вы не разберетесь во всем *до конца*. Зато, как только вы усвоите эту часть, все остальное не вызовет у вас никаких затруднений.

Рассмотрение двух других суждений будет несколько проще, если мы условимся вообще опускать слово «булочки». Я нахожу, что весь класс предметов, для которых предназначается поднос с начерченной на нем диаграммой, удобно называть «*Универсум*», или «*Мир*». Чтобы испытать новый термин, скажем, например: «Рассмотрим Мир булочек». (Звучит хорошо, не правда ли?)

Разумеется, мы можем брать не только булочки, но и другие предметы и высказывать суждения о «Мире ящериц» или даже о «Мире ос-шершней». (Вы, конечно, согласны, что последний «Мир» просто очарователен и жить в нем — одно удовольствие?)

Вернемся к нашей диаграмме. Мы уже знаем, что

означает «Некоторые x суть y », т. е. «Некоторые свежие суть вкусные».

Разумеется, вы сразу, без всяких объяснений, догадаетесь (я просто уверен в этом), что

означает «Некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые свежие суть не-вкусные».

Поставим теперь на клетку 5 черную фишку и спросим себя, что означает

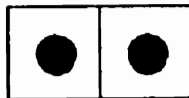
Мы видим, что клетка xu пуста. Следовательно, нуль в клетке 5 соответствует суждению «Ни один x не есть y », или «Ни одна свежая булочка не вкусная», а это не что иное, как второе из трех суждений, приведенных в начале параграфа.

Точно так же диаграмма

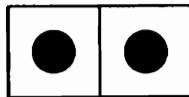
означает «Ни один x не есть y' », или «Ни одна свежая булочка не невкусная».

А как перевести на обычный язык такую диаграмму

Думаю, что вы и без моей помощи разберетесь, что с ее помощью записано *двойное* суждение: «Некоторые x суть y , и некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые свежие (булочки) вкусны, а некоторые свежие (булочки) невкусны».

Может быть, диаграмма

вам покажется более сложной.

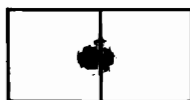
Она означает, что «Ни один x не есть y , и ни один x не есть y' », т. е. «Ни одна свежая (булочка)

не вкусная, и ни одна свежая (булочка) не невкусная». Отсюда следует весьма любопытное заключение: «Ни одна свежая булочка не существует», т. е. «Ни одна булочка не свежая». Оно связано с тем, что разбиение класса «свежих булочек» на «вкусные» и «невкусные» булочки, если взять их вместе, *исчерпывают* весь класс «свежих булочек». Иначе говоря, все свежие булочки, которые только существуют, должны принадлежать либо множеству «вкусных булочек», либо множеству «невкусных булочек».

Предположим, что вам необходимо изобразить на диаграмме с помощью фишек суждение, противоположное суждению «Ни одна булочка не свежая», т. е. суждение «Некоторые булочки свежие» (или, если воспользоваться уже употребленными буквенными обозначениями, «Некоторые булочки суть x »). Как это сделать?

Подобная задача вряд ли поставит вас в тупик. Ясно, что красную фишку нужно поставить куда-то на x -половину подноса, поскольку известно, что имеется некоторое количество свежих булочек. Поставить красную фишку на левую клетку нельзя, поскольку вы не можете с уверенностью сказать, что эти булочки *вкусные*. Точно так же нельзя поставить красную фишку и на правую клетку: ведь ни откуда не следует, что эти булочки *невкусные*.

Что же делать? Мне кажется, что лучший выход из создавшегося затруднительного положения — поставить красную фишку на *линию*, отделяющую клетку x от клетки x' . Эту ситуацию я буду изображать на диаграмме так

Наши остроумные американские кузины говорят о человеке, который хочет вступить в одну из двух партий, таких, как их партии «демократов» и «республиканцев», но никак не может решить, *какую именно* ему выбрать, что он «сидит на стенке». Это выражение как нельзя лучше подходит к красной фишке, которую вы только что поставили на разделительную линию: ей нравится и клетка 5, и клетка 6, но она не может решиться, *в какую из них* спрыгнуть. Так и сидит себе, глупышка, верхом на стенке и болтает от нечего делать ногами!

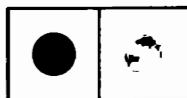
А теперь я хочу предложить вам гораздо более трудную задачу. Как, по-вашему, что означает диаграмма

Ясно, что перед нами какое-то *двойное* суждение. Оно говорит нам не только, что «Некоторые x суть y », но и что «Ни один x не есть не- y ». Следовательно, «*все* x суть y », т. е. «Все свежие булочки вкусные». Вот мы и узнали, как выглядит последнее из трех суждений, приведенных в начале этого параграфа.

Итак, общее суждение «Все свежие булочки вкусные» состоит из *двух* суждений, взятых вместе: «Некоторые свежие булочки вкусные» и «Ни одна свежая булочка не невкусная».

Аналогично диаграмма

означает «Все x суть y' », т. е. «Все свежие булочки невкусные».

А что делать с таким суждением, как «Булочка, которую вы мне дали, вкусная»? Оно частное или общее?

— Ну, конечно же, частное,— поспешите ответить вы.— Впрочем, одна-единственная булочка вряд ли стоит того, чтобы называть ее «некоторые булочки».

Нет, мой дорогой импульсивный читатель, оно общее. Ведь как ни мало булочек (а я уверяю вас, что меньше их и быть не может), все же они суть (хотя правильнее было бы сказать «они есть») *все* булочки, которые вы мне дали! Разделив «Мир булочек» на две части (о красной фишке мы пока забудем) — на булочки, которые вы мне дали (для них я отведу верхнюю половину подноса), и булочки, которые вы мне не дали (их мы условимся складывать на нижней половине подноса), — я обнаружу, что на нижней половине подноса булочек полным-полно, а на верхней их очень мало (меньше некуда!). Предположим теперь, что мне нужно рассортировать булочки на каждой половине подноса: отложить налево *вкусные* булочки, направо — *невкусные*. Начну я со всех булочек, которые вы мне дали. Сортировать их я буду самым тщательным образом, приговаривая время от времени: «Ну что за щедрый человек! Чем я смогу отплатить ему за его доброту?» Все *вкусные* булочки, лежащие на верхней половине подноса, я сложу в левую клетку. *Думаю, что это не займет у меня слишком много времени!*

А вот еще одно общее суждение: «Барзилаи Беккалеги — честный человек». Означает оно следующее: «Все Барзилаи Беккалеги, которых я в данный момент рассматриваю, честные люди».

(Вы, наверное, думаете, что я выдумал столь звучное имя? Ничуть не бывало! Я прочитал его на тележке разносчика где-то в Корнуолле.)

Такой тип общих суждений, у которых субъект сводится к одному-единственному предмету, называется *единичным* суждением.

Выберем теперь «*вкусные* булочки» в качестве субъекта суждения, т. е. сосредоточим наше внимание на левой половине подноса, где все булочки обладают признаком *у*, иначе говоря, *вкусные*.

Предположим, что левая половина размечена следующим образом

Что бы это значило?

После того как мы столь подробно объяснили, что означают все возможные случаи для двух клеток, расположенных *по горизонтали*, нет необходимости тратить время на перебор всех мыслимых случаев заполнения двух клеток, выстроенных *по вертикали*. Думаю, что вы и сами догадались: красная фишка в верхней клетке означает «Некоторые *у* суть *х*», или «Некоторые *вкусные* булочки *свежие*».

— Как же так? — спросите вы.— Ведь с красной фишкой, стоящей в клетке 5, мы уже встречались. Тогда вы поставили красную фишку на клетку 5 и сказали, что это означает «Некоторые *свежие* булочки *вкусные*», а теперь вы утверждаете, будто красная фишка, стоящая в клетке 5, означает «Некоторые *вкусные* булочки

свежие». Разве может красная фишка в клетке 5 означать и то и другое суждение одновременно?

Вопрос этот весьма глубок и делает честь вашей *проницательности*, дорогой читатель! Красная фишка, стоящая в клетке 5, *действительно* означает и то и другое суждение. Если в качестве объекта суждения вы выберете *x* (т. е. «свежие булочки»), а клетку 5 будете считать стоящей в горизонтальном ряду, получится суждение «Некоторые *x* суть *y*», т. е. «Некоторые свежие булочки вкусные». Если же в качестве объекта суждения вы выберете *y* (т. е. «вкусные булочки»), а клетку 5 будете считать стоящей в *вертикальном* ряду, получится суждение «Некоторые вкусные булочки свежие». Оба суждения служат двумя различными способами выражения одной и той же истины.

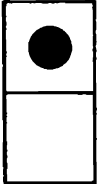
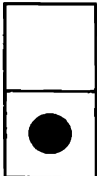
Не трата лишних слов, я просто выпишу все остальные случаи заполнения двух вертикальных клеток, указывая каждый раз суждение, которому они соответствуют. Сравнивая их с различными вариантами заполнения горизонтального ряда, вы без труда во всем разберетесь.

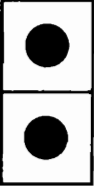
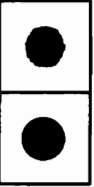
Прекрасный способ проверить себя с помощью приводимой ниже таблицы — закрыть сначала правый, затем левый столбец и попытаться самостоятельно восстановить его. Такая проверка поможет вам, как говорят школьники, *выучить таблицу «назубок»*.

Будет очень хорошо, если вы составите для себя еще две таблицы: одну — для *нижней* половины подноса, другую — для его *правой* половины.

Мне кажется, что мы уже сказали все необходимое о малой

Таблица

Обозначения	Суждения
	«Некоторые <i>x</i> суть <i>y</i> », т. е. «Некоторые вкусные (булочки) черствые».
	«Ни один <i>y</i> не есть <i>x</i> », т. е. «Ни одна вкусная (булочка) не свежая». Обратите внимание, что то же самое можно сказать иначе: «Ни одна свежая булочка не вкусная».
	«Ни один <i>y</i> не есть <i>x</i> », т. е. «Ни одна вкусная булочка не черствая».

Обозначения	Суждения
	«Некоторые у суть x , и некоторые у суть x' », т. е. «Некоторые вкусные (булочки) свежие, и некоторые — не свежие».
	«Ни один у не есть x , и ни один у не есть x' », т. е. «Ни один у не существует», или «Вкусных булочек нет».
	«Все у суть x », т. е. «Все вкусные булочки свежие».
	«Все у суть x' », т. е. «Все вкусные булочки не свежие».

диаграмме и можем переходить к большой.

Ее можно представлять себе в виде подноса, расчерченного так же, как мы расчерчивали подносы до сих пор, который, *кроме того*, разделен на две части (для признака m).

Условимся считать, что m означает «полезный». Предположим, что все полезные булочки сложены *внутри* центрального квадрата, а все *не полезные* (вредные для здоровья) — *вне его*, т. е. в какой-то из четырех *внешних* причудливо изогнутых клеток.

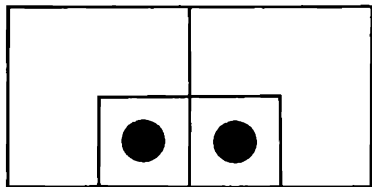
При рассмотрении малой диаграммы булочки, находившиеся в каждой из ее клеток, обладали *двумя* признаками. Теперь же булочки в любой из клеток обладают *тремя* признаками. Буквы, обозначавшие два признака, мы ставили на границе, отделяющей одну клетку от другой. Теперь же мы будем ставить их у *вершин* клеток. (Обратите внимание на то, что внешние вершины четырех наружных клеток считаются помеченными буквой m .) Взглянув на любую клетку, мы можем тотчас же сказать, какими тремя признаками об-

ладают находящиеся в ней предметы. Возьмем, например, клетку 12. В ее вершинах стоят буквы x , y , t , поэтому мы знаем, что находящиеся в ней булочки (если таковые существуют) обладают тройным признаком $xy't$, т. е. «свежие, невкусные и полезные». Рассмотрим теперь клетку 16. В ее вершинах стоят буквы x' , y' , t . Следовательно, находящиеся в ней булочки «несвежие, невкусные и не полезные».

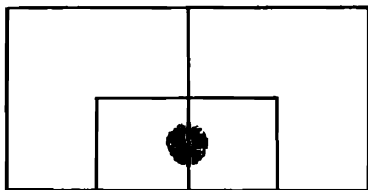
Перебор всех суждений, содержащих x и y , x и t , y и t , которые можно представить на большой диаграмме, занял бы слишком много времени, и я ограничусь тем, что рассмотрю лишь два или три суждения в качестве примера (думаю, что вы не станете сердиться на меня за это, когда узнаете, что всего таких суждений 96). Но вы поступите очень хорошо, если изучите гораздо больше случаев.

Рассмотрим отдельно верхнюю половину большой диаграммы, иначе говоря, суждения с субъектом «свежие булочки». Как изобразить на ней суждение «Ни одна свежая булочка не полезная»?

В буквенных обозначениях интересующее нас суждение имеет вид: «Ни один x не есть t ». Записанное так, оно говорит нам, что ни одна из булочек, находящаяся на верхней половине подноса (т. е. большой диаграммы), не лежит внутри центрального квадрата. Другими словами, клетки 11 и 12 пусты. На диаграмме такая ситуация изображается так

А как выглядит противоположное суждение «Некоторые x суть t »? Эту трудность мы уже обсуждали. Лучший способ разрешить ее состоит, как мне кажется, в следующем. Нужно поставить красную фишку на линию, *отделяющую* клетку 11 от клетки 12, и считать, что это означает: «Одна из клеток (11 и 12) «занята», но *какая именно*, пока еще не известно». На диаграмме эту ситуацию я обозначу так

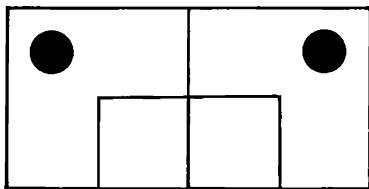
Изобразим на диаграмме суждение «Все x суть t ». Как мы уже знаем, оно состоит из *двух* суждений

«Некоторые x суть t »

и

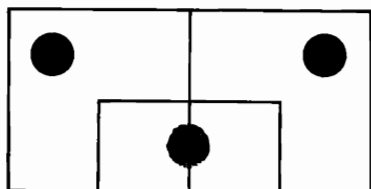
«Ни один x не есть не t ».

Начнем с отрицательного суждения. Оно говорит нам, что ни одна из булочек, находящихся на верхней половине подноса, не должна лежать *вне* центрального квадрата, т. е. что клетки 9 и 10 пусты. Ясно, что на диаграмме это выглядит так

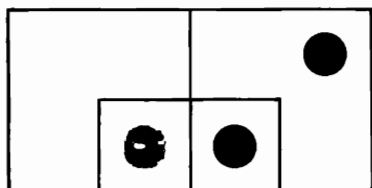
Но мы должны еще нанести на диаграмму суждение «Некоторые x суть t ». Оно говорит нам, что *некоторые* булочки находятся в гори-

зонтальном ряду, состоящем из клеток 11 и 12. Поэтому, как и в предыдущем примере, мы поставим красную фишку на границу, отделяющую клетку 11 от клетки 12, и в результате получим

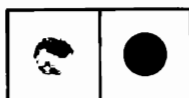
Попробуем теперь перевести одну или две диаграммы на обычный язык.

Что можно сказать относительно x и y , глядя на диаграмму

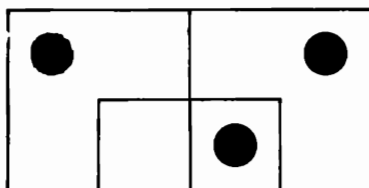
Прежде всего мы видим, что квадрат xu' полностью пуст: и клетка 12, и «уголок» 10 помечены нулями. Относительно квадрата xu диаграмма говорит нам, что он занят. Правда, помечена единицей в нем лишь клетка 11, но и этого вполне достаточно, чтобы утверждать (независимо от того, пуст или занят «уголок» 9), что в квадрате xu *что-то* есть.

Если мы захотим избавиться от признака m и перейдем к меньшей диаграмме, то в ее клетках нуль и единица будут расставлены так

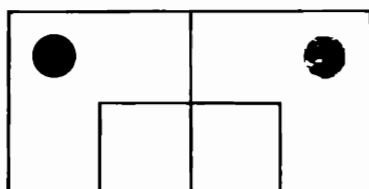

что, как известно, означает «Все x суть y ».

Точно к такому же результату мы бы пришли, если бы верхняя половина большой диаграммы имела вид

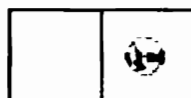
А что можно сказать относительно x и y , глядя на диаграмму

Прежде всего, что одна из частей квадрата xu — его «уголок» — пуста. Но эта информация совершенно бесполезна, поскольку в *другой его части* — клетке 11 — не стоит ничего. Если эта клетка окажется пустой, то и весь квадрат xu будет пуст. Если же клетка 11 окажется занятой, то и квадрат xu будет занят. Итак, поскольку нам неизвестно, какая фишка стоит в клетке 11 — красная или черная, — мы *ничего* не можем сказать и относительно квадрата xu .

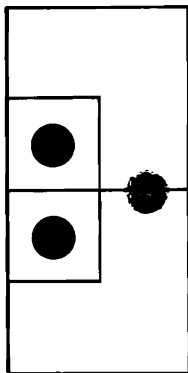
Зато о другом квадрате — xu' — мы можем с уверенностью утверждать, что он (как и в предыдущем примере) занят.

Перенеся разметку на меньшую диаграмму, получим

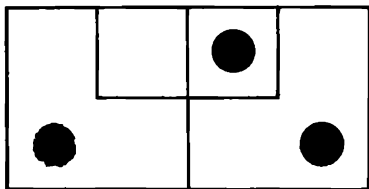

что означает «Некоторые x суть y' ».

Те же принципы применимы и ко всем другим половинкам большой диаграммы — вертикальным и горизонтальным. Например, чтобы представить на большой диаграмме суждение «Все y' суть t' », необходимо взять ее *правую вертикальную* половину (ту, которая отвечает признаку y') и разметить ее следующим образом

Если же мы захотим узнать, какое суждение (относительно x и y) содержится в нижней половине большой диаграммы, на которой нули и единицы расставлены так

то, преобразовав ее в малую диаграмму

мы без труда «расшифруем» скрытое в ней суждение: «Все x' суть y ».

Относительно суждений необходимо сделать еще два замечания.

Во-первых, в каждом суждении, начинающемся со слов «некоторые» или «все», утверждается, что субъект суждения *существует в действительности*. Например, если я говорю: «Все скупые люди эгоистичны», то я подразумеваю, что скупые люди существуют в действительности. Если бы я хотел избежать такого утверждения или только сформулировать *правило*, согласно которому скупость с необходимостью влечет за собой эгоизм, то я выразился бы иначе: «Ни один скупой человек не есть неэгоист». Это суждение не утверждает, что скупые люди вообще существуют. В нем лишь говорится, что если бы скупые люди существовали, то они были бы эгоистами.

Во-вторых, если суждение начинается со слов «некоторые» или «ни один» и содержит более двух признаков, то эти признаки можно произвольно переставлять и относить к любому из терминов суждения.

Например, суждение «Некоторые abc суть def » можно преобразовать в суждение «Некоторые bf суть $acde$ », причем каждое из суждений (и исходное, и преобразованное) эквивалентно суждению «Некоторые предметы суть $abcdef$ ».

Еще пример. Суждение «Ни один мудрый пожилой человек не является опрометчивым и безрассудным игроком» можно преобразовать так: «Ни один опрометчивый пожилой игрок не является мудрым и безрассудным (человеком)». Оба суждения эквивалентны следующему: «Ни один человек не является мудрым, пожилым, опрометчивым и безрассудным игроком».

§ 2. Силлогизмы

Предположим теперь, что мы разделили наш «Мир предметов» тремя способами в соответствии с тремя различными признаками. Из трех признаков можно составить три различные пары (например, если имеются признаки a , b , c , то из них можно составить три пары ab , ac и bc). Предположим кроме того, что два суждения, содержащие две из трех пар признаков, нам даны, и что из них мы умеем выводить третье суждение, содержащее оставшуюся (третью) пару признаков. (Пусть, например, мы разделили наш «Мир» в соответствии с признаками m , x и y . Тогда, если нам даны два суждения «Ни одно m не есть x' » и «Все m' суть y », содержащие пары признаков mx и my , то, опираясь на них, мы можем доказать третье суждение, содержащее признаки x и y .)

В этом случае те суждения, которые даны, называются *посылками*, третье, выводимое из них суждение — *заключением*, а все вместе — *силлогизмом*.

Ясно, что либо *один* из признаков непременно должен входить в обе посылки, либо *в одну* посылку должен входить *сам признак*, а *в другую* — ему *противоположный*.

В первом случае термин, который повторяется дважды (например, когда в качестве посылок выбраны суждения «Некоторые m суть x » и «Ни одно m не есть y' »), называется *средним термином*, поскольку он служит своего рода связующим звеном между двумя другими терминами.

Во втором случае (например, когда посылки имеют вид суждений «Ни один m не есть x' » и «Все m' суть y ») два термина, содержащие противоположные при-

наки, можно назвать *средними терминами*.

Таким образом, в первом случае средний термин — это класс « m -предметов», во втором случае в роли средних терминов выступают два класса — « m -предметов» и « m' -предметов».

Признак, входящий в средний член или в средние члены, не входит в заключение. О нем говорят, что его «исключили» (по-ученому, «элиминировали»), что означает буквально «выставили за дверь».

Попытаемся вывести заключение из двух посылок:

«Некоторые свежие булочки бесполезные»,

«Ни одна вкусная булочка не бесполезная».

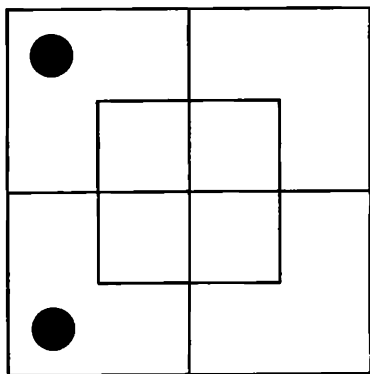
Чтобы выразить их с помощью фишек, необходимо разделить булочки *тремя* различными способами: по тому, свежие ли они, вкусные или полезные. Для этого нам придется воспользоваться большой диаграммой, условившись заранее, что x означает «свежие», y — «вкусные» и m — «полезные». (Все, что находится *внутри* центрального квадрата, по предположению обладает признаком m , все, что находится *вне* его, — признаком m' , т. е. «не- m ».)

В качестве m лучше всего выбрать признак, входящий в *средний* термин или в *средние* термины. (Я обозначил этот признак буквой m потому, что именно с нее начинается слово middle — «средний».)

Изображая на диаграмме посылки силлогизма, лучше всего начинать с *отрицательной* посылки («Ни один...» и т. д.). Дело в том, что расстановка черных фишек не вызывает *никаких сомнений* и помогает уточнить расположение красных фишек, которые иногда

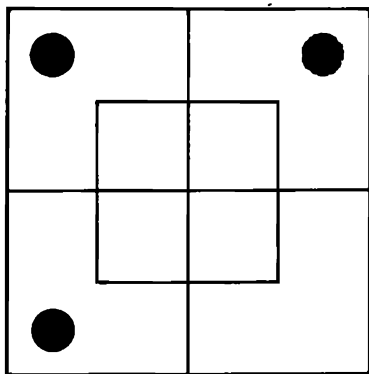
испытывают легкую неуверенность относительно того, где их присутствие наиболее желательно.

Изобразим, например, суждение «Ни одна вкусная булочка не есть бесполезная (булочка)», т. е. «Ни одна у-булочка не есть m' -булочка». Оно говорит нам, что ни одна из булочек, находящихся на половине у подноса, не находится в его клетках m' (т. е. «уголках», лежащих вне центрального квадрата). Следовательно, обе клетки m' -клетка 9 и клетка 15 — пусты, и на каждую из них мы должны поставить по черной фишке:

Нам осталось изобразить на диаграмме вторую посылку, а именно: «Некоторые свежие булочки суть бесполезные (булочки)», т. е. «Некоторые x -булочки суть m' (булочки)». Последняя форма суждения говорит нам, что некоторые из булочек, находящихся на половине x нашего подноса, разместились в его клетках, помеченных буквой m' . Следовательно, одна из этих двух клеток — 9 или 10 — занята. Поскольку нам неизвестно, на какую из двух клеток следует поставить красную фишку, мы, следуя обычному правилу, должны были бы поставить ее на границу, разделяющую клетки-«соперницы». Однако

в данном случае первая посылка позволяет решить спор: в ней говорится, что клетка 9 *пуста*. Следовательно, у красной фишки нет выбора. Волей-неволей ей приходится отправиться на клетку 10:

Какие сведения можно извлечь из этой диаграммы, чтобы с их помощью расставить фишки на *малой* диаграмме и, исключив признак m , получить суждение, содержащее только признаки x и y ? Рассмотрим по очереди все четыре клетки *малой* диаграммы.

Начнем с клетки 5. Все, что мы о ней знаем, сводится к следующему: та часть *большой* диаграммы, которая расположена *вне* ее, *пуста*. О том, что находится *внутри* этой клетки, ничего не известно. Следовательно, квадрат 5 *может* быть и пустым, и занятым. Какая из этих возможностей соответствует действительности, сказать трудно. Поэтому мы и не осмелимся поставить на клетку 5 ни красную, ни черную фишку.

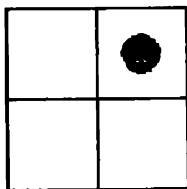
Что можно сказать о клетке 6? Здесь положение немного лучше. Ведь мы уже знаем, что в «уголке», примыкающем *извне* к этой клетке, *что-то* есть. Следовательно, на клетке 10 *большой* диаграммы стоит красная фишка. Правда, нам

неизвестно, пуста или занята сама клетка 6, но какое это имеет значение? Одной-единственной булочки в углу квадрата совершенно достаточно, чтобы мы имели право сказать: «Этот квадрат занят» и поставить на него красную фишку.

При рассмотрении клетки 7 мы оказываемся в том же положении, как и при рассмотрении клетки 5: мы знаем, что она *частично* пуста, но не знаем, пуст или занят примыкающий к ней извне «уголок». Таким образом, на эту клетку мы также не можем поставить ни красную, ни черную фишку.

Относительно клетки 8 нам вообще ничего не известно.

Каков же результат? Он показан на диаграмме:

Наше «заключение» необходимо извлечь из весьма скудного обрывка сведений — из того лишь факта, что в квадрате xu' стоит красная фишка. Так мы приходим к суждению «Некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые свежие булочки (суть) невкусные (булочки)», или, если вы предпочитаете выбрать в качестве субъекта y' , «Некоторые невкусные булочки (суть) свежие (булочки)» (первое звучит все-таки более обнадеживающе).

Запишем теперь силлогизм полностью. Условимся ставить после посылок горизонтальную черту (означающую «следовательно») и опускать для краткости слово «булочки», стоящее в конце каждой посылки. У нас получится следующее:

«Некоторые свежие булочки
неполезные».

«Ни одна вкусная булочка не
неполезная».

«Некоторые свежие булочки
невкусные».

Вот вы и решили (надо сказать, весьма успешно) свой первый *силлогизм*. Позвольте поздравить вас и выразить надежду, что это всего лишь начало длинной и славной серии аналогичных побед!

Попробуем теперь решить еще один силлогизм, гораздо более трудный, чем первый, после чего вы спокойно сможете играть в «Логическую игру» либо сами с собой, либо (что предпочтительнее) с приятелем, которому эта забава придется по вкусу.

Посмотрим, какое заключение можно вывести из двух посылок:

«Все драконы не лукавые».

«Все шотландцы лукавые».

Имейте в виду: я отнюдь не гарантирую, что посылки силлогизма выражают *реальные факты*. Во-первых, мне никогда не пришлось видеть дракона. Во-вторых, для нас, *логиков*, не имеет ни малейшего значения, истинны или ложны наши посылки: все, что мы должны уметь делать, — это решать, *приводят ли они логически к определенному заключению*. Иначе говоря, мы должны уметь доказывать, что если бы посылки были истинными, то и заключение также должно было бы быть истинным.

Как видите, настала пора отказаться от булочек, и поднос перестал быть для нас полезным. В качестве «Мира» мы должны выбрать какой-то класс предметов, включающий в себя шотландцев и драконов. Может быть, такие предметы имеет смысл назвать «су-

ществами»? Поскольку «лукавые», очевидно, является признаком, входящим в средние члены, мы выберем следующие обозначения: m = «лукавые», x = «драконы» и y = «шотландцы». Записанные полностью, наши посылки примут следующий вид:

«Все существа — драконы — нелукавые (существа)».

«Все существа — шотландцы — лукавые (существа)».

Подставляя вместо слов буквенные обозначения, получаем:

«Все x суть m' ».

«Все y суть m ».

Первая посылка, как вы уже знаете, состоит из двух частей:

«Некоторые x суть m' »

и

«Ни один x не есть m ».

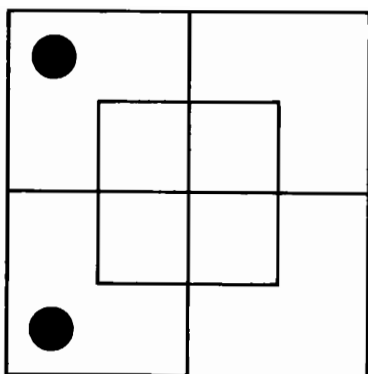
Вторая посылка также состоит из двух частей:

«Некоторые y суть m »

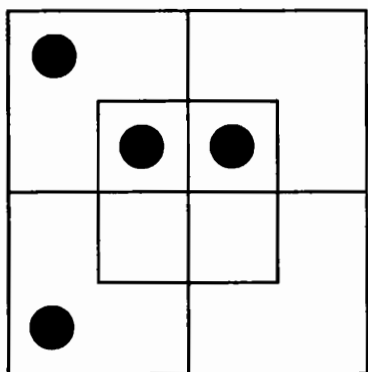
и

«Ни один y не есть m' ».

Начнем с отрицательных частей обеих посылок, т. е. представим с помощью большой диаграммы, во-первых, суждение «Ни один x не есть m » и, во-вторых, суждение «Ни один y не есть m' ». Думаю, вам не нужно объяснять, почему этим суждениям (в отдельности) соответствуют диаграммы

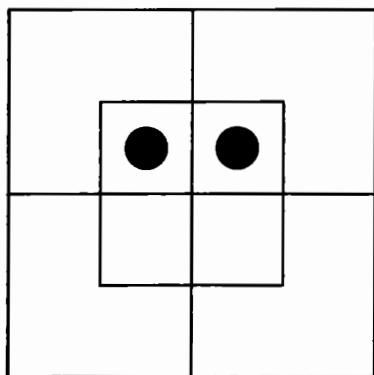
и что, взятые вместе, эти диаграммы образуют одну диаграмму

Осталось изобразить на полученной диаграмме две утвердительные части посылок — «Некоторые x суть m' » и «Некоторые y суть m ».

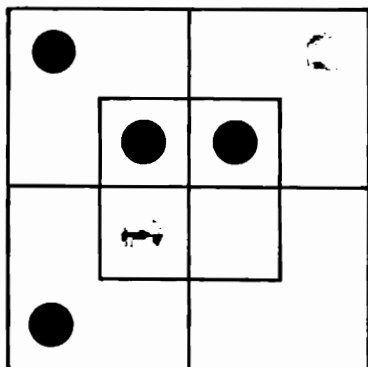
Единственные две клетки большой диаграммы, в которых могут находиться предметы, обладающие признаками xm' , — это «уголки» 9 и 10. Относительно клетки 9 уже известно, что она пуста. Следовательно, красную фишку мы должны поставить на «уголок» 10.

Аналогично предметы с признаками ym могут находиться лишь в клетках 11 и 13. В клетке 11 уже стоит черная фишка — клетка пуста. Следовательно, красную фишку

ку необходимо поставить на клетку 13.

Окончательный результат — диаграмма

А что из представленных здесь сведений можно использовать при построении малой диаграммы?

Рассмотрим по порядку все четыре клетки малой диаграммы.

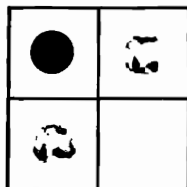
Клетка 5. Мы видим, что она полностью пуста (и поэтому ставим на нее черную фишку).

Клетка 6. Эта клетка занята (ее мы отметим красной фишкой).

Клетка 7. То же самое.

Клетка 8. Относительно этой клетки никаких сведений у нас нет.

Итак, малая диаграмма заполнена весьма щедро:

А какое заключение можно вывести отсюда? Одно суждение просто не в состоянии вместить столь богатую информацию, нам придется уступить и согласиться на этот раз на два суждения.

Выбрав в качестве субъекта x , мы получим первое суждение:

«Все x суть y' », т. е. «Все драконы не шотландцы».

Выбрав в качестве субъекта y , мы получим второе суждение: «Все y суть x' », т. е. «Все шотландцы не драконы».

Запишем теперь весь силлогизм полностью: и две наши посылки, и оба наших заключения. Вот что у нас получится:

«Все драконы не лукавые».

«Все шотландцы лукавые».

«Все драконы не шотландцы».

«Все шотландцы не драконы».

На прощание я хотел бы сделать одно важное замечание. В некоторых книгах по логике вообще не предполагается, что какой-то предмет *существует*. Суждение «Некоторые x суть y » в таких книгах понимается так: «Признаки x и y совместимы, в силу чего некий предмет может одновременно обладать ими обоими». Суждение же «Ни один x не есть y » они интерпретируют как *несовместимость* признаков x и y , в силу которой ни один предмет не может обладать ими обоими.

Суждения в таких трактатах имеют совсем иной смысл, чем тот, который они имеют в нашей «Логической игре», и будет небесполезно, если мы ясно поймем, в чем именно состоит различие.

Прежде всего рассмотрим суждение «Некоторые x суть y ». Мы считаем, что связка «суть» означает «являются в действительности, на самом деле, фактически». Отсюда, разумеется, следует, что некоторые x -предметы *существуют*. Они же (авторы упоминавшихся книг по логике) считают, что связка «суть» означает «может быть». Из такого понимания связки никакого *существования* уже не

следует. Таким образом, их интерпретация связки *уже*, чем наша: наша интерпретация включает в себя их интерпретацию (из того, что «Некоторые *x* суть *y*», следует, что «Некоторые *x* могут быть *y*»), но не наоборот. Например, согласно этим авторам, суждение «Некоторые уэльские гиппопотамы неуклюжие» истинно (поскольку признаки «уэльский» и «неуклюжий» совместимы в гиппопотаме), но в нашей игре оно ложно (ибо уэльские гиппопотамы, которые должны быть неуклюжими, не существуют в природе).

Рассмотрим, далее, суждение «Ни один *x* не есть *y*». В этом случае мы понимаем связку «есть» лишь как «является в действительности», из чего вовсе не следует, что ни один *x* не может быть *y*. Они же понимают это суждение в том смысле, что ни один *x* не только не есть *y*, но и не может быть *y*. В данном случае они понимают суждение шире, чем мы: их интерпретация включает в себя нашу (из того, что ни один *x* не может быть *y*, следует, что ни один *x* не есть *y*), но не наоборот. Например, суждение «ни один полисмен не имеет восьми футов росту» было бы истинно в нашей игре (поскольку столь великолепные образчики полисменов покуда еще не найдены), но ложно в смысле упомянутых мною авторов. (Действительно, признаки «быть полицейским» и «иметь восемь футов росту» вполне совместимы: ничто не мешает полицейскому вырасти до указанной высоты. Необходимо лишь усердно натираться «Роуландовским макасарским маслом». Говорят, что если натирать этим маслом волосы, то волосы начинают расти. Следовательно, если

натирать этим маслом *полисмена*, то *полисмен* также начнет расти.)

Рассмотрим, наконец, суждение «Все *x* суть *y*», состоящее из двух частных суждений: «Некоторые *x* суть *y*» и «Ни один *x* не есть *y*». В этом случае авторы уже упоминавшихся трудов по логике понимают связку *уже*, чем мы, в первой части и шире, чем мы, — во второй. Узость интерпретации одного суждения (и у нас, и у них) отнюдь не компенсируется широтой интерпретации другого: если уж вас угораздит сбить печную трубу, то хозяин дома вряд ли утешится тем, что вы пристроите еще одну ступеньку к крыльцу.

Предложенная мной система позволит вам без особого труда решать и силлогизм в интерпретации авторов ученых трудов по логике: стоит лишь заменить «суть» на «могут быть», и все остальное пойдет как по маслу. Суждение «Некоторые *x* суть *y*» перейдет при этом в суждение. «Некоторые *x* могут быть *y*», т. е. «Признаки *x* и *y* совместимы». Суждение «Ни один *x* не есть *y*» примет вид «Ни один *x* не может быть *y*», т. е. «Признаки *x* и *y* несовместимы». Суждение же «Все *x* суть *y*» станет двойным суждением «Некоторые *x* могут быть *y*, и ни один *x* не может быть *y'*», т. е. «Признаки *x* и *y* совместимы, и признаки *x* и *y'* несовместимы». При пользовании диаграммой по этой системе необходимо не упускать из виду, что красная фишка означает суждение «Вполне возможно, что в этой клетке что-нибудь есть», а черная — суждение «Вполне возможно, что в этой клетке ничего нет».

§ 3. Логические ошибки

Вы, конечно, думаете, что в реальной жизни логику используют главным образом для вывода заключений из правильных посылок и для проверки заключений, выведенных другими людьми (ведь я угадал, не так ли?). Как бы я хотел, чтобы все обстояло именно так! Общество было бы в гораздо меньшей степени подвержено панике и другим пагубным заблуждениям, а *политическая жизнь* выглядела совсем иначе, если бы аргументы (пусть даже не все, но хотя бы большинство), широко распространенные во всем мире, были правильными. Боюсь, что в действительности наблюдается обратная картина. На одну здравую пару посылок (под здоровой я понимаю пару посылок, из которых, рассуждая логически, можно вывести заключение), встретившуюся вам при чтении газеты или журнала, приходится по крайней мере пять пар, из которых вообще нельзя вывести никаких заключений. Кроме того, даже исходя из здравых посылок автор приходит к правильному заключению лишь в одном случае, в *десяти* же он выводит из правильных посылок неверное заключение.

В первом случае (когда посылки не ведут ни к какому логическому заключению) мы говорим об *ошибке в посылках*, во втором (когда из правильных посылок выводится неверное заключение) — об *ошибке в заключении*.

Главная польза, которую вы сможете извлечь из владения логикой на том уровне, который приобретете, играя в нашу «Логическую игру», — это умение обнаруживать логические ошибки только что названных двух типов.

Ошибку первого типа («Ошибку в посылках») вы обнаружите после того, как, расставив фишки на большой диаграмме, попытаетесь извлечь из нее сведения, необходимые для расстановки фишек на малой диаграмме. Рассматривая по очереди все четыре клетки малой диаграммы и спрашивая себя каждый раз: «Какую фишку я должен поставить на эту клетку?», вы *всякий раз* будете приходить к одному и тому же ответу: «Не знаю, об этой клетке у меня нет никаких сведений». Это и будет означать, что из рассматриваемой вами пары посылок *вообще нельзя вывести никакого заключения*. Например, пусть имеются две посылки и заключение:

«Все солдаты храбрые».

«Некоторые англичане храбрые».

«Некоторые англичане — солдаты».

Выглядит это весьма *похоже* на силлогизм, и менее опытный логик вполне мог бы принять такое рассуждение за силлогизм. Но провести *вас* не так-то просто! Вы выделяете посылки, рассматриваете их, а затем холодно замечаете: «Ошибка в посылках!» и даже не снисходите задать вопрос о том, какое *заключение* намеревался вывести из них автор, заведомо зная, что *каким бы оно ни было, оно должно быть ложным*. В правильности своего диагноза вы столь же уверены, как та мудрая мать, которая говорит няне: «Мэри, поднимитесь, пожалуйста, в детскую, посмотрите, что делает малыш, и скажите ему, чтобы он *этого не делал*».

Ошибку другого типа — ошибку в заключении — вы сможете об-

наружить лишь после того, как построите обе диаграммы и, прочитав верное заключение, сравните его с заключением, данным автором.

Необходимо иметь в виду, что говорить об ошибке в заключении лишь потому, что заключение *не тождественно* правильному, нельзя: оно может быть частью правильного заключения и, таким образом, вполне правильным *в определенных пределах*. В таких случаях вам лучше обронить с улыбкой сожаления: *«Изъян в заключении!»* Представим себе, что вам встретился следующий силлогизм:

«Все бескорыстные люди щедрые».

«Ни один скупой человек не щедрый».

«Ни один скупой человек не бескорыстен».

В буквенных обозначениях посылок силлогизма выглядят так:

«Все x' суть m ».

«Ни один y не есть m ».

Правильным заключением в этом случае было бы суждение «Все x' суть y » (т. е. «Все бескорыстные люди не скупые»). Автор же, как мы видим, приводит заключение «Ни один y не есть x' » (или, что то же, «Ни один x' не есть y »). Последнее же суждение является частью общего суждения «Все x' суть y ». В этом случае вам надлежит ограничиться замечанием: «Изъян в заключении». Ситуация здесь в точности такая, как если бы вы находились в кондитерской и на ваших глазах какой-нибудь маленький мальчик, уплатив два пенса, с торжеством удалился, взяв лишь сладкий пирожок стоимостью в один пенс. Вам остава-

лось бы печально покачать головой и заметить: «Изъян в заключении». Вот дурачок! Может быть, вы решились бы спросить у юной леди за прилавком, не разрешит ли она вам съесть пирожок, который мальчик уже оплатил, но оставил. Скорее всего, вы услышали бы в ответ: «Ишь чего захотели!»

Но если бы в приведенном выше примере автор вывел заключение «Все скупые люди корыстные» (т. е. «Все y суть x »), то это означало бы, что он *превысил* свои законные права (поскольку в заключении делалось бы утверждение *о существовании* y , не содержащееся в посылках), и вы могли бы с полным основанием сказать: «Ошибка в заключении!»

Читая другие книги по логике, вы, несомненно, встретите различные типы (так называемых) «логических ошибок», которые далеко *не всегда* являются таковыми. Например, если вы предложите одному из авторов этих книг пару посылок: «Ни один честный человек не мошенник», «Ни один нечестный человек не заслуживает доверия» и спросите у него, какое заключение можно из них вывести, он, вероятнее всего, скажет: «Никакое! В ваших посылках нарушены два различных правила. Более ошибочных посылок я в жизни не видывал!» Если после этого вы все же дерзнете утверждать, что заключением можно считать суждение «Ни один мошенник не заслуживает доверия», то боюсь, что ваш искушенный в логике приятель будет вынужден поспешно удалиться. Не берусь сказать, с гневом или только с презрением, но результат, во всяком случае, будет неприятным.

Советую вам не пробовать на собственном опыте!

— В чем же все-таки дело? — спросите вы. — Не хотите же вы сказать, что все эти логики заблуждаются?

Отнюдь нет, дорогой читатель! С их точки зрения они абсолютно правы. Но в их системах содержатся далеко не все мыслимые формы силлогизмов.

Эти логики испытывают нечто вроде нервного припадка при виде признаков, начинающихся с отрицательной частицы. Например, суждения «Все не- x суть y » и «Ни один x не есть не- y » полностью выпадают из их системы. Исключив (в силу своей нервозности) ряд весьма полезных разновидностей силлогизмов, они установили правила, которые хотя и вполне применимы к немногим «разрешенным» ими формам силлогизмов, тем не менее оказываются бесполезными при рассмотрении силлогизмов всех типов.

Но не будем ссориться с логиками, любезный читатель! В мире достаточно места и для них, и для нас. Будем молча пользоваться нашей более широкой системой. Если логики предпочитают закрывать глаза на все названные выше полезные формы силлогизмов и говорить: «Это не силлогизмы!» — ну, что же, встанем в сторону и предоставим им идти на встречу своей судьбе. Вряд ли можно повстречать что-нибудь более опасное, чем собственная судьба! Вам может встретиться картофельное поле или грядки клубники — особого вреда от этого не будет. Встречая друга, вы можете выбежать на балкон и все же остаться в живых (если только вы живете не в новых домах, построенных по контракту без главного производителя работ). Но если вы повстречаетесь со своей судьбой, то все последствия такой встречи падут на вашу голову!

Глава 2

ГРАД ВОПРОСОВ

Блуждал его взор, был вид его дик,
И дыбом стояли волосы,
Когда он спросил: «А много ль гвоздик
Растет на Северном полюсе?»

§ 1. Элементарные вопросы *)

1. Что такое «признак»? Приведите примеры.

2. Когда между двумя именами имеет смысл ставить связку «есть» или «суть»? Приведите примеры.

3. Когда ставить связку *не имеет* смысла? Приведите примеры.

4. Если ставить связку *не имеет* смысла, то какое соглашение проще всего ввести, чтобы связка имела смысл?

5. Объясните, что такое «суждение», «термин суждения», «субъект» и «предикат». Приведите примеры.

6. Какие суждения называются частными и какие — общими? Приведите примеры.

7. Сформулируйте правило, позволяющее указывать те признаки, которые принадлежат предметам, находящимся в каждой из клеток малой диаграммы.

8. Что означает в логике слово «некоторые»?

9. В каком смысле мы употребляем в этой игре слово «Мир»?

10. Что такое двойное суждение? Приведите примеры.

11. В каких случаях о классе предметов говорят, что он разбит на части «исчерпывающим» образом? Приведите примеры.

12. Объясните смысл выражения «сидеть на стенке».

13. Какие два частных суждения, взятые вместе, образуют суждение «Все x суть y »?

*) Ответы см. в следующей главе.

14. Какие суждения называются единичными? Приведите примеры.

15. Из каких суждений в нашей игре следует вывод о существовании их субъектов?

16. Если суждение содержит более двух признаков, то в некоторых случаях признаки можно переставлять и сдвигать от одного термина суждения к другому. В каких случаях это возможно? Приведите примеры.

Каждое из следующих четырех суждений разбейте на два частных суждения.

17. Все тигры свирепые.

18. Все сваренные вкрутую яйца бесполезные.

19. Я счастлив.

20. Джона нет дома.

21. Сформулируйте правило, позволяющее указывать, какими признаками обладают предметы, находящиеся в любой из клеток большой диаграммы.

22. Объясните, что означают логические термины «посылки», «заключение» и «силлогизм». Приведите примеры.

23. Объясните, что означают выражения «средний термин» и «средние термины».

24. Почему при изображении суждений на большой диаграмме удобнее всего начинать с отрицательных суждений и лишь затем переходить к утвердительным суждениям?

25. Почему для нас как для логиков несущественно, ложны или истинны посылки?

26. Как решать силлогизмы, в которых суждение «Некоторые x суть y » надлежит понимать в смысле «Признаки x и y совместимы», а суждение «Ни один x не есть y » — в смысле «Признаки x и y несовместимы»?

27. Какие два типа логических ошибок вы знаете?

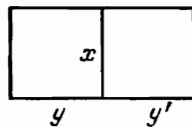
28. Как обнаружить ошибку в посылках?

29. Как обнаружить ошибку в заключении?

30. В некоторых случаях предлагаемое нам другими лицами заключение не совпадает с правильным, и тем не менее его нельзя назвать ошибочным. В каких случаях это возможно? Как мы называем подобные заключения?

§ 2. Суждения, представимые на половине малой диаграммы

На половине малой диаграммы

представьте с помощью черных и красных фишек следующие суждения.

1. Некоторые x суть не- y .

2. Все x суть не- y .

3. Некоторые x суть y , и некоторые x суть не- y .

4. Ни один x не существует.

5. Некоторые x существуют.

6. Ни один x не есть не- y .

7. Некоторые x суть не- y , и некоторые x существуют.

Пусть x = «судьи», y = «справедливые».

8. Ни один судья несправедлив.

9. Некоторые судьи несправедливы.

10. Все судьи справедливы.

Пусть x = «сливы», y = «полезные».

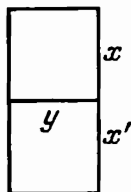
11. Некоторые сливы полезные.

12. Полезных слив не существует.

13. Некоторые сливы полезные, и некоторые сливы неполезные (вредны для здоровья).

14. Все сливы неполезные.

На половине малой диаграммы

изобразите следующие суждения.

Пусть y = «прилежные студенты», x = «учатся хорошо».

15. Ни один прилежный студент не учится плохо.

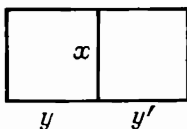
16. Все прилежные студенты учатся хорошо.

17. Ни один студент не прилежен.

18. Некоторые студенты прилежны, но плохо учатся.

19. Некоторые студенты прилежные.

§ 3. Интерпретация фишек, расставленных на половине малой диаграммы

Объясните, что означают следующие символы.

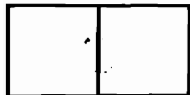
1.

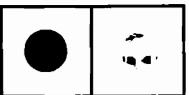
2.

3.

4.

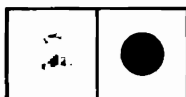

x = «хорошие загадки»,
 y = «трудные».

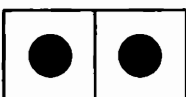
5.

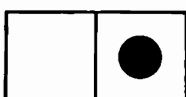
6.

7.

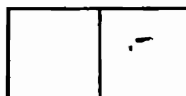

8.

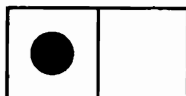

x = «омары»,
 y = «эгоистичные».

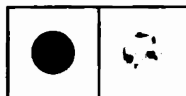
9.

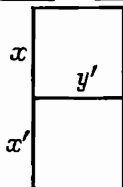
10.

11.

12.

y = «здоровые люди»,
 x = «счастливые».

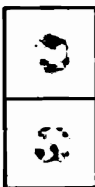
13.

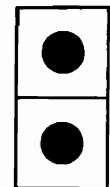
14.

15.

16.

§ 4. Суждения, представимые на малой диаграмме

	x	
y	x'	y'

1. Все y суть x .
2. Некоторые y суть не- x .
3. Ни один не- x не есть не- y .
4. Некоторые x суть не- y .
5. Некоторые не- y суть x .
6. Ни один не- x не есть y .
7. Некоторые не- x суть не- y .
8. Все не- x суть не- y .
9. Некоторые не- y существуют.
10. Ни один не- x не существует.

11. Некоторые y суть x , и некоторые y суть не- x .

12. Все x суть y , и все не- y есть не- x .

«Мир» — множество наций, x = «цивилизованные», y = «воинственные».

13. Ни одна нецивилизованная нация не воинственна.

14. Все невоинственные нации нецивилизованы.

15. Некоторые нации не воинственны.

16. Все воинственные нации цивилизованы, и все цивилизованные нации воинственны.

17. Ни одна нация не нецивилизована.

«Мир» — множество крокодилов, x = «голодные», y = «дружественно настроенные».

18. Все голодные крокодилы не настроены дружественно.

19. Ни один крокодил не настроен дружественно, когда он голоден.

20. Некоторые крокодилы, когда они не голодны, настроены

дружественно, некоторые же — не дружественно.

21. Ни один крокодил не настроен дружественно, и некоторые крокодилы голодны.

22. Все крокодилы, когда они не голодны, настроены дружественно, и все не дружественно настроенные крокодилы голодны.

23. Некоторые голодные крокодилы настроены дружественно, и некоторые не голодные крокодилы не настроены дружественно.

§ 5. Интерпретация фишек, расставленных на малой диаграмме

	x	
y	x'	y'

1.

●	

2.

	●

3.

	●
	●

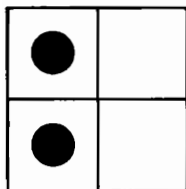
4.

●	●

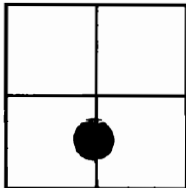
«Мир» — множество домов, x = «кирпичные», y = «двухэтажные».

Что означают следующие диаграммы?

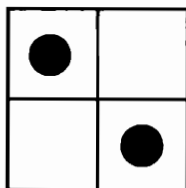
5.

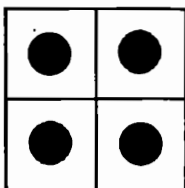
6.

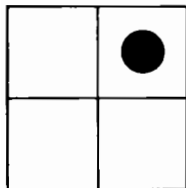
15.

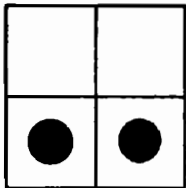
16.

7.

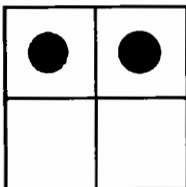
8.

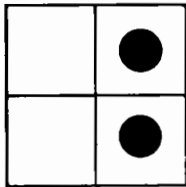
«Мир» — множество мальчишек, x = «толстые», y = «ловкие».

Что означают следующие диаграммы?

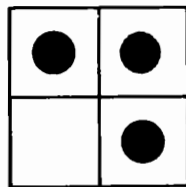
9.

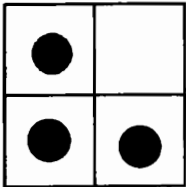
10.

11.

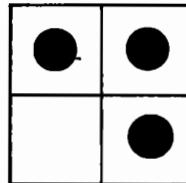
12.

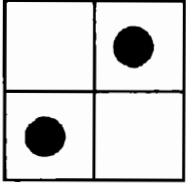
«Мир» — множество кошек, x = «зеленоглазые», y = «ручные».

Что означают следующие диаграммы?

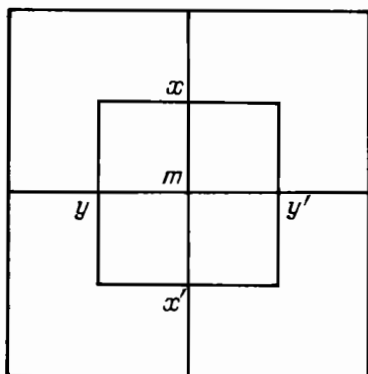
13.

14.

§ 6. Суждения, представимые на большой диаграмме

С помощью красных и черных фишек изобразите на большой диаграмме следующие суждения.

1. Ни один x не есть t .
2. Некоторые y суть m' .
3. Все m суть x' .
4. Ни один m' не есть y' .
5. Ни один m не есть x .
Все y суть m .
6. Некоторые x суть m .
Ни один y не есть t .
7. Все m суть x' .
Ни один y не есть t .
8. Ни один x' не есть m .
Ни один y' не есть m' .

«Мир» — множество кроликов, m = «прожорливые», x = «старые», y = «черные».

Изобразите на диаграмме следующие суждения.

9. Ни один старый кролик не прожорлив.

10. Некоторые непрожорливые кролики черные.

11. Всем белым кроликам не свойственна прожорливость.

12. Все прожорливые кролики молодые.

13. Ни один старый кролик не прожорлив.

Все черные кролики прожорливы.

14. Все непрожорливые кролики черные.

Ни один старый кролик не воздержан в пище.

«Мир» — множество птиц, m = «поющие громко», x = «получающие достаточное количество корма», y = «счастливые».

Изобразите на диаграмме следующие суждения.

15. Все птицы, получающие достаточно корма, поют громко.

Все птицы, поющие громко, счастливы.

16. Все птицы, не поющие громко, не счастливы.

Ни одна птица, получающая достаточно корма, не поет тихо.

«Мир» — множество людей, m = «те, кто находится в этом доме», x = «Джон», y = «те, у кого болят зубы».

Изобразите на диаграмме следующие суждения.

17. Джон находится в этом доме.

У всех, кто находится в этом доме, болят зубы.

18. В этом доме нет никого, кроме Джона.

Ни у кого из тех, кто находится в этом доме, не болят зубы.

«Мир» — множество людей, m = «я», x = «совершившие прогулку», y = «чувствующие себя лучше».

Изобразите на диаграмме следующие суждения.

19. Я совершил прогулку.

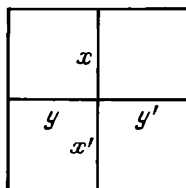
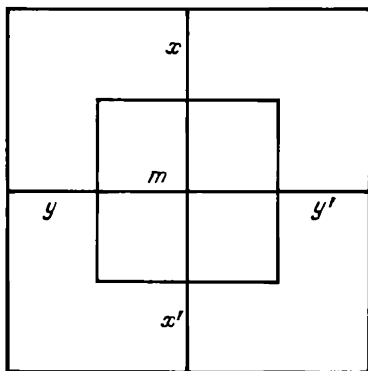
Я чувствую себя гораздо лучше.

«Мир» и признаки, обозначаемые буквами m , x и y , выбирайте по своему усмотрению. Изобразите на диаграмме следующие два суждения.

20. Я попросил его принести котенка.

Он по ошибке принес мне котелок.

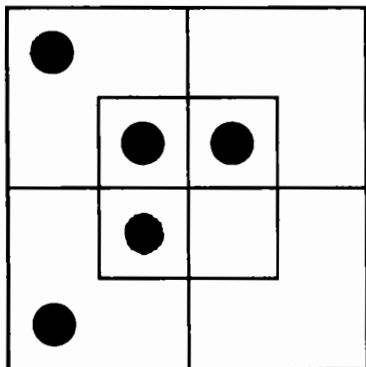
§ 7. Суждения, представимые на двух диаграммах — большой и малой

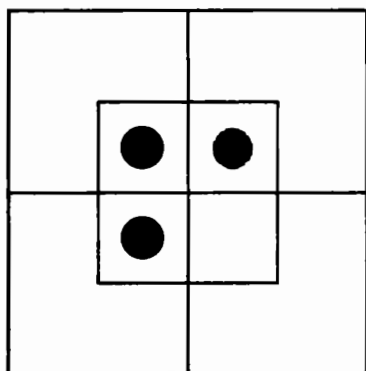
Указание. При ответе на каждый вопрос необходимо начертить малую диаграмму (для одних лишь признаков x и y), разметить ее в соответствии с большой диаграммой и, глядя на малую диаграмму, постараться сформу-

лизовать как можно больше суждений относительно x и y .

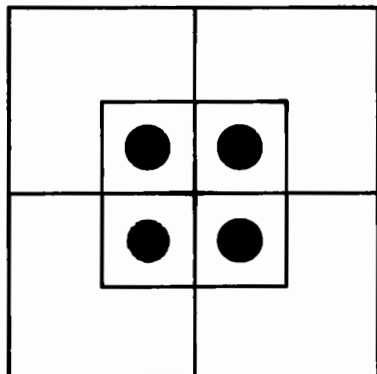
1.

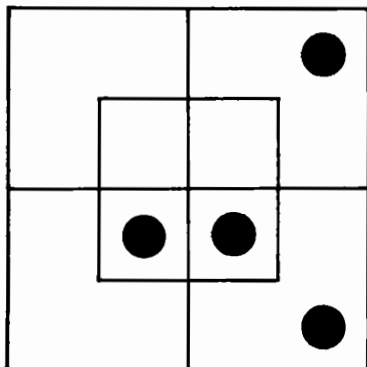
2.

3.

4.

На большой диаграмме при помощи черных и красных фишек изобразите перечисленные ниже пары суждений из предыдущего параграфа, затем разметьте малую диаграмму в соответствии с большой и т. д.

5. № 13 6. № 14 7. № 15
8. № 16
9. № 17 10. № 18 11. № 19
12. № 20

То же самое проделайте со следующими суждениями (в действительности каждая из этих пар суждений служит *посылками* силлогизма, поэтому результаты, считываемые вами с малой диаграммы, представляют собой не что иное, как *заключение* силлогизма).

13. Ни одна книга с острым сюжетом не подходит для чтения легко возбудимым людям.
От книг со спокойным сюжетом клонит в сон.
14. Некоторые из тех, кто достоин славы, получают награду.
Никто, кроме храбрецов, не достоин славы.
15. Ни один ребенок не обладает терпением.
Ни один нетерпеливый человек не может сидеть спокойно.
16. Все свиньи жирные.
Все скелеты тощи.

17. Ни одна обезьяна не солдат.
Все обезьяны ведут себя непристойно.
18. Ни одна из моих кузин не справедлива.
Все судьи справедливы.
19. Некоторые дни дождливы.
Дождливые дни наводят скуку.
20. Все лекарства противны на вкус.
Александрийский лист — лекарство.
21. Некоторые евреи богаты.
Все патагонцы не евреи.
22. Все трезвенники любят сахар.
Ни один соловей не пьет вина.
23. Никакая горячая сдоба не полезна.
Все сладкие пирожки не полезны.
24. Ни одно толстое создание не бегаёт хорошо.
Некоторые гонимые бегают хорошо.
25. Все солдаты маршируют.
Некоторые юноши не солдаты.
26. Сахар сладкий.
Соль несладкая.
27. Некоторые яйца сварены вкрутую.
Все яйца бьются.
28. В этом доме нет евреев.
Все неевреи в саду.
29. Все битвы сопровождаются страшным шумом.
То, что происходит без шума, может ускользнуть от внимания.
30. Ни один еврей не сумасшедший.
Все раввины евреи.
31. Не существует рыбы, которая не умела бы плавать.
Некоторые коньки рыбы.
32. Все склонные к горячности люди неразумны.
Некоторые ораторы склонны к горячности.

Глава 3

ФЕЙЕРВЕРК ОТВЕТОВ

Число гвоздик ты хочешь знать,
Растущих на морозе?
Изволь: оно равно числу
Бананов на березе.

§ 1. Ответы на элементарные вопросы

1. Любое свойство, которым обладает предмет или которое можно приписать предмету, называется признаком. Например, «пирог» (довольно часто) обладают признаком «подгорелые», а «мальчики» (в исключительно редких случаях) — признаком «милые».

2. Связку имеет смысл ставить между именами двух предметов (например, «Эти свиньи — жирные животные») или двух признаков (например, «Розовый — это бледно-красный»). Тире в первом случае означает связку «суть», во втором — связку «есть».

3. Когда одно имя является именем предмета, а другое —

именем признака (например, «Все свиньи суть розовые»), так как предмет не может в действительности быть признаком.

4. Проще всего предположить, что существительное, входящее в субъект, повторяется в предикате (например, «Эти свиньи суть розовые (свиньи)»).

5. Суждение — это предложение, в котором утверждается, что некоторые или все предметы, принадлежащие определенному классу, называемому субъектом, одновременно являются предметами, принадлежащими некоторому другому классу, называемому предикатом (или что ни один предмет, принадлежащий классу «субъект», не принадлежит классу «предикат»). Например, в суждении «Не-

которые свежие булочки невкусные», или, если записать его в развернутом виде, «Некоторые свежие булочки суть невкусные булочки», субъектом является класс «свежих булочек», а предикатом — класс «невкусных булочек».

6. Суждение, в котором утверждается, что *некоторые* из предметов, принадлежащих субъекту суждения, являются такими-то и такими-то, называется частным. Например, «Некоторые свежие булочки вкусные», «Некоторые свежие булочки невкусные» — частные суждения.

Суждение, в котором утверждается, что *ни один* из предметов, принадлежащих субъекту суждения, не есть то-то и то-то, или, наоборот, все предметы являются такими-то и такими-то, называется общим. Например, «Ни одна свежая булочка не вкусна», «Все свежие булочки не вкусны» — суждения общие.

7. Предметы, находящиеся в любой из клеток малой диаграммы, обладают двумя признаками, которые обозначены буквами, стоящими на *прямых, отделяющих эту клетку от соседних*.

8. «Некоторые» предметы в логике означают «один или несколько».

9. «Мир» в нашей игре означает класс предметов, изображаемых на диаграмме.

10. Двойным называется суждение, содержащее два утверждения, например суждение «Некоторые свежие булочки вкусные» и «Некоторые свежие булочки невкусные» — двойное.

11. Разбиение называется исчерпывающим, если каждый элемент класса принадлежит какой-то из частей, на которые распадается класс при данном разбиении. На-

пример, разбиение класса «свежих булочек» на вкусные и невкусные является исчерпывающим, поскольку *каждая* свежая булочка должна быть либо вкусной, либо невкусной.

12. В тех случаях, когда человек не может решить, в какую из двух партий — республиканцев или демократов — он хочет вступить, в Америке говорят, что он «сидит на стенке» (и не знает, на какую сторону ему прыгнуть).

13. «Некоторые x суть y » и «Ни один x не есть y ».

14. Суждения, в которых субъект состоит из одного-единственного предмета, называются единичными. Например, «Я счастлив», «Джона нет дома» — единичные суждения. Единичные суждения относятся к числу общих суждений, поскольку суждение «Я счастлив» эквивалентно суждению «Все я, которые существуют, счастливы», а суждение «Джона нет дома» — суждению «Всех Джонов, которых я рассматриваю в данный момент, нет дома».

15. Из суждений, начинающихся со слов «некоторые» или «все».

16. В тех случаях, когда суждения начинаются со слов «некоторые» или «ни один». Например, суждение «Некоторые abc суть def » можно преобразовать в суждение «Некоторые bf суть $acde$ », причем и исходное, и конечное суждения эквивалентны суждению «Некоторые $abcdef$ существуют».

17. Некоторые тигры свирепы.

Ни один тигр не кроток.

18. Некоторые сваренные вкрутую яйца вредны для здоровья.

Ни одно сваренное вкрутую яйцо не полезно для здоровья.

19. Некоторые «я» счастливы.

Ни один «я» не несчастлив.

20. Некоторых Джонов нет дома.

Ни один Джон не дома.

21. Предметы, находящиеся в любой из клеток большой диаграммы, обладают тремя признаками, буквенные обозначения которых стоят у трех вершин данной клетки (единственное исключение составляет признак m' — предполагается, что буквы m' , хотя в действительности их и нет, стоят во всех четырех углах большой диаграммы рядом с номерами 9, 10, 15 и 16).

22. Если «Мир предметов» разделен на части по трем различным признакам и нам заданы два суждения, содержащих две различные пары этих признаков, и из них мы можем вывести третье суждение относительно той пары признаков, которые не вошли в первые два суждения, то в этом случае данные два суждения называются «посылками», третье суждение — «заключением», а все три суждения вместе — «силлогизмом». Например, посылками могут быть суждения «Ни один m не есть x' » и «Все m' суть y », из которых можно вывести заключение, содержащее x и y .

23. Если некий признак входит в обе посылки, то содержащий его термин называется «средним термином». Например, если посылки имеют вид суждений «Все m суть x » и «Ни один m не есть y' », то средним термином будет класс « m -предметов».

Если же какой-то признак входит в одну посылку, а противоположный ему признак — в другую, то термины, содержащие эти признаки, можно назвать «средними терминами». Например, если в ка-

честве посылок выбраны суждения «Ни один m не есть x' » и «Все m' суть y », то два класса — « m -предметов» и « m' -предметов» — можно назвать «средними терминами».

24. Потому что места для черных фишек определяются однозначно, в то время как утвердительные суждения (т. е. суждения, начинающиеся со слов «некоторые» или «все») иногда вынуждают нас усаживать красную фишку «на стенку».

25. Потому что единственный вопрос, который нас интересует, состоит в том, можно ли логически вывести данное заключение из данных посылок, иначе говоря, будет ли данное заключение истинным, если посылки истинны.

26. Следует принять соглашение о том, что красная фишка означает «Эта клетка может быть занята», а черная — «Эта клетка не может быть занята», или «Эта клетка должна быть пустой».

27. Ошибка в посылках и ошибка в заключении.

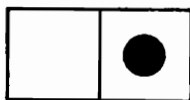
28. Ошибку в заключении можно обнаружить, если при переходе от большой диаграммы к малой у нас не оказывается никаких сведений ни об одной из четырех клеток малой диаграммы.

29. Нужно найти правильное заключение и затем сравнить его с предложенным. Если последнее не тождественно правильному и не составляет его части, мы имеем дело с ошибкой в заключении.

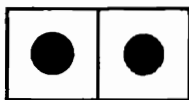
30. В тех случаях, когда предложенное нам заключение является частью правильного заключения. О подобных заключениях мы говорим как об «изъяне в заключении».

§ 2. Суждения, представимые на половине малой диаграммы

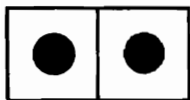
1.

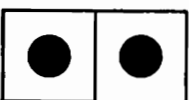
2.

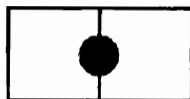
3.

4.

5.

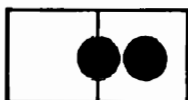
6.

7.

Кому-то может показаться, что суждение «Некоторые x существуют» следовало бы изобразить диаграммой.

В действительности же оно содержится в утверждении «Некоторые x суть y' ». Красная фишка, стоящая на границе, означала бы лишь, что «одна из двух клеток занята». Это обстоятельство нам уже известно, поскольку мы знаем, что занята именно правая клетка.

8. «Ни один x не есть y », т. е.

9. «Некоторые x суть y' », т. е.

10. «Все x суть y », т. е.

11. «Некоторые x суть y », т. е.

12. «Ни один x не есть y », т. е.

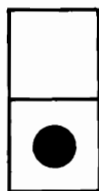
13. «Некоторые x суть y », и «Некоторые x суть y' », т. е.

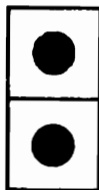
14. «Все x суть y' », т. е.

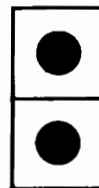
15. «Все y суть x' », т. е.

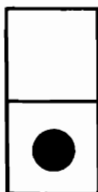
16. «Все y суть x », т. е.

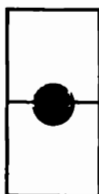
17. «Ни одного y не существует», т. е.

18. «Некоторые y суть x' », т. е.

19. «Некоторые y существуют», т. е.

§ 3. Интерпретация фишек, расставленных на половине малой диаграммы

1. «Ни один x не есть y ».

2. «Ни один x не существует».

3. «Некоторые x существуют».

4. «Все x суть y' ».

5. «Некоторые x суть y », т. е. «Некоторые хорошие загадки трудные».

6. «Все x суть y », т. е. «Все хорошие загадки трудные».

7. «Ни один x не существует», т. е. «Ни одна загадка не хорошая».

8. «Ни один x не есть y », т. е. «Ни одна хорошая загадка не трудная».

9. «Некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые омары не эгоистичны».

10. «Ни один x не есть y », т. е. «Ни один омар не эгоистичен».

11. «Все x суть y' », т. е. «Все омары не эгоистичны».

12. «Некоторые x суть y , и некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые омары эгоистичны, и некоторые — не эгоистичны».

13. «Все y' суть x' », т. е. «Все больные несчастны».

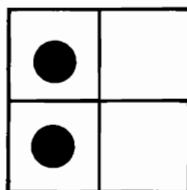
14. Некоторые y' существуют, т. е. «Некоторые люди нездоровы».

15. «Некоторые y' суть x , и некоторые y' суть x' », т. е. «Некоторые больные счастливы, и некоторые — несчастливы».

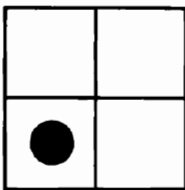
16. «Ни один y' не существует», т. е. «Нет ни одного нездорового человека».

§ 4. Суждения, представимые на малой диаграмме

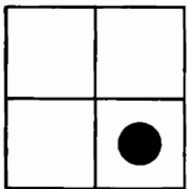
1.

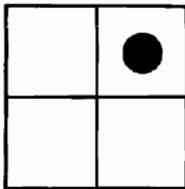
2.

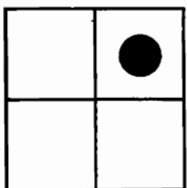
3.

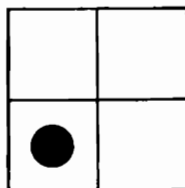
4.

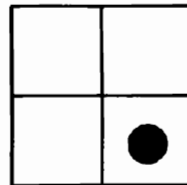
5.

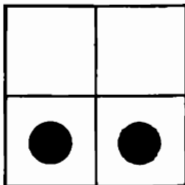
6.

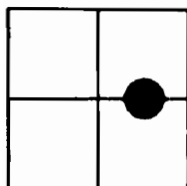
7.

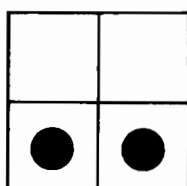
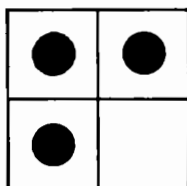
8.

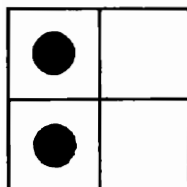
9.

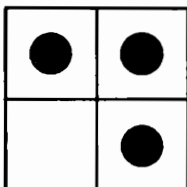
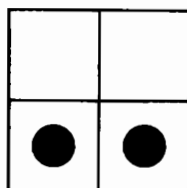
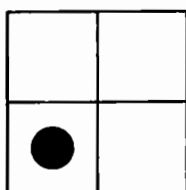
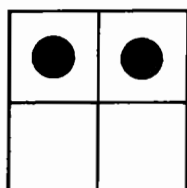
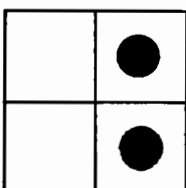
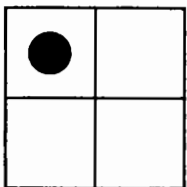
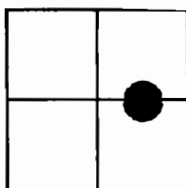
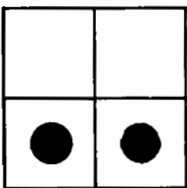
10.

16. «Все y суть x , и все x суть y », т. е.

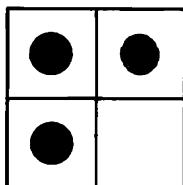
11.

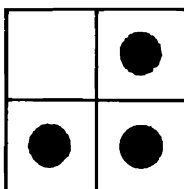
12.

17. «Ни один x' не существует», т. е.13. «Ни один x' не существует», т. е.18. «Все x суть y' », т. е.14. «Все y' суть x' », т. е.19. «Ни один x не есть y' », т. е.15. «Некоторые y' существуют», т. е.20. «Некоторые x' суть y , и некоторые x' суть y' », т. е.

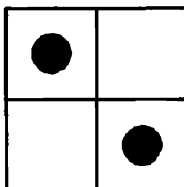
21. «Ни один y не существует, и некоторые x существуют», т. е.

22. «Все x' суть y , и все y' суть x », т. е.

23. «Некоторые x суть y , и некоторые x' суть y' », т. е.

§ 5. Интерпретация фишек, расставленных на малой диаграмме

1. «Некоторые y суть не- x », или «Некоторые не- x суть y ».

2. «Ни один не- x не есть не- y », или «Ни один не- y не есть не- x ».

3. «Ни один не- y не есть x ».

4. «Ни один не- y не существует», т. е. «Ни один предмет не есть не- x ».

5. «Ни один y не существует», т. е. «Ни один дом не двухэтажный».

6. «Некоторые x' существуют», т. е. «Некоторые дома построены не из кирпича».

7. «Ни один x не есть y' », или «Ни один y' не есть x », т. е. «Ни один кирпичный дом не имеет числа этажей, отличного от двух», или «Ни один не двухэтажный дом не построен из кирпича».

8. «Все x' суть y' », т. е. «Все не кирпичные дома не имеют двух этажей».

9. «Некоторые x суть y , и некоторые x суть y' », т. е. «Некоторые толстые мальчики ловкие, и некоторые — неуклюжие».

10. «Все y' суть x' », т. е. «Все неуклюжие мальчики худые».

11. «Все x суть y' , и все y' суть x », т. е. «Все толстые мальчики неуклюжие, и все неуклюжие мальчики толстые».

12. «Все y суть x , и все x' суть y », т. е. «Все ловкие мальчики толстые, и все худые мальчики ловкие».

13. «Ни один x не существует, и ни один y' не существует», т. е. «Ни у одной кошки глаза не зеленые, и ни одна кошка не дикая».

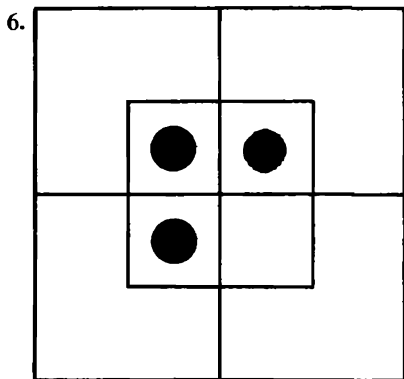
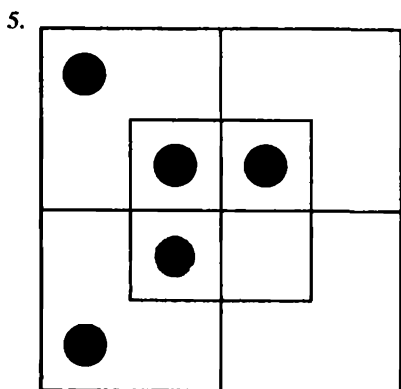
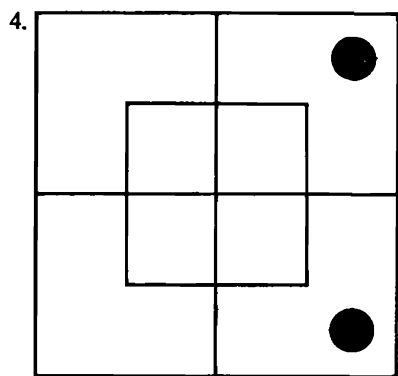
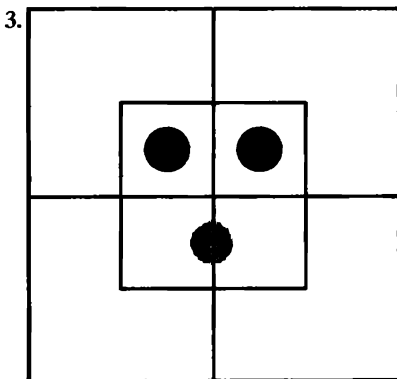
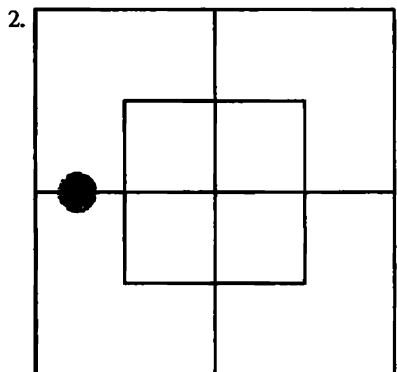
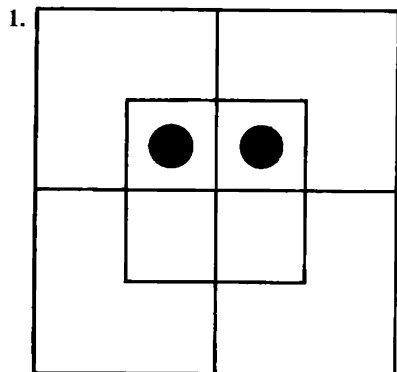
14. «Некоторые x суть y' , и некоторые x' суть y », или «Некоторые y суть x' , и некоторые y' суть x », т. е. «Некоторые кошки с зелеными глазами дикие, и некоторые кошки с глазами другого цвета — ручные», или «У некоторых ручных кошек цвет глаз отличен от зеленого, и у некоторых диких кошек зеленые глаза».

15. «Некоторые x суть y , и ни один x' не есть y' », или «Некоторые y суть x , и не один y' не есть x' », т. е. «Некоторые кошки с зелеными глазами ручные, и ни у одной дикой кошки нет зеленых глаз».

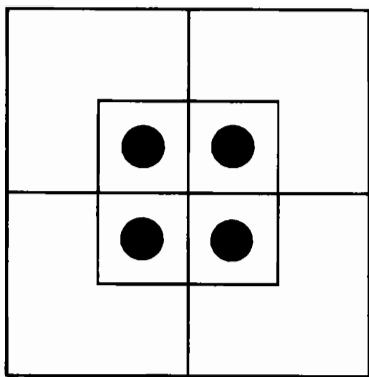
16. «Все x суть y' , и все x' суть y », или «Все y суть x' , и все y' суть x », т. е. «Все кошки с зелеными глазами дикие, и все кошки, у которых цвет глаз от-

личен от зеленого, ручные», или
 «У всех ручных кошек цвет глаз
 отличен от зеленого, и у всех ди-
 ких кошек зеленые глаза».

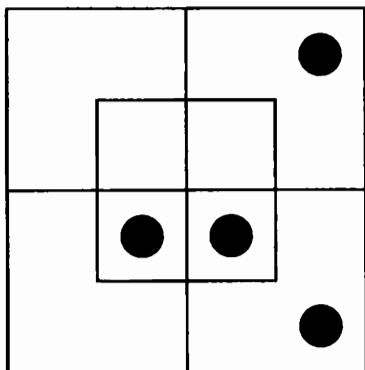
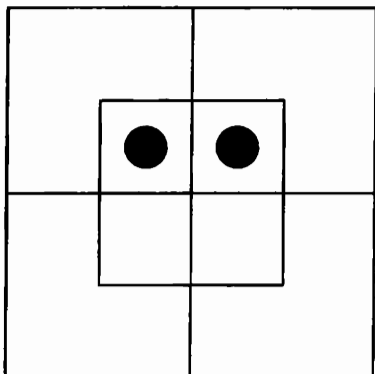
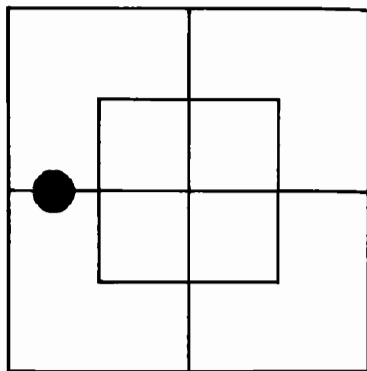
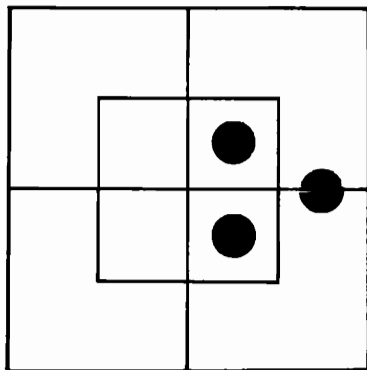
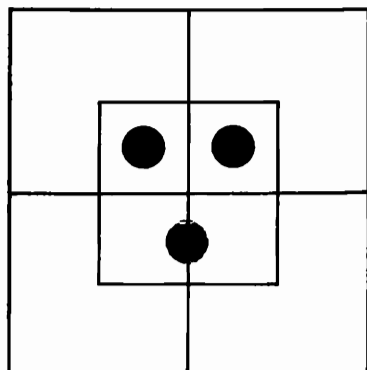
**§ 6. Суждения,
 представимые на большой
 диаграмме**

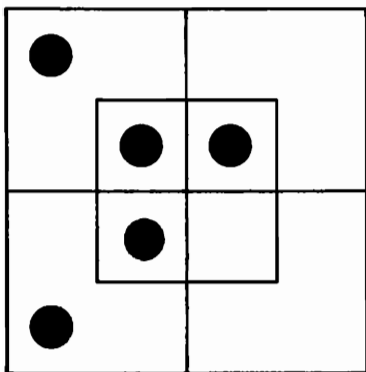
7.

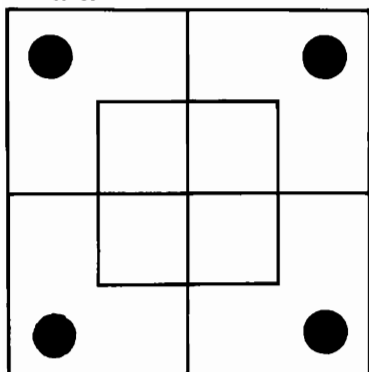
8.

9. «Ни один x не есть m », т. е.10. «Некоторые m' суть y », т. е.11. «Все y' суть m' », т. е.12. «Все m суть x' », т. е.

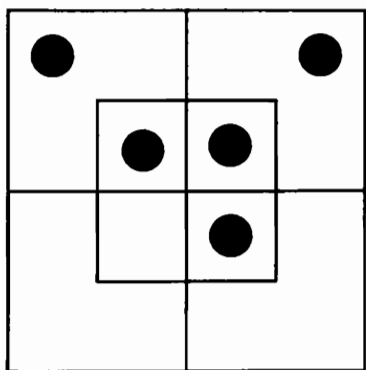
13. «Ни один x не есть m ».
«Все y суть m », т. е.

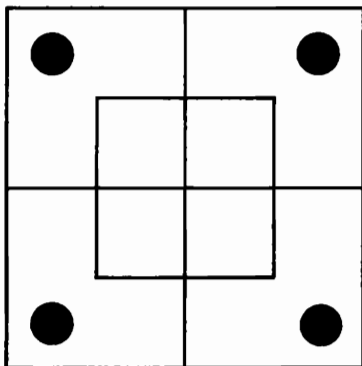
14. «Все m' суть y ».
«Ни один x не есть m' »,
т. е.

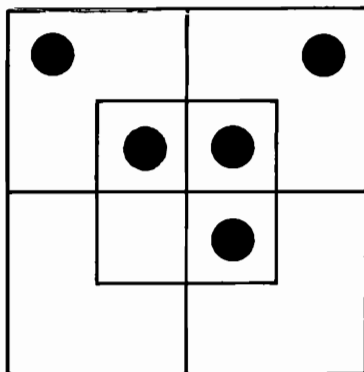
15. «Все x суть m ».
«Ни один m не есть y' »,
т. е.

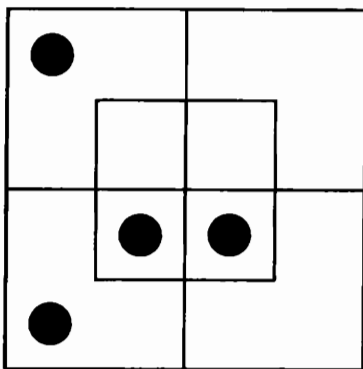
16. «Все m' суть y' ».
«Ни один x не есть m' »,
т. е.

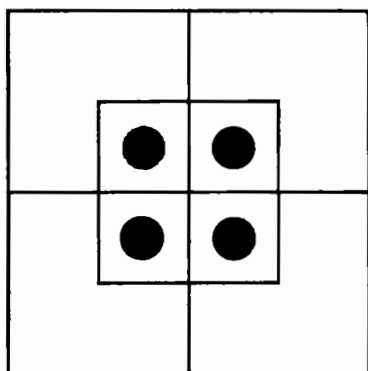
17. «Все x суть m ».
«Все m суть y », т. е.

18. «Ни один x' не есть m ».
«Ни один m' не есть y »,
т. е.

19. «Все m суть x ».
 «Все m суть y », т. е.

20. В качестве «Мира» удобно выбрать множество людей.

«Меня» можно выбрать в качестве среднего члена. Тогда посылки силлогизма примут следующий вид:

«Я (есть) то лицо, которое послало его за котенком».

«Я (есть) то лицо, которому он по ошибке принес котелок».

Выбрав в качестве среднего члена «его», мы получим посылки в следующей форме:

«Он есть то лицо, которое я послал за котенком»,

«Он есть то лицо, которое по ошибке принесло мне котелок».

Последняя форма предпочтительнее, поскольку вся соль анекдота — в его глупости, а не в том, что произошло *со мной*.

Введем обозначения:

m = «он», x = «тот, кого я послал и т. д.»,

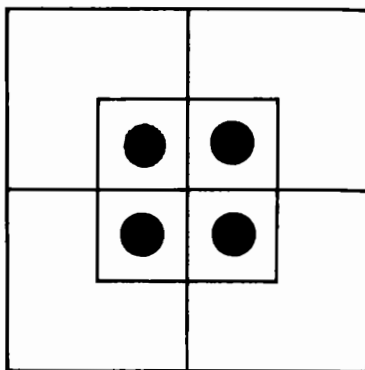
y = «тот, кто принес и т. д.»

Тогда посылки примут вид:

«Все m суть x ».

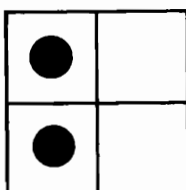
«Все m суть y ».

Это соответствует диаграмме

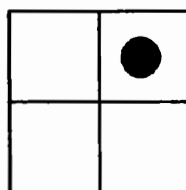
§ 7. Суждения, представимые на двух диаграммах — большой и малой

1.

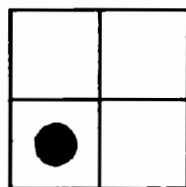
т. е. «Все y есть x' ».

2.

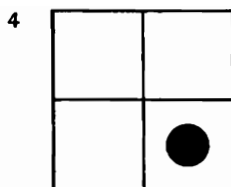

т. е. «Некоторые x суть y' », или «Некоторые y' суть x ».

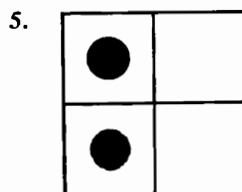
3.

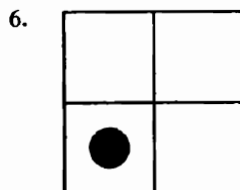
т. е. «Некоторые y суть x' », или «Некоторые x' суть y ».

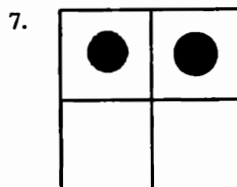
т. е. «Ни один x' не есть y' », или «Ни один y' не есть x' ».

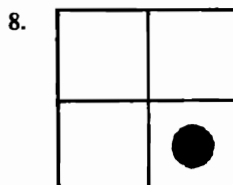
т. е. «Все y суть x' », или «Все черные кролики молодые».

т. е. «Некоторые y суть x' », или «Некоторые черные кролики молодые».

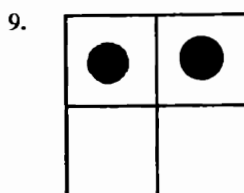

т. е. «Все x суть y », или «Все птицы, получающие достаточно корма, счастливы».

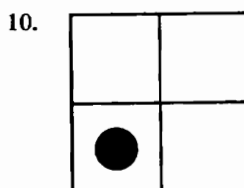

т. е. «Некоторые x' суть y' », или

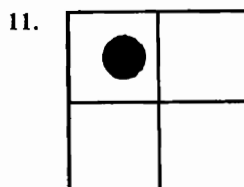
«Некоторые птицы, не получающие достаточного количества корма, несчастны», или «Некоторые несчастные птицы не получают достаточного количества корма».

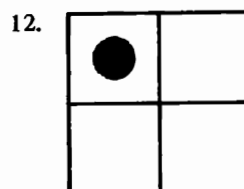
т. е. «Все x суть y », или «У Джона болят зубы».

т. е. «Ни один x' не есть y », или «Ни у кого, кроме Джона, не болят зубы».

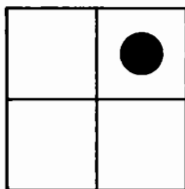
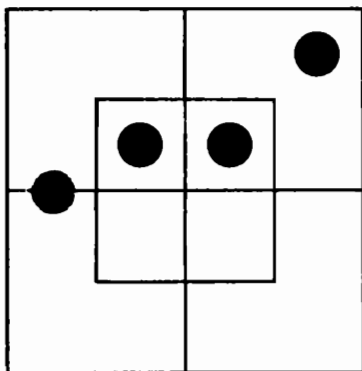

т. е. «Некоторые x суть y », или «Некоторые из тех, кто совершил прогулку, чувствуют себя лучше».

т. е. «Некоторые x суть y », или «Некоторые из тех, кого я послал за котенком, по ошибке принесли мне котелок».

13.

«Мир» — множество книг, m = «с острым сюжетом», x = «подходящие для чтения легко возбудимым людям», y = «от которых клонит в сон».

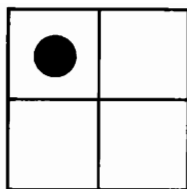
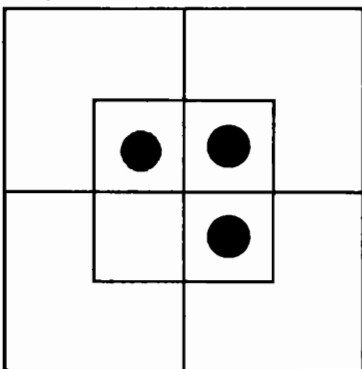
«Ни один m не есть x ».

«Все m' суть y' ».

«Ни один y' не есть x »,

или «Легко возбудимым людям не подходит для чтения ни одна книга, кроме тех, от которых клонит в сон».

14.

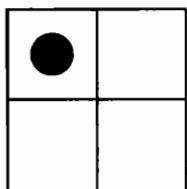
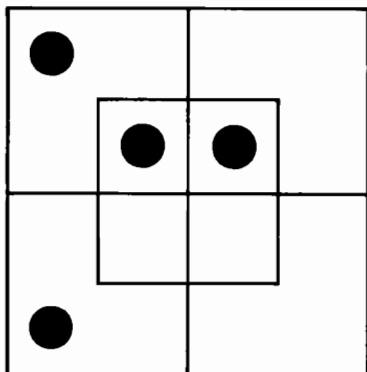
«Мир» — множество людей, m = «достойные славы», x = «получающие награду», y = «храбрые».

«Некоторые m суть x ».

«Ни один y' не есть m ».

«Некоторые y суть x », или «Некоторые храбрецы получают награду».

15.

«Мир» — множество людей, m = «терпеливые», x = «дети», y = «могут сидеть спокойно».

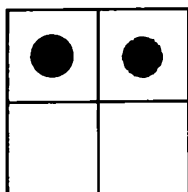
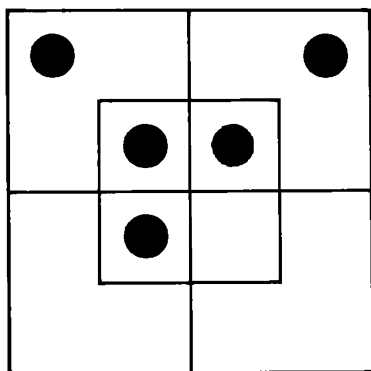
«Ни один x не есть m ».

«Ни один m' не есть y ».

«Ни один x не есть y »,

или «Ни один ребенок не может сидеть спокойно».

16.

«Мир» — множество «пред-
метов», m = «жирные», x =
= «свины», y = «скелеты».

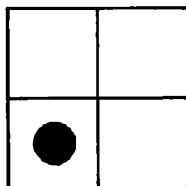
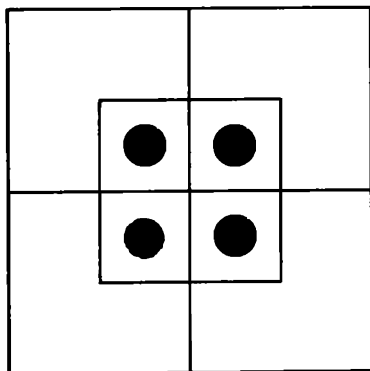
«Все x суть m ».

«Ни один y не есть m ».

«Все x суть y' »,

или «Все свины — не скелеты».

17.

«Мир» — живые существа,
 m = «обезьяны», x = «солдаты»,
 y = «непристойно ведущие себя».

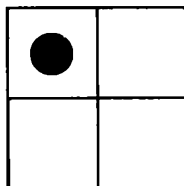
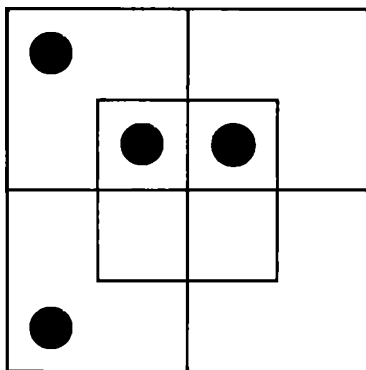
«Ни один m не есть x ».

«Все m суть y ».

«Некоторые y суть x' »,

или «Некоторые непристойно веду-
щие себя живые существа —
не солдаты».

18.

«Мир» — люди, m = «справедли-
вые», x = «мои кузины», y =
= «судьи».

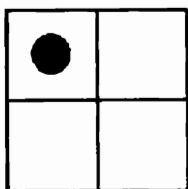
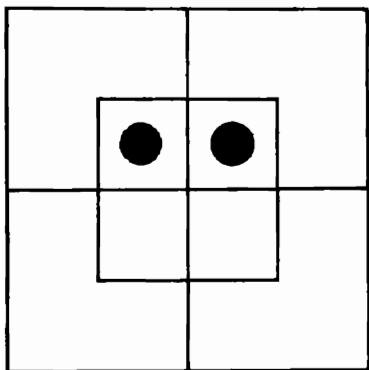
«Ни один x не есть m ».

«Ни один y не есть m' ».

«Ни один x не есть y »,

или «Ни одна из моих кузин не
судья».

19.

«Мир» — периоды (отрезки времени), t = «дни», x = «дождливые», y = «наводящие скуку».

«Некоторые t суть x ».

«Все x t суть y ».

«Некоторые x суть y ,

или «Некоторые дождливые периоды наводят скуку».

Примечание. На самом деле, посылки в только что приведенном силлогизме «незаконны», поскольку заключение содержится во второй из них, и первая посылка вообще не нужна. В буквенных обозначениях это можно доказать следующим образом.

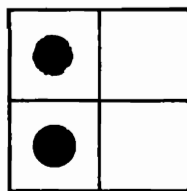
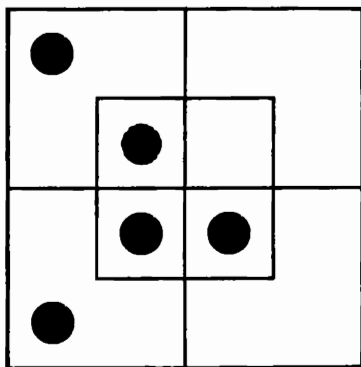
Суждение «Все x t суть y » включает в себя суждение «Некоторые x t суть y », в которое, в свою очередь, входит суждение «Некоторые x суть y ». В переводе на обычный язык это означает, что суждение «Все дождливые дни наводят скуку» включает в себя

суждение «Некоторые дождливые дни наводят скуку», в котором содержится суждение «Некоторые дождливые периоды наводят скуку».

Первое суждение не только излишне, но и содержится во втором, поскольку эквивалентно суждению «Некоторые дождливые дни существуют», которое, как мы знаем, следует из суждения «Все дождливые дни наводят скуку».

Каков же итог? Это — самая неудовлетворительная пара посылок из всех, которые нам уже встречались!

20.

«Мир» — предметы, t = «лекарства», x = «противные на вкус», y = «александрійский лист».

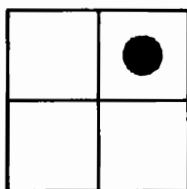
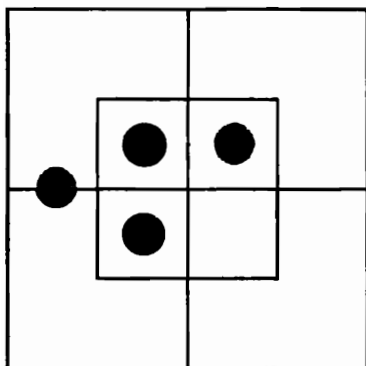
«Все t суть x ».

«Все y суть t ».

«Все y суть x ,

или «Александрійский лист противен на вкус».

21.

«Мир» — люди, m = «евреи», x = «богатые», y = «патагонцы».

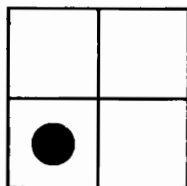
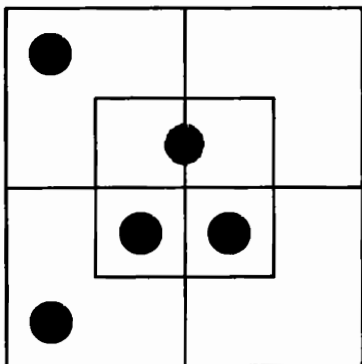
«Некоторые m суть x ».

«Все y суть m' ».

«Некоторые x суть y' »,

или «Некоторые богатые люди не патагонцы».

22.

«Мир» — живые существа, m = «трезвенники», x = «любящие сахар», y = «соловьи».

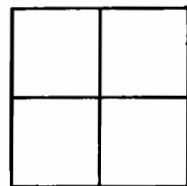
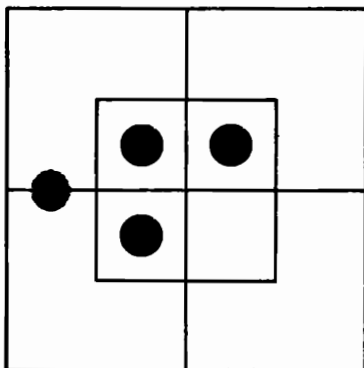
«Все m суть x ».

«Ни один y не есть m' ».

«Ни один y не есть x' »,

или «Ни один соловей не относится к сахару с отрицанием».

23.

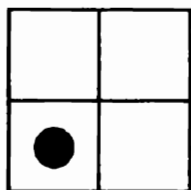
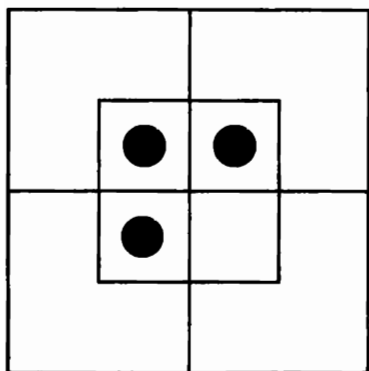
«Мир» — все съестное, m = «полезные», x = «горячая сдоба», y = «сладкие пирожки».

«Ни один x не есть m ».

«Все y суть m ».

Никаких сведений, которые позволили бы нам заполнить малую диаграмму, у нас нет, по-

этому вывести заключение из
этих двух посылок нельзя.
24.

«Мир» — живые существа, m =
= «хорошо бегающие», x = «тол-
стые», y = «гончие».

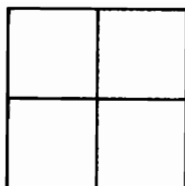
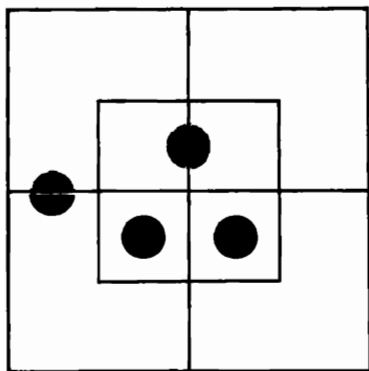
«Ни один x не есть m ».

«Некоторые y суть m ».

«Некоторые y суть x' »,

или «Некоторые гончие под-
жары».

25.

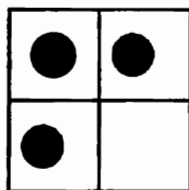
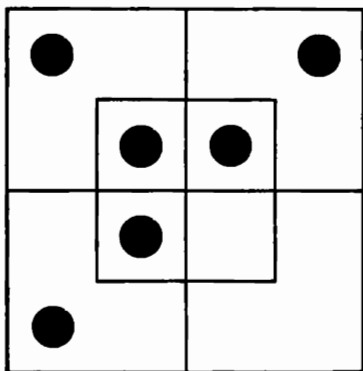
«Мир» — люди, m = «солдаты»,
 x = «марширующие», y = «юноши».

«Все m суть x ».

«Все y суть m' ».

Никаких сведений, которые по-
зволили бы нам заполнить малую
диаграмму, у нас нет, поэтому вы-
вести заключение из этих двух по-
сылки нельзя.

26.

«Мир» — пищевые продукты,
 m = «сладкие», x = «сахар», y =
= «соль».

«Все x суть m ».

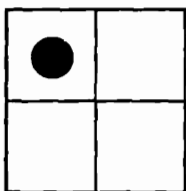
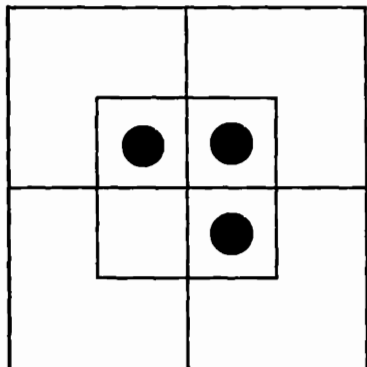
«Все y суть m' ».

«Все x суть y' ».

«Все y суть x' »,

или «Сахар — не соль», «Соль — не
сахар».

27.

«Мир» — предметы, m = «яйца», x = «сваренные вкрутую», y = «бьющиеся».

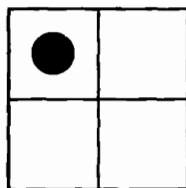
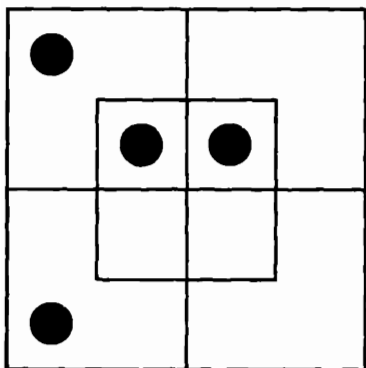
«Некоторые m суть x ».

«Ни один m не есть y' ».

«Некоторые x суть y ».

или «Некоторые яйца, сваренные вкрутую, можно разбить».

28.

«Мир» — люди, m = «евреи», x = «находятся в этом доме», y = «находятся в саду».

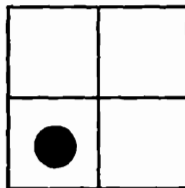
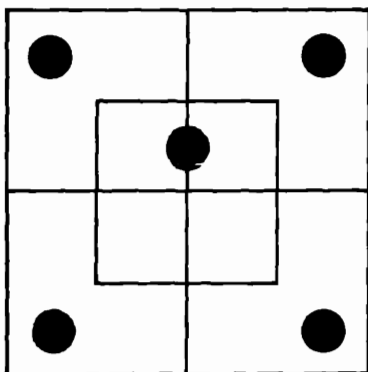
«Ни один m не есть x ».

«Ни один m' не есть y ».

«Ни один x не есть y ».

или «Никто из тех, кто находится в доме, не находится одновременно в саду».

29.

«Мир» — события, m = «сопровожаемые шумом», x = «битвы», y = «то, что может ускользнуть от внимания».

«Все x суть m ».

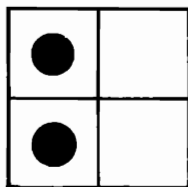
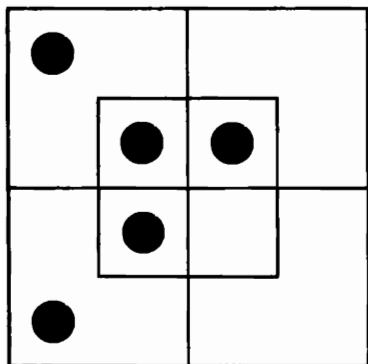
«Все m' суть y ».

«Некоторые x' суть y ».

или «Некоторые события, не яв-

ляющиеся битвами, могут ускользнуть от внимания».

30.

«Мир» — люди, m = «евреи»,
 x = «сумасшедшие», y = «раввины».

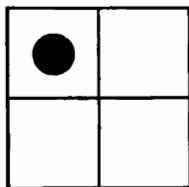
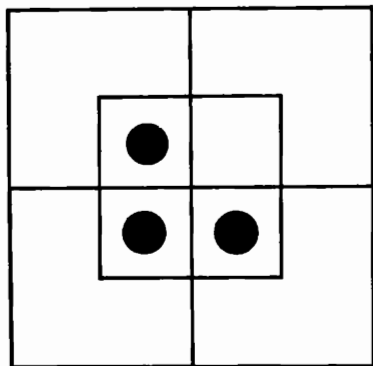
«Ни один m не есть x ».

«Все y суть m ».

«Все y суть x' »,

или «Все раввины в своем уме».

31.

«Мир» — живые существа, m =
 = «рыбы», x = «умеющие пла-
 вать», y = «коньки».

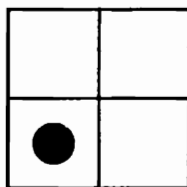
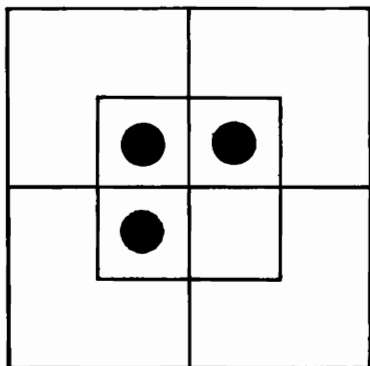
«Ни один m не есть x' ».

«Некоторые y суть m ».

«Некоторые y суть x »,

или «Некоторые коньки умеют плавать».

32.

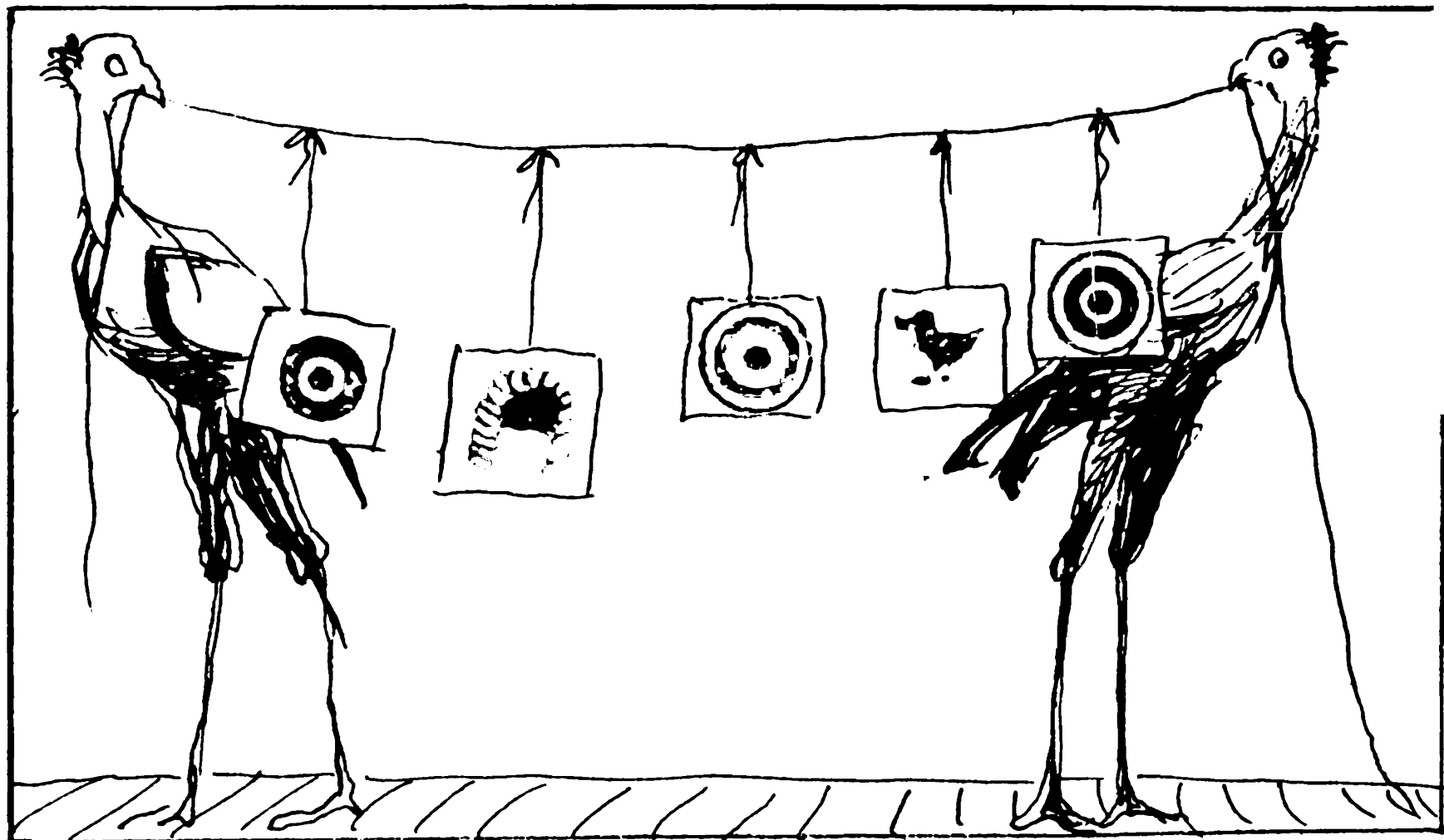
«Мир» — люди, m = «склонные
 к горячности», x = «разумные»,
 y = «ораторы».

«Все m суть x' ».

«Некоторые y суть m ».

«Некоторые y суть x' »,

или «Некоторые ораторы не ра-
 зумны».

Глава 4

В ЦЕЛЬ ИЛИ МИМО?

Милый друг! Как ни старайся,
В цель все равно не попадешь.

Выведите (если это возможно) заключение из каждой пары посылок.

1. Боль подтачивает силы человека.
Никакая боль не желательна.
2. Тем, кто лыс, расческа не нужна.
Ни одна ящерица не имеет волос.
3. Все невнимательные люди совершают оплошности.
Ни один внимательный человек не забывает своих обещаний.
4. Мне Джон не нравится.
Некоторым из моих друзей Джон нравится.
5. Картошка — не ананас.
Все ананасы приятны на вкус.
6. Ни одна булавка не имеет честолюбивых намерений.
Ни одна иголка — не булавка.

7. Все мои друзья простудились.
Тому, кто простужен, нельзя петь.
8. Все эти блюда отлично приготовлены.
Некоторые блюда, если их плохо приготовить, вредны для здоровья.
9. Все лекарства неприятны на вкус.
Александрийский лист — лекарство.
10. Некоторые устрицы молчаливы.
Молчаливые существа не очень-то забавны.
11. Все разумные люди ходят на ногах.
Все неразумные люди ходят на руках.
12. Занимайтесь своим делом.
Эта ссора — не ваше дело.
13. Ни один мост не сделан из сахара.

- Некоторые мосты очень красивые.
14. Ни одна загадка, которая имеет решение, не интересует меня.
Все эти загадки неразрешимы.
15. Джон прилежен.
Все прилежные люди счастливы.
16. Ни одна лягушка не пишет книг.
Некоторые люди пользуются чернилами, когда пишут книги.
17. Ни одна кочерга не мягкая.
Все подушки мягкие.
18. Все антилопы стройные.
Стройные животные радуют глаз.
19. Некоторые дядюшки не отличаются щедростью.
Все купцы щедры.
20. Ни один несчастный человек не хохочет.
Ни один счастливый человек не стонет.
21. Музыка, которую слышно, вызывает колебания воздуха.
Музыка, которую не слышно, не стоит того, чтобы за нее платили деньги.
22. Он дал мне пять фунтов стерлингов.
Я был в восторге.
23. Ни один старый еврей не толстый мельник.
Все мои друзья толстые мельники.
24. Мука пригодна для пищи.
Толокно — сорт муки.
25. Некоторые сны ужасны.
Ни один ягненок не способен вызвать ужас.
26. Ни один богатый человек не просит милостыни.
Все, кто не богат, следует соразмерять свои расходы с доходами.
27. Ни один вор не честен.

- Некоторых нечестных людей удается уличить.
28. Все осы не общительные.
Все щенки общительные.
29. Все неправдоподобные истории вызывают сомнение.
Все эти истории вполне правдоподобны.
30. Он сказал мне, что вы ушли.
Он никогда не говорит ни слова правды.
31. Он всегда поет меньше часа.
Слушать пение в течение часа утомительно.
32. Ни один свадебный пирог не полезен.
Неполезной пищи следует избегать.
33. Ни один старый скряга не весел.
Некоторые старые скряги тощи.
34. Все утки при ходьбе переваливаются с боку на бок.
Все, что переваливается с боку на бок, не изящно.
35. Ни один профессор не невежествен.
Некоторые невежественные люди тщеславны.
36. Зубная боль всегда неприятна.
Тепло всегда приятно.
37. Скучные люди невыносимы.
Вы скучный человек.
38. Некоторые горные кручи непреодолимы.
Все заборы вполне преодолимы.
39. Ни один француз не любит пудинг.
Все англичане любят пудинг.
40. Ни один лентяй не достоин славы.
Некоторые художники — не лентяи.
41. Ни одному омару нельзя отказать в уме.
Ни одно разумное существо не будет надеяться на невозможное.

42. Ни один добрый поступок не является незаконным.
Все, что законно, можно делать без страха.
43. Ни у одного ископаемого животного не может быть несчастной любви.
У устрицы может быть несчастная любовь.
44. Это свыше моего терпения!
Со мной никогда не случилось ничего, что было бы свыше моего терпения.
45. Все необразованные люди поверхностны.
Все эти студенты образованны.
46. Все мои кузины несправедливы.
Ни один судья не несправедлив.
47. Ни одна исследованная до сих пор страна не кишит драконами.
Неисследованные страны пленяют воображение.
48. Ни один скряга не щедр.
Некоторые старики не щедры.
49. Все осматрительные люди остерегаются гиен.
Ни одному банкиру не свойственна неосмотрительность.
50. Некоторые стихи оригинальны.
Ни одна оригинальная работа не пишется по заказу.
51. Все скряги эгоистичны.
Никто, кроме скряг, не собирает яичной скорлупы.
52. Все бледные люди флегматичны.
Только те, кто бледен, имеют поэтическую внешность.
53. Все пауки ткут паутину.
Некоторые живые существа, не ткущие паутину,— дикари.
54. Ни одна из моих кузин не справедлива.
Все судьи справедливы.
55. Джон очень трудолюбив.
Ни один трудолюбивый человек не несчастлив.
56. Зонтики бывают очень полезны в пути.
Все, что не нужно в пути, следует оставить дома.
57. Некоторые подушки мягкие.
Ни одна кочерга не мягкая.
58. Я стар и слаб.
Ни об одном старом купце нельзя сказать, что он слаб в карточной игре.
59. Ни одно успешное путешествие не остается забытым.
Путешествие, закончившееся неудачно, не заслуживает того, чтобы о нем писали книгу.
60. Сахар сладкий.
Некоторые сладкие вещи очень нравятся детям.
61. Ричард вне себя от гнева.
Никто, кроме Ричарда, не может ездить верхом на этой лошади.
62. Все шутки для того и придуманы, чтобы смешить людей.
Ни один парламентский акт не шутка.
63. Я видел это в газетах.
Все газеты печатают небывлицы.
64. Ни один кошмар не приятен.
Неприятные ощущения не очень желательны.
65. Предусмотрительные путешественники имеют при себе деньги на мелкие расходы.
Непредусмотрительные путешественники теряют свой багаж.
66. Все осы не дружелюбны.
Ни один щенок не враждебен.
67. Он заходил сюда вчера.
Он не принадлежит к числу моих друзей.
68. Ни одно четвероногое не может свистеть.
Некоторые кошки — четвероногие.
69. Жареное мясо не продается в мясных лавках.

- Не жареное мясо не подается к обеду.
70. Золото тяжелое.
Ничто, кроме золота, не заставляет его замолчать.
71. Некоторые свиньи дикие.
Нет ни одной свиньи, которая не была бы жирной.
72. Ни один император не дантист.
Всех дантистов боятся дети.
73. Все, кто не стар, любят пешие прогулки.
Ни вы, ни я не старые.
74. Все секретари заняты полезным делом.
Некоторые птицы — секретари.
75. Ни один человек, имеющий диктаторские наклонности, не популярен.
У нее есть диктаторские наклонности.
76. Некоторые сладкие вещи вредны для здоровья.
Ни одна так называемая сдобная булочка не сладка.
77. Военные люди не пишут стихов.
Ни один генерал не штатский.
78. Скучные люди наводят тоску.
Когда скучный человек собирается уходить из гостей, его никогда не просят остаться.
79. Все совы приятны.
Некоторые извинения неприятны.
80. Все мои кузины несправедливы.
Все судьи справедливы.
81. Некоторые барашки распускаются на вербе.
Все барашки кудрявые.
82. Ни одно лекарство не приятно на вкус.
Все пилюли — лекарства.
83. Некоторые уроки трудны.
То, что трудно, требует внимания.
84. Ни одна приятная неожиданность не вызывает у меня досады.

- Ваш визит — приятная неожиданность.
85. Гусеницы не отличаются красноречием.
Джон красноречив.
86. Некоторые лысые люди носят парики.
У всех детей свои волосы.
87. Все осы очень недружелюбны.
Контакт с недружелюбными существами всегда нежелателен.
88. Ни один банкрот не богат.
Некоторые купцы не банкроты.
89. Ласки иногда спят.
Все животные иногда спят.
90. Концерны, в которых правление работает плохо, не приносят доходов.
Правление железнодорожных компаний никогда не работает плохо.
91. Всякому доводилось видеть свинью.
Никто не приходил в восторг от свиньи.

В каждом из приведенных ниже отрывков попытайтесь выделить две посылки и вывести из них заключение, если таковое имеется.

92. Всякий, кому довелось охотиться на львов столько, сколько мне, скажет, что львы — животные дикие и среди них попадаются отдельные экземпляры, которые не пьют кофе, хотя я вовсе не собираюсь утверждать, будто такие львы не являются исключением из общего правила.
93. — Да ведь это просто смешно — предлагать овсяную кашу и кому? Следовало бы знать, если вам вообще хоть что-нибудь известно, что ни один старый моряк не любит овсяную кашу!

— Простите, но мне казалось, что поскольку этот человек — ваш дядя, то ...

— Он-то мой дядя, ну и что из этого? Несете какой-то вздор, даже слушать не хочется!

— Можете называть это вздором, если угодно. Я знаю одно: мои дяди — старые люди, и им овсяная каша нравится!

— Это означает всего лишь, что ваши дяди ...

94. — Пойдем домой! Мне надоела эта давка. Ты же сама прекрасно знаешь, что в переполненном магазине не очень-то уютно. — Кто же думает об уюте, отправляясь за покупками?! — Как кто? Конечно, я. И я уверен, что если пройти немного дальше по улице, то можно найти несколько магазинов, в которых не так много народа. Следовательно, ...

95. — Они утверждают, будто ни один врач не увлекается метафизикой и не играет на органе, однако мне известно о вас нечто такое, что заставляет думать иначе.

— Интересно, откуда вы узнали? Вы же никогда не слышали, как я играю на органе.

— Разумеется, не слышал. Зато мне довелось как-то раз слышать, как вы, доктор, рассуждали о поэзии Броунинга. Из вашей речи можно было заключить, что вы, во всяком случае, интересуетесь метафизикой. Следовательно, ...

Извлеките силлогизм из каждого отрывка, который приводится ниже, и проверьте правильность его заключения.

96. — Даже не говорите! Я знавал больше богатых купцов, чем вы,

и могу утверждать, что ни один из них от сотворения мира не был старым скрягой.

— А какое отношение это имеет к старому мистеру Брауну?

— Как какое? Разве он не очень богат?

— Очень, ну и что из этого?

— Как что? Разве вы не видите, сколь абсурдно называть его прижимистым купцом? Либо он не купец, либо он не скряга!

97. — Как мило с вашей стороны справляться о моем здоровье! Я действительно чувствую себя сегодня гораздо лучше.

— А что послужило причиной столь приятной перемены: природа или искусство?

— Я думаю, что искусство. Доктор прописал мне кое-что из своих патентованных лекарств.

— Ну что же, я никогда больше не назову его обманщиком: нашелся хоть один человек, которому стало лучше от его лекарств.

98. — Нет, ты мне ни чуточки не нравишься. Лучше я пойду и поиграю со своей куклой. Куклы никогда меня не обижают.

— Ах, ты маленькая глупышка! Куклы нравятся тебе больше, чем кузины!

— Конечно! Кузины всегда меня обижают — по крайней мере все кузины, которых я видела.

— Хотела бы я знать, что откуда следует! Может быть, ты хочешь сказать, что все кузины — не куклы? Но разве кто-нибудь утверждает обратное?

99. — Почему вы решили, что это герань? С такого расстояния невозможно отличить один цветок от другого. Я могу лишь с

уверенностью сказать, что все эти цветы красные: для этого мне не нужно телескопа!

— Но ведь некоторые герани красные, не так ли?

— Не отрицаю, ну и что? Уж не хотите ли вы сказать, что некоторые из этих цветов — герани?

— Именно это я и хотел бы сказать, если бы вы могли проследить за ходом моих рассуждений. Но стоит ли мне что-нибудь доказывать вам, это еще вопрос!

100. — Ребята! Вы выдержали трудный экзамен. На прощанье я хотел бы дать вам один совет. Помните: все, кто всерьез жаждет обрести прочные знания, должны работать упорно.

— Благодарю вас, сэр, от имени моих школьников! Горд сообщить вам, что по крайней мере некоторые из них всерьез жаждут получить знания. — Очень рад слышать это, но почему вы так думаете? — Как же иначе, сэр? Уж мне-то известно, как упорно они работают (я хочу сказать, некоторые из них). Кому и знать, как не мне!

Из приводимого ниже отрывка извлеките силлогизмы или рассуждения, имеющие форму силлогизмов, и проверьте их правильность.

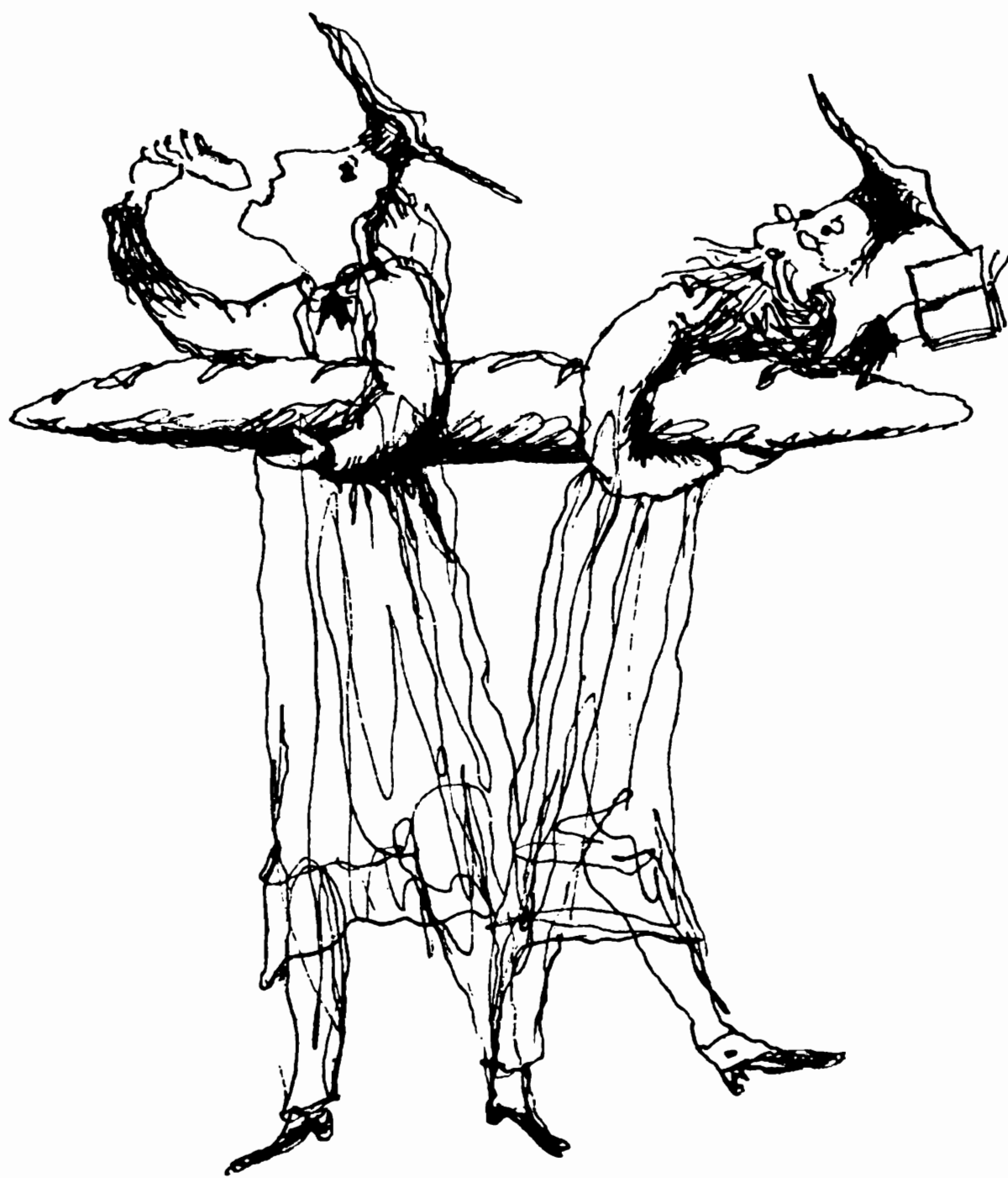
Представьте себе, что любящая мать отвечает другу семьи, высказавшему в весьма деликатной

форме вопрос о том, не слишком ли она обременяет своих детей уроками.

101. Надеяться-то им не на кого, не век же мы будем их опекать.

Деньги даром никому не платят, стало быть, придется им работать. А как они будут работать, если ничего не знают? Можете мне поверить на слово: в наше время без образования и шагу не ступишь. Знающие люди говорят, что самое время учиться, пока ты молод. Взрослым-то уже ничему толком не научишься. Ребенок за час выучит больше, чем взрослый — за пять. Стало быть, уже коли учиться, так учиться смолodu или вообще не браться за учебу. Конечно, если у детишек со здоровьем неважно, то и требовать с них многого нельзя, какой разговор? Только от докторов я слыхала, что здоровых детей по цвету лица всегда отличить можно. Взгляните-ка на моих: у них щеки, что твои розы! Говорят еще, что для здоровья полезно заниматься не более 6 часов в день и два раза в неделю отдыхать хоть по полдня. Так мы, уж поверьте, так и делаем: детишки у меня никогда не занимаются больше 6 часов в день, а по средам и субботам после обеда свободны: вы напрасно беспокоитесь: не стану же я рисковать здоровьем детей ради их образования. Уж что-что, а за их здоровьем я слежу, можете не сомневаться!

II. ПИЩА ДЛЯ УМА

Завтрак, обед, чай. В худшем случае первый завтрак, второй завтрак, обед, полдник, ужин и стакан чего-нибудь горячего перед сном.

Какую заботу мы проявляем о пище для нашего счастливого тела! Кто из нас уделяет столько внимания своему разуму? В чем причина такого различия? Неужели из двух — тела и разума — первое гораздо важнее второго?

Отнюдь! Но от того, достаточно ли пищи получает тело, зависит жизнь, в то время как наше существование вполне может продолжаться на уровне животных (ибо слово «люди» здесь вряд ли уместно), даже если наш разум находится в состоянии крайнего истощения и мы полностью забываем о его нуждах. Именно поэтому Природа заботится о том, чтобы мы не могли сколько-нибудь серьезно упустить из виду потребности нашего тела: ужасные последствия нашего легкомыслия — неприятные ощущения и боли — вскоре напомнят нам о наших обязанностях. Кроме того, заботу о некоторых жизненно важных функциях Природа берет на себя, не оставляя нам ни малейшего выбора. Если бы мы обрели возможность управлять собственным пищеварением или кровообращением, то для многих из нас это закончилось бы весьма плачевно.

— Боже мой! — воскликнул бы кто-нибудь. — Я забыл завести свое сердце утром. Подумать только! Вот уже целых три часа, как оно остановилось!

— Я не могу сегодня отправиться с вами на прогулку, — заметил бы один из наших друзей. — Мне нужно переварить по крайней мере одиннадцать обедов. Они остались несъеденными с прошлой недели, когда я был очень занят, и мой врач утверждает, что снимает с себя всякую ответственность за последствия, если я вздумаю откладывать эти обеды и дальше!

Итак, говоря я, последствия пренебрежительного отношения к телу нам нетрудно представить и ощутить. Для некоторых из нас было бы неплохо, если бы наш разум стал таким же видимым и осязаемым, как и тело, чтобы его можно было, например, показать врачу и дать пощупать пульс.

— Любопытно, что это вы проделывали со своим разумом в последнее время. Хватало ли ему пищи? Он очень бледен, и пульс у него чрезвычайно замедлен.

— Должен признаться, доктор, что мой ум последнее время получал пищу не слишком регулярно, а вчера я обкормил его леденцами.

— Леденцами? А что это за леденцы?

— Множество головоломок, сэр!

— Я так и думал. Имейте в виду: если вы и впредь будете позволять себе подобные шутки, то рискуете окончательно испортить зубы своему разуму и заболеть умственным расстройством. В течение ближайших нескольких дней вам надлежит соблюдать строжайшую диету и исключить из пищи для вашего ума все, кроме самого легкого чтения! Будьте осторожны! И ни в коем случае не читайте романы!

Учитывая тот обширный печальный опыт, который многие из нас приобрели в выборе и дозировке пищи для тела, я считаю уместным

попытаться переделать некоторые правила рационального питания тела в соответствующие правила питания ума.

Во-первых, мы должны заботиться о том, чтобы наш ум получал пищу *надлежащего сорта*. Мы очень скоро узнаем, какая пища полезна и какая вредна для нашего тела, и не испытываем особых трудностей, отказываясь от куска соблазнительного пудинга или пирога, который ассоциируется в нашей памяти с ужасным приступом расстройства желудка. Одно лишь название опасного яства неудержимо вызывает в памяти настойку ревеня и магнезию. Однако для того чтобы убедить нас в несъедобности определенной части излюбленного нами круга чтения, необходимо несравненно больше уроков. Вновь и вновь мы употребляем в пищу заведомо непригодный для этого роман, вслед за чем непременно следует обычная полоса дурных настроений, нежелание работать, безразличие, т. е. наш ум испытывает кошмары.

Во-вторых, мы должны тщательно следить за тем, чтобы наш разум получал съедобную пищу *в надлежащих количествах*. Умственное переедание, или чтение избыточного количества литературы, — опасное пристрастие, приводящее к ослаблению способности усваивать пищу и в некоторых случаях к потере аппетита. Все мы знаем, что хлеб — вкусная и здоровая пища, но кому из нас пришло бы в голову съесть за один присест два или три каравай хлеба? Однажды мне довелось услышать, как врач сказал своему пациенту, единственная болезнь которого сводилась к перееданию и отсутствию физических упражнений:

— Самым ранним симптомом переедания является гипертрофированное развитие жировой ткани.

Не сомневаюсь, что звучные длинные термины послужили мощной опорой несчастному, изнемогавшему под все возрастающим грузом жира.

Интересно, существует ли в природе такая вещь, как Разжиревший Ум? Мне кажется, что один или два раза я встречал нечто подобное: умы, которые не могли выдержать даже легкой пробежки самой медленной трусцой в разговоре, были неспособны даже ради спасения собственной жизни преодолеть логическую стенку, вечно увязали (причем весьма быстро) в любом необычном рассуждении, короче говоря, не были способны ни на что, кроме беспомощного блуждания по свету.

В-третьих, даже если пища доброкачественна, а порции ее умеренны, то все равно не следует поглощать *слишком много сортов пищи за один раз*. Дайте жаждущему кварту пива или кварту сидра, или даже кварту холодного чая, и он, вероятнее всего, возблагодарит вас (хотя в последнем случае его благодарность не будет звучать столь горячо, как в первых двух!). Но каковы, по вашему мнению, будут его чувства, если вы предложите ему поднос, на котором будут стоять маленькая кружка пива, кружка сидра, кружка с холодным чаем, кружка с горячим чаем, кружка с кофе, кружка с какао и соответствующие сосуды с молоком, водой, разбавленным бренди и сывороткой, полученной при сбивании масла? Общее количество жидкости может быть по-прежнему равно одной кварте, но разве для того, кто изнемогает от жажды на сенокосе, это одно и то же?

После того как мы установили надлежащий сорт, количество и разнообразие пищи для нашего ума, нам остается проследить, чтобы между

последовательными приемами пищи соблюдались *надлежащие интервалы*, и, не торопясь, проглатывать пищу после того, как мы тщательно разжеем ее, чтобы она полностью усвоилась. Оба замечания, относящиеся к пище телесной, в равной степени применимы и к пище духовной.

Начнем с замечания относительно интервалов между приемами пищи. Для ума они столь же необходимы, как и для тела. Единственное различие состоит лишь в том, что телу требуются три или четыре часа покоя, прежде чем оно будет готово к очередному приему пищи, в то время как уму во многих случаях будет достаточно трех или четырех минут. Я убежден, что интервал между двумя последовательными приемами духовной пищи в действительности гораздо короче, чем принято думать. Исходя из личного опыта я рекомендовал бы всякому, кому приходится проводить по несколько часов подряд за размышлениями на одну и ту же тему, испытывать на себе действие таких перерывов, устранив их, например, один раз в час и отрываясь от предмета размышлений лишь на пять минут, но тщательно следя за тем, чтобы в течение этих пяти минут разум был полностью «отключен» и полностью занят размышлениями о других вещах. Удивительно, сколь сильный импульс и гибкость вновь обретает разум после такого кратковременного отдыха.

Обратимся теперь к пережевыванию пищи. Применительно к духовной пище оно означает просто *обдумывание* того, что мы читаем. Для этого требуется гораздо большее напряжение ума, чем при пассивном восприятии произведения того или иного автора. Напряжение это столь велико, что, по словам Кольриджа, разум часто «с негодованием отказывается» подвергать себя подобному испытанию. Напряжение это столь велико, что мы слишком склонны вообще пренебрегать им и продолжаем изливать свежую пищу на поглощенные ранее непереваренные массы до тех пор, пока наш несчастный разум не оказывается полностью поглощенным этим нескончаемым потоком. Но чем больше усилие, тем ценнее (в этом можно не сомневаться) достигаемый им эффект. Один час сосредоточенного размышления на какую-нибудь тему (для подобного занятия очень подходит, ничуть не уступая другим оказиям, пешая прогулка, совершаемая в одиночестве) стоит двух или трех часов чтения.

Не следует упускать из виду и другой результат полного усвоения прочитанных книг. Я имею в виду мысленное упорядочение всего прочитанного и «разбиение его по рубрикам», что позволяет в случае необходимости с легкостью находить интересующее нас место. Сэм Слик сообщает нам, что он за свою жизнь выучил несколько языков, но «не смог удержать их в уме рассортированными по полочкам». В подобное состояние впадают многие умы, торопливо пробегающие книгу за книгой, не дожидаясь, пока их содержание будет усвоено или классифицировано «по рубрикам». Несчастный владелец такого ума лишь с трудом может оправдывать лестную характеристику, даваемую ему всеми его друзьями:

— Весьма начитанный человек. О чем бы его ни спросить, все знает. Его невозможно заставить врасплох.

Вы обращаетесь к весьма начитанному человеку и задаете ему вопрос, например, из английской истории (разумеется, он незадолго до разговора прочитал Маколея). Эрудит добродушно улыбается, делая вид, будто ему известно все, о чем вы спрашиваете, и ныряет в дебри своего разума за ответом. Выныривает он с горстью многообещающих фактов, но при проверке выясняется, что все они относятся «не к тому» столетию и их можно безболезненно отправить туда, откуда их извлекли. Забросив сеть еще раз, весьма начитанный человек вылавливает факт, который гораздо ближе к истине, но, к сожалению, вместе с этим полезным фактом память эрудита извергает кучу других вещей: некий факт из политической экономии, правило из области арифметики, возраст детей его брата, стихотворение Грея «Элегия», и нужный факт оказывается безнадежно запутанным среди этого хлама. Между тем все с нетерпением ожидают ответа эрудита, и, поскольку тишина становится все более напряженной, он, заикаясь, выдавливает, наконец, из себя полуответ, далеко не столь ясный и удовлетворительный, как ответ, который бы дал на интересующий вас вопрос обыкновенный школьник. И все это происходит лишь из-за того, что весьма начитанный человек не рассортировал свои знания на соответствующие «связки» и не навесил на них ярлыки.

Сумеете ли вы распознать несчастную жертву неправильного умственного питания, если вам доведется с ней встретиться? Сможете ли вы с уверенностью указать ее или будете сомневаться? Взгляните, как она бродит вокруг стола в читальном зале, со скукой пробуя одно блюдо за другим (т. е., прошу прощения, одну книгу за другой), ни на чем не останавливая свой выбор. Вот объект наблюдения «откусил» кусочек романа. Тьфу! Всю прошлую неделю несчастный питался только этим романом, и вкус этого произведения ему опротивел. Затем он «взял в рот» ломтик науки. Результат вы можете предсказать заранее. Так и есты! Этот ломтик оказался ему не по зубам.

И так на протяжении всего скучного обхода библиотечных столов, который он (безуспешно) совершал вчера и столь же безуспешно будет совершать завтра.

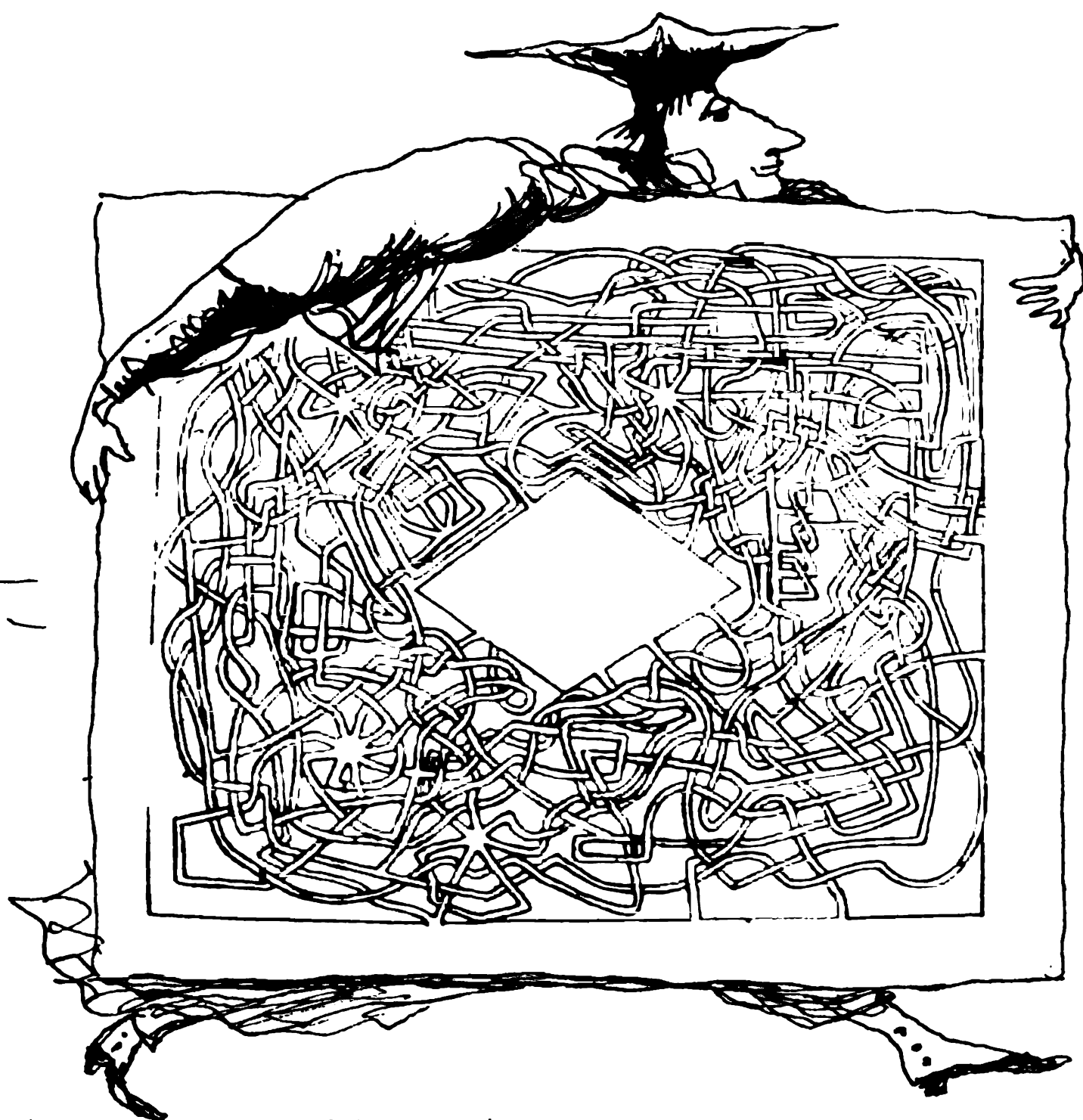
Мистер Оливер Уэнделл Холмс в своей весьма занимательной книге «Профессор за чайным столом» приводит следующее правило для распознавания возраста (молод человек или стар): «Решающий опыт сводится к следующему. Предложите интересующей вас персоне (подозреваемой на молодость) за десять минут до обеда огромную булочку. Если указанная персона с готовностью примет и проглотит булочку, то ее молодость можно считать установленной». Мистер Холмс сообщает также, что человек, «если он молод, способен съесть что угодно в любое время дня и ночи».

Предположим, что вы хотите убедиться в том, хорошим ли умственным аппетитом обладает некое человеческое существо. Дайте ему в руки краткий, хорошо написанный, но отнюдь не увлекательный трактат на какую-нибудь популярную тему, т. е. своего рода булочку для ума. Если трактат прочитан с неподдельным интересом и сосредоточенным вниманием, а читатель по прочтении может ответить на любой вопрос, относящийся к содержанию книги, то его ум работает превосходно. Если

же ваш подопечный через несколько минут вежливо отложит предложенную его вниманию книгу в сторону или немного погодя заметит: «Я не могу читать такие глупые книги! Нет ли у вас второго тома «Загадочного убийства»?», то вы с полным основанием можете считать, что с умственным пищеварением у данного читателя не все обстоит благополучно.

Если из этой статьи вы извлекли для себя какие-нибудь полезные советы на важную тему — о том, как следует читать, и, более того, она убедила вас в том, что «читать, делать заметки, изучать и глубоко усваивать» хорошие книги, которые попадают вам в руки, не только необходимо, но и полезно, то цель настоящей статьи полностью достигнута.

III. ИГРЫ И ЗАДАЧИ

Арифметический крокет для двух игроков

1. Первый игрок называет любое число, не превышающее 8. Второй игрок делает то же самое. Затем первый игрок называет следующее число, которое превосходит предыдущее не более чем на 8, и т. д.

Игроки называют числа по очереди до тех пор, пока кто-нибудь не дойдет до «финишного столба» — числа 100. Тот, кто первым назовет число 100, выигрывает.

2. Числа 20, 30, ... (целые числа, кратные 10) служат «воротами». Чтобы пройти ворота, нужно от числа, которое меньше их, перейти к числу, которое на столько же больше их; например, назвав после 17 число 23, игрок благополучно минует ворота 20. Но стоит ему назвать любое другое число больше 20, как он «промахивается» и бьет мимо ворот.

В этом случае ему надлежит вернуться к своему предыдущему числу, которое меньше 20, и пройти ворота, как полагается. Тот, кому случится дважды промахнуться по воротам, проигрывает.

3. Ворота можно проходить и в два приема: загоняя «мяч» прямо в сами ворота на одном ходу и продвигаясь на такое же расстояние вперед на следующем ходу. Например, после 17 игрок может сначала назвать число 20, а затем, на следующем ходу, число 23. Ворота 20 в результате будут пройдены. Попав в ворота, игрок может выйти из них только так и не иначе.

4. Какой бы ход ни сделал один игрок, другой игрок не имеет права ни повторять число, только что названное его партнером, ни называть число, дополняющее названное до 9. Запрет перестает действовать, если после очередного хода игрок оказывается в воротах или делает свой ход, стартуя из числа, заключенного между 90 и 100. (В последнем случае запрет остается в силе, если партнер также добрался до чисел, заключенных между 90 и 100.)

5. По «финишному столбу», как и по воротам, промахнуться можно только один раз. Тот, кто промахивается дважды, проигрывает.

6. Когда один игрок попадает в ворота, другой может задержать его там, если назовет число, которое первый игрок должен был бы назвать, чтобы покинуть ворота, и тем самым помешать партнеру сделать очередной ход. Помешать своему партнеру игрок может и в том случае, если назовет число, дополняющее до 9, то, которое должен был бы назвать партнер. Такой тактики игрок может придерживаться на протяжении любого числа ходов, называя поочередно два запрещающих ответный ход числа. Не разрешается лишь называть любое из этих чисел два раза подряд. Например, если один игрок после 17 назвал число 20, то второй игрок может задержать его в воротах 20, называя поочередно числа 3, 6, 3, 6, ... и т. д.

Крокет с замками

(игра для четырех игроков)

I

Для этой игры необходимо иметь 8 мячей, 8 дужек и 4 флажка. Четыре мяча называются воинами, остальные — стражами. На ровной площадке под прямым углом друг к другу проводят две линии и на каждом из четырех лучей, расходящихся от точки пересечения (центра), на равном расстоянии от нее расставляют сначала ворота (по одной дужке поперек каждого луча), затем двери (по одной дужке вдоль каждого луча) и, наконец, флажки (по одному флажку на каждом луче). Дужки и флажок на каждом луче образуют замок (всего таких замков четыре). У каждого игрока имеется по одному замку, одному воину и одному стражу. Перед началом игры воинов расставляют в воротах, а стражей — посредине между воротами и дверями.

(Примечание. Расстояние между воротами на лучах, образующих одну прямую, должно быть 6—8 ярдов*), расстояние от ворот до двери или от двери до флажка — 2—3 ярда.)

II

Сначала игроки (их удобно перенумеровать по часовой стрелке, начав с любого из них) поочередно делают ходы своими воинами, затем стражами и т. д. Каждый игрок должен вывести своего воина из своего замка, «вторгнуться» по порядку во все остальные замки (например, третий игрок должен вторгнуться своим воином в четвертый, первый и второй замок), после чего вернуться в свой замок, коснуться воином флажка и коснуться флажка своим стражем (если страж находится вне замка, то его необходимо вернуть назад). Тот, кто сумеет сделать это первым, выигрывает. Чтобы вторгнуться в замок, воин должен войти в ворота, пройти (в любом направлении) через двери, коснуться флажка и покинуть замок через ворота.

(Примечание. Любой шар, будь то воин или страж, может входить в замок и покидать его только через ворота. Считается, что страж, не покинувший свой замок, где бы он ни находился, «стоит в карауле».)

III

Если страж и воин соприкасаются, когда оба находятся в замке стража, или если воин вторгается в замок, когда страж этого замка и страж замка, откуда «родом» сам воин, стоят в карауле, то воин становится пленником, и его помещают за флажком. Пленник не может двинуться с места, пока его не освободят. Освободить пленника может либо его собственный страж (если тот стоит в карауле), который должен приблизиться и коснуться флажка, либо чужой страж, если тот отлучится из своего замка. В первом случае собственного стража необходимо затем

*) Ярд — английская мера длины, равная 0,9144 м. Выдерживать расстояния с такой точностью совсем не обязательно. Для удобства ярды можно «округлить» до метров. — *Примеч. пер.*

вернуть на то место, где он был в самом начале игры. Во всех случаях освобожденного из плена воина ставят за дверью.

Не разрешается снова брать его в плен до тех пор, пока он не сделает по крайней мере один ход.

IV

Когда воин проходит любую дужку или касается флажка «по своей воле», или делает ход после освобождения из плена, или когда страж возвращается в свой замок, покидает его или берет воина в плен, он имеет право на второй ход подряд. При этом страж не может входить в свой замок или выходить из него два раза подряд.

(Примечание. Страж может входить только в свой замок и выходить только из своего замка. Проход стража через любую другую дужку, кроме ворот его замка, в зачет не идет.)

V

Если один шар касается другого (но не стража, стоящего на посту, пленника или воина, освобожденного из плена, но не успевшего совершить ни одного хода после своего освобождения), то игрок может воспользоваться этим другим шаром, чтобы нанести им удар по своему шару; при этом другой шар должен оставаться на месте за исключением того случая, когда это собственный страж игрока (если страж не стоит на посту). Наносить за один ход два удара другим шаром по одному и тому же шару не разрешается за исключением тех случаев, когда игрок продельывает операции, перечисленные в правиле IV. В нашей игре в отличие от обычного крокета нанесение удара другим шаром не дает права на еще один удар.

Примечание. Как показывает опыт, 8 шаров — воинов и стражей — удобно раскрасить следующим образом:

<i>Воины</i>	<i>Стражи</i>
Синий	Зеленый
Черный	Коричневый
Оранжевый	Желтый
Красный	Розовый

Флажки должны быть того же цвета, что и воины.

В крокет с замками можно играть и впятером, если добавить голубой и светло-зеленый шары. Десять шаров в этом случае удобно раскрасить следующим образом:

<i>Воины</i>	<i>Стражи</i>
Синий	Голубой
Черный	Коричневый
Оранжевый	Желтый
Зеленый	Светло-зеленый
Красный	Розовый

Дублеты

На страницах номера журнала «Ярмарка тщеславия» от 29 марта 1879 года появилась следующая заметка

Новая игра

За последние десять лет читатели «Ярмарки тщеславия» проявили столь большой интерес к акростихам и разгадыванию трудных случаев, которые сначала были предметом непрерывных состязаний на приз редакции этого журнала, что было решено попытаться придумать для них совершенно новый тип задач, который бы вызвал интерес и у победителей прошлых состязаний, и у тех, кому не удалось добиться особых успехов. Прилагаемое ниже письмо от мистера Льюиса Кэрролла не нуждается в пояснениях и может служить введением в задачу столь новую и вместе с тем столь увлекательную, что превращение исходного слова в конечное слово дублета, как мы надеемся, станет занятием не менее интересным, чем отгадывание двойных акростихов.

Чтобы позволить читателям освоиться с новой игрой, в следующие три недели, т. е. в этом номере «Ярмарки тщеславия», а также в номерах, которые выйдут 5 и 12 апреля, будут опубликованы предварительные дублеты. После этого начнется состязание. Его откроют дублеты, которые будут опубликованы 19 апреля и во всех последующих номерах нашего журнала по 26 июля включительно. Установлены три премии — альбом в кожаном переплете в качестве первой премии и обычные альбомы в качестве второй и третьей премий.

Подсчет очков производится по следующим правилам.

Число очков, которое назначается за каждый дублет, равно общему числу букв в первом и последнем слове. Так, в приводимом ниже примере («бант» — «коса») число присуждаемых очков равно восьми; это максимальное число очков, которое получает каждый из тех, кто придумает цепочку из слов с наименьшим числом замен. Предполагается, что в приведенном примере цепочка может быть выстроена не менее чем из четырех звеньев. Восемь очков получают лишь те, кто сумеет выстроить цепочку ровно из четырех звеньев, а за каждое звено сверх четырех число очков понижается на единицу. Следовательно, каждый участник состязаний, выстроивший цепочку из пяти звеньев, получит семь очков, те, кто выстроит цепочку из восьми звеньев, — четыре очка, а те, кто выстроит цепочку из двенадцати и более звеньев, не получат ни одного очка. Число очков, набранных каждым участником состязаний, будет публиковаться еженедельно.

Дорогая редакция!

Ровно год назад, на предыдущее Рождество, две юные леди (изнывающие от тягчайшего бремени женской части общества — праздности (от «нечего делать»)) обратились ко мне с просьбой прислать им «какие-нибудь загадки». Никаких загадок у меня под рукой в ту пору не было, и я решил придумать какую-нибудь другую разновидность словесной пытки, которая могла бы подойти для той же цели. В результате моих

размышлений на свет появился новый тип задач (новый по крайней мере для меня), который теперь, после успешных испытаний в течение года и похвальных отзывов от многих друзей, я предлагаю вам, как только что найденный орешек, с которым легко справятся крепкие зубы, поднаторевшие в разгрызании многих двойных акrostихов.

Правила новой игры достаточно просты. Предлагаются два слова, состоящих из одинакового числа букв. Игра заключается в том, чтобы выстроить цепочку слов от одного слова к другому, таких, чтобы каждое слово в цепочке отличалось от предыдущего только одной буквой. Переставлять буквы не разрешается, каждая буква должна оставаться на своем месте.

Например, слово «бант» можно превратить в слово «коса», вставив между ними слова «рант», «рана», «раса», «роса». Два задаваемых слова я называю *дублетом*, промежуточные слова — *звеньями*, а всю последовательность слов — *цепочкой*. В приведенном мною примере эта цепочка выглядит так:

БАНТ

рант

рана

раса

роса

КОСА

Вряд ли нужно говорить о том, что все звенья должны быть английскими словами *), которые принято произносить в приличном обществе.

Мне говорили, что в Америке существует игра, основанная на том же принципе. Я никогда не видел ее и могу только сказать о тех, кто ее выдумал: «Да сгинут те, кто высказывает наши мысли раньше нас!»

Льюис Кэрролл

Правила

1. Слова, которые требуется связать, образуют *дублет*, промежуточные слова называются *звеньями*, а все вместе — *цепочкой*. Цель игры состоит в том, чтобы построить цепочку, состоящую из как можно меньшего числа звеньев.

2. Каждое слово в цепочке должно получаться из предыдущего заменой одной (и только одной) буквы. Подставляемая буква должна стоять в новом слове на том же месте, на котором в предыдущем слове стояла замененная буква, а все остальные буквы должны оставаться на своих местах.

3. Если даны три или более слова, которые надлежит превратить в дублеты, то первое и последнее слово образуют дублет, а остальные — меченые звенья. Их следует вставлять в цепочку в том порядке, в каком они заданы. В цепочке такого рода ни одно слово не должно встречаться дважды.

*) В русском варианте дублетов речь, естественно, идет о русских словах. В качестве звеньев следует выбирать существительные в именительном падеже единственного числа.— *Примеч. пер.*

Метод подсчета очков и т. д., принятый в журнале «Ярмарка тщеславия»

1. Каждый дублет оценивается определенным числом очков по следующему правилу. Если он задан без меченых звеньев, то за него дается столько очков, сколько букв в обоих словах (например, дублет из четырехбуквенных слов оценивается в восемь очков). Если заданы меченые звенья, то цепочка разбивается ими на два или более отрезка, и очки начисляются так, как если бы каждый отрезок был самостоятельным дублетом (например, если в дублете из четырехбуквенных слов заданы два меченых звена, то цепочка разбивается на три отрезка и за такой дублет присуждается двенадцать очков).

2. Каждый участник состязаний, построивший цепочку из наименьшего числа звеньев, получает наивысший балл — число очков, в которое оценен дублет; каждый, кто построит более длинную цепочку, теряет по одному очку за каждое лишнее звено.

3. Каждый участник состязаний должен прислать в редакцию три *) построенных им цепочки на одном листке бумаги, скрепив их своей подписью.

4. Редактор журнала «Ярмарка тщеславия» будет признателен за любые предложения, как относительно тех слов, которые следовало бы опустить, так и относительно опущенных слов, которые было бы желательно вставить, но каждое слово, вставляемое или опускаемое, должно быть представлено как *связующее звено между двумя другими словами*.

Предварительные дублеты

Сварите суп из рака.

Поставьте розу в вазу.

Поймайте рыбу в сеть.

Обмакните перо в тушь.

Загоните волка в нору.

Перейдите с бега на шаг.

Превратите море в сушу.

Перебросьте мост через реку.

Растяните миг в век.

Впишите шар в куб.

Мишмаш

(словесная игра для двух участников
или для двух команд)

Суть этой игры состоит в том, что один игрок предлагает «ядро» (т. е. две или несколько букв, идущих подряд, например, «жн», «ифу», «гемо»), а другой пытается найти «законное» слово (т. е. слово, используемое в обычной речи, и выражаемое (несобственным) именем существительным в именительном падеже единственного числа), которое содержало бы предложенное партнером ядро. Например, «жнец», «центрифуга», «бегемот» — законные слова, содержащие ядра «жн», «ифу», «гемо».

*) В каждом номере «Ярмарки тщеславия» читателям предлагалось по три дублета.— *Примеч. пер.*

Ядро не должно содержать дефис (например, для ядра «лок» слово «кресло-качалка» не является законным).

Любое слово, которое всегда пишется с заглавной буквы (например, «Лондон»), считается именем собственным.

Правила.

1. Каждый игрок придумывает ядро и, справившись с этим, произносит вслух: «Готово!» После того как оба игрока сообщат о своей готовности, каждый называет придуманное им ядро. Игрок может предлагать ядро, даже если ему не известно ни одного слова, которое содержало такое ядро.

2. Придумав слово, содержащее партнером ядро (это слово не обязательно должно совпадать с тем, которое имел в виду игрок, предложивший ядро), игрок произносит вслух: «Готово!» Если он считает, что такого слова нет, то ему следует заявить: «Такого слова нет!» Если же игрок решает прекратить свои попытки, то он произносит: «Пас!» По истечении установленного времени (например, через 2 минуты) другой игрок произносит одну из трех реплик («Готово!», «Такого слова нет!» и «Пас!»). Если он не произносит ничего, то считается, что он «не готов».

3. После того как оба игрока выскажутся, возможны следующие случаи. Если первый игрок заявил: «Готово!», то он называет придуманное им слово. Если первый игрок заявил: «Такого слова нет!», то тот, кто предложил ядро, называет, если может, слово, содержащее предложенное ядро. После этого его партнер продолжает игру, как описано выше.

4. Подсчет очков производится игроками следующим образом. (Примечание. Если один игрок проигрывает сколько-то очков, то его партнер выигрывает столько же очков.)

Правильно придуманное слово — выигрыш в 1 очко.

Неправильно придуманное слово — проигрыш в 1 очко.

Правильный ответ: «Нет такого слова!» — выигрыш в 2 очка.

Неправильный ответ: «Нет такого слова!» — проигрыш в 2 очка.

Отказ от дальнейших попыток — проигрыш в 1 очко.

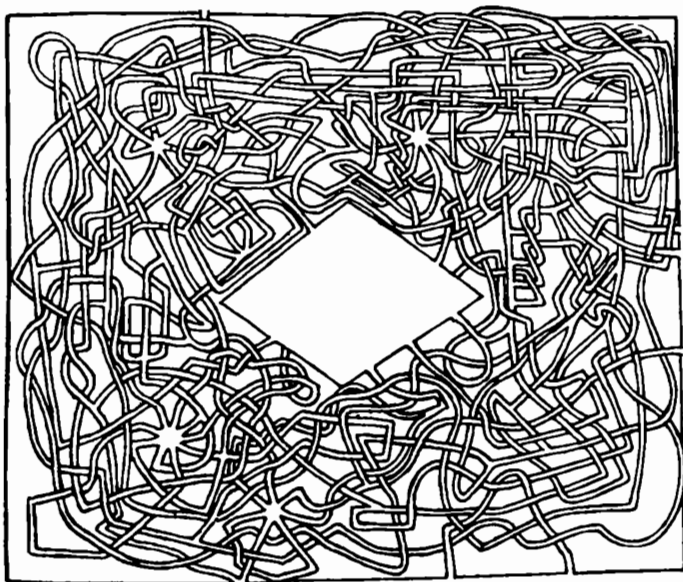
5. Делая любой следующий ход, игрок действует так же, как он действовал, совершая первый ход, за исключением того случая, когда он «не готов» или неправильно придумал слово, тогда партнер не задает игроку новое ядро, и тот продолжает размышлять над предыдущим ядром. Чтобы не задерживать своего партнера, игрок может задать ему новое ядро.

6. Если игрок отказывается от попыток придумать слово, содержащее предложенное ему ядро, то это ядро не может предлагаться еще раз во время игры. Но если к такому ядру прибавить одну или несколько букв (или если вычеркнуть из ядра одну или несколько букв), то его следует рассматривать как новое ядро.

7. Ход, совершая который игрок набирает 10 очков, считается последним. После того как такой ход сделан, игра заканчивается. Тот из игроков, кто набрал большее число очков, считается выигравшим. Если оба игрока набрали одинаковое количество очков, то игра заканчивается вничью.

Лабиринт

Этот лабиринт юный Кэрролл (тогда еще только Доджсон) нарисовал для своих домашних в рукописном журнале «Мишмаш». Сумеете ли вы выбраться из него?

Трудная переправа

Четырем джентльменам и их женам необходимо переправиться через реку в лодке, которая вмещает не более двух человек. Каждый джентльмен может оставить свою жену на берегу либо в одиночестве, либо в обществе других дам. Кроме того, после каждой переправы кто-то должен пригонять лодку назад, чтобы ею могли воспользоваться те, кто еще не успел переправиться.

Каким образом произвести переправу?

Состязания по бегу

Трем бегунам *A*, *B* и *C* предстоит принять участие в забеге на четверть мили. Всякий раз, когда *A* случается бежать с *B*, он каждые 100 ярдов отстает от *B* на 10 ярдов. Всякий раз, когда *B* бежит с *C*, он каждые 100 ярдов опережает *C* на 10 ярдов.

Как следует выпускать бегунов со старта, чтобы линию финиша они пересекли одновременно?

Обезьяна и груз

Через блок, прикрепленный к потолку, переброшен канат. На одном конце висит обезьяна, к другому прикреплен груз, вес которого в точности равен весу обезьяны. Предположим, что обезьяна начала взбираться вверх по канату.

Что произойдет при этом с грузом?

Любовь к искусству

Одному человеку очень хотелось попасть в театр. Билет стоил 1 шиллинг 6 пенсов, а денег у человека было всего лишь 1 шиллинг. Подумав, человек решил заложить свой шиллинг у ростовщика. Ростовщик внимательно осмотрел монету и, убедившись, что она не фальшивая, дал человеку под залог 9 пенсов.

С 9 пенсами и квитанцией на 1 шиллинг в кармане человек вышел от ростовщика и повстречал на улице приятеля, которому предложил купить квитанцию. Приятель, решив, что сделка выгодна, купил квитанцию за 9 пенсов. Теперь у человека было 9 пенсов, полученных от ростовщика, и 9 пенсов, вырученных от продажи квитанции. Этой суммы ему как раз хватило, чтобы купить билет в театр.

Спрашивается, кто и сколько потерял в результате всех операций?

От в е т. Вы, конечно, думаете, что в накладе остался приятель завязанного театралы и что он потерял 6 пенсов? Мой юный друг! Ваш ответ неверен, но делает вам честь, ибо показывает, что вы не имеете ни малейшего представления о том, как действуют ростовщики: ведь в своем решении вы исходили из того, будто ростовщики занимаются своим ремеслом бескорыстно!

Логическая задача

Найдите заключение следующего сорита:

1. Всякий, кто не танцует на туго натянутом канате и не ест пирожков за один пенс, стар.
2. Со свиньями, которые временами испытывают головокружение, обращаются почтительно.
3. Разумный человек, отправляясь в путешествие на воздушном шаре, берет с собой зонтик.
4. Не следует завтракать в присутствии посторонних тому, кто имеет смешной вид и ест пирожки за 1 пенс.
5. Юные существа, отправляющиеся в путешествие на воздушном шаре, временами испытывают головокружение.
6. Жирные существа, имеющие смешной вид, могут завтракать при посторонних, если только они не танцуют на туго натянутом канате.
7. Ни одно разумное существо не станет танцевать на туго натянутом канате, если оно временами испытывает головокружение.
8. Свинья с зонтиком имеет смешной вид.
9. Все, кто не танцует на туго натянутом канате и с кем обращаются почтительно, жирны.

Ответ. Ни один разумный поросенок не отправится путешествовать на воздушном шаре.

Золотоискатели

Три золотоискателя, работая в течение 10 дней по 6 часов в день, могут добыть золота на 80 фунтов стерлингов, если им будет встречаться в среднем по 2 самородка на каждый кубический ярд породы.

Как часто встречаются самородки на другом участке, где два золотоискателя, работая в течение 9 дней по 5 часов в день, могут добыть золота на 90 фунтов стерлингов?

Известно, что каждый золотоискатель первой артели старался за троих, средняя величина самородков на втором участке была вдвое больше, чем на первом, а цены на золото поднялись на 50 процентов.

Кошки и мышки

Шесть кошек съедают шесть мышек за шесть минут.

Сколько кошек съедят сто мышек за пятьдесят минут?

Перед нами прекрасный пример того явления, которое часто встречается при решении задач на двойную пропорцию: ответ на первый взгляд кажется правильным, но стоит лишь поразмыслить над ним, как обнаружится, что в силу тех или иных обстоятельств решение либо не существует, либо не полностью определено и требует дополнительных данных. В нашем случае «те или иные обстоятельства» заключаются в том, что число кошек, равно как и число мышек, не может быть дробным, вследствие чего, как мы увидим дальше, решение определено не до конца.

По правилам двойной пропорции задача решается так:

6 кошек — 6 мышек — 6 минут,

? кошек — 100 мышек — 50 минут.

$$\frac{100 \cdot 6 \cdot 6}{6 \cdot 50} = 12 \text{ кошек.}$$

Но стоит нам более подробно вникнуть в то, как происходило кровопролитное побоище, не упуская из виду ни одной леденящей душу детали, как мы обнаружим, что по истечении 48 минут 96 мышек окажутся съеденными, 4 мышки останутся в живых, и у кошек будет лишь 2 минуты, чтобы съесть и этих мышек. Спрашивается, способны ли кошки на этот подвиг?

Прежде всего заметим, что 6 кошек могут съесть 6 мышек за 6 минут (а именно таким должно быть первое деяние кошек) по крайней мере четырьмя различными способами. Перечислим их для ясности.

А. Чтобы съесть 1 мышку, требуются усилия всех 6 кошек. В этом случае кошки съедают 1 мышку за 1 минуту, а остальные мышки стоят вокруг и покорно ожидают своей участи.

Б. Чтобы съесть 1 мышку, требуются усилия 3 кошек, которые съедают мышку за 2 минуты.

В. Чтобы съесть 1 мышку, требуются усилия 2 кошек, которые съедают ее за 3 минуты.

Г. Каждая кошка съедает по 1 мышке и делает это за 6 минут.

В случаях А и Б ясно, что 12 кошек (которые по предположению выходят из 48-минутного кровавого побоища с свежими силами) могут свершить задуманное за отведенное для этого время. Но в случае В 6 кошек могут съесть 6 мышек за 6 минут только при условии, если 2 кошки съедают $\frac{2}{3}$ мышки за 2 минуты, а в случае Г — только при условии, если кошка съедает $\frac{1}{3}$ мышки за 2 минуты. Но такие предположения не следуют из условий задачи, равно как было бы вряд ли обоснованным приписывать различным кошкам дробное число мышек (хотя бы и одинаково жизнеспособных). Должен признаться, что в случае Г, будь я кошкой с недостаточно острыми когтями, я несомненно предпочел бы, чтобы причитающуюся мне $\frac{1}{3}$ мышки отрезали с хвоста.

Что же касается случаев В и Г, то ясно, что нам не обойтись без дополнительной кошачьей силы. В случае В брать меньше 2 дополнительных кошек было бы бесполезно. Если бы у нас было 2 «лишние» кошки и они принялись есть 4 мышек с самого начала отведенного времени, то они съели бы мышек за 12 минут, и у них осталось в запасе еще 36 минут, в течение которых они, подобно Александру Македонскому, могли бы сетовать на отсутствие противника, так как у них не было бы еще 12 мышек, которых они могли бы съесть. В случае Г достаточно 1 дополнительной кошки. Она съела бы свои 4 мышки за 24 минуты, и у нее осталось бы еще свободное время — 24 минуты, за которые она могла бы успеть съесть еще 4 мышки. Но ни в случае В, ни в случае Г последние 2 минуты никак не использовались бы разве что на доедание наполовину съеденных мышек — акт варварства, на рассмотрение которого мы даже не останавливаемся.

Итак, мы видим, что в зависимости от того, каким способом 6 кошек съедают 6 мышек — А, Б, В или Г, ответ задачи может быть 12 кошек (А или Б), 14 (В) и 13 (Г).

Таким образом, решение становится неопределенным, зависящим от привходящих обстоятельств. Если вы хотите рассмотреть пример, когда решение задачи не существует, можно рассмотреть следующую задачу.

Кошка съедает мышку за одну минуту.

Сколько кошек съедят мышку за одну тысячную секунды?

Математический ответ, разумеется, гласит: «60000 кошек», и, несомненно, меньшее количество кошек было бы заведомо недостаточно. Но достаточно ли 60000 кошек? Весьма и весьма в этом сомневаюсь. Сдается мне, что 50000 кошек в глаза не увидят мышки и не будут иметь ни малейшего представления о том, что там происходит.

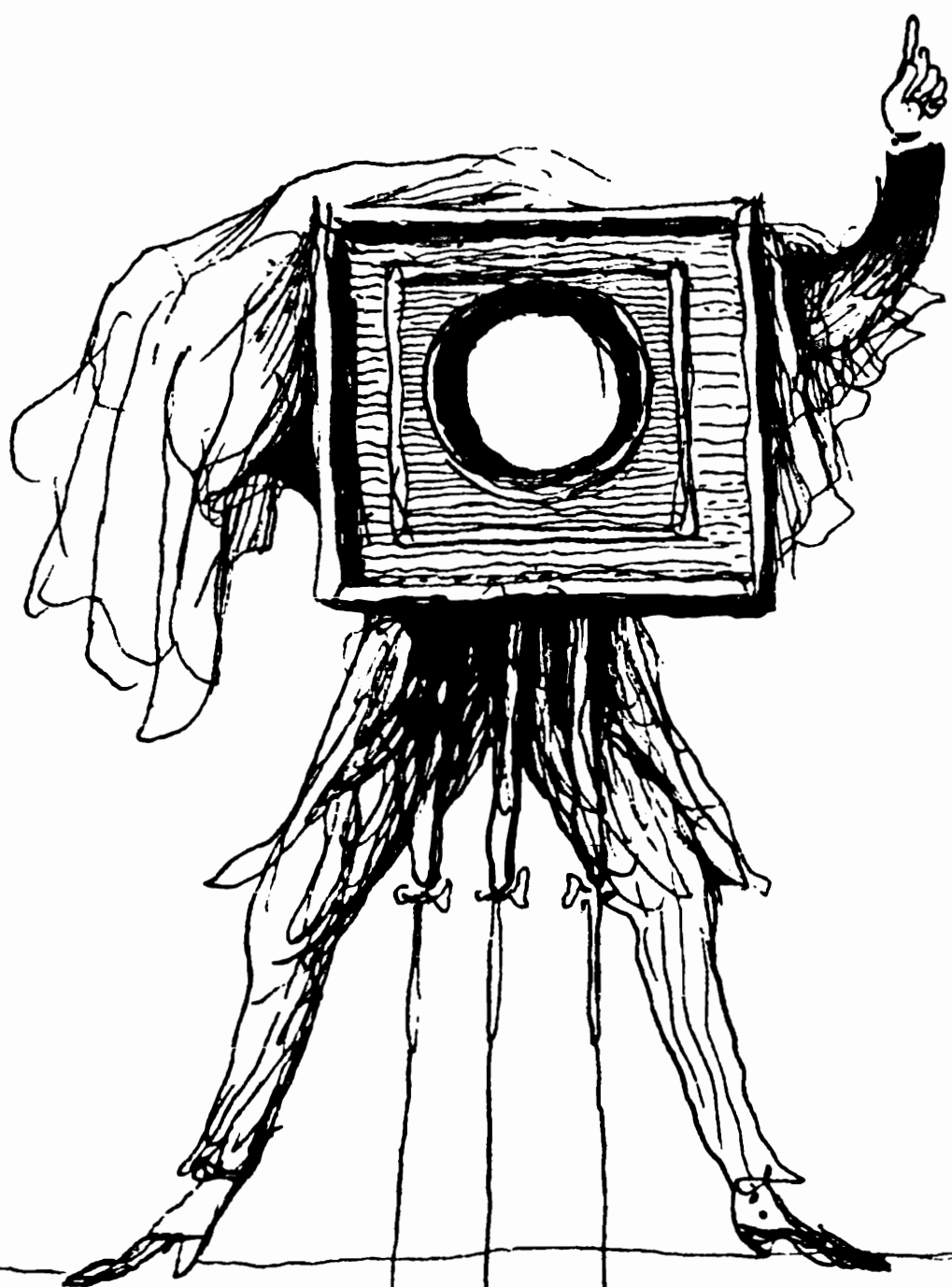
Или возьмем такую задачу.

Кошка съедает мышку за одну минуту.

За сколько кошка съест 60000 мышек?

Много же ей времени понадобится на это! Лично я думаю, что 60000 мышек скорее съедят кошку.

IV. ФОТОГРАФ НА СЪЕМКАХ

Я разбит, ощущаю ломоту во всем теле, едва могу пошевелиться и с головы до пят покрыт синяками. Как я уже неоднократно говорил вам, о том, что случилось, я не имею ни малейшего представления, и приставать ко мне с расспросами бесполезно. Разумеется, если вы настаиваете, я могу прочесть вам отрывки из моего дневника с подробнейшим изложением разыгравшихся вчера событий, но если вы надеетесь найти в моих записках ключ к разгадке приключившегося со мной таинственного происшествия, то боюсь, что вас постигнет разочарование.

23 августа, вторник. Говорят, что мы, фотографы,— племя слепых (если не хуже), что, глядя даже на самые прекрасные лица, мы приучаемся видеть лишь свет и тень, что мы почти утрачиваем способность восхищаться и чужды любви. Считаю своим долгом опровергнуть это распространенное заблуждение. Если бы мне только довелось сфотографировать юную девушку, в которой воплотился мой идеал красоты, а, главное, если бы ее звали... (не знаю почему, но имя Амелия я решительно предпочитаю любому другому слову английского языка), то не сомневаюсь, что мне удалось бы стряхнуть с себя холодное, философическое оцепенение, присущее моим собратьям по профессии.

И вот долгожданный миг настал. Не далее как сегодня вечером, проходя по Хеймаркет, я встретил Гарри Гловера.

— Таббс! — заорал он, фамильярно похлопывая меня по спине.— Мой дядюшка жаждет видеть вас завтра на своей вилле с камерой и всей прочей утварью.

— Но я не знаком с вашим дядюшкой,— заметил я со свойственной мне осторожностью. (Если мне вообще свойственна какая-нибудь добродетель, то это спокойная, присущая истинным джентльменам осторожность.)

— Неважно, старина, зато он знает о вас все. Вы отправитесь завтра с первым поездом, захватите с собой все свои склянки и банки, поскольку на вилле у дядюшки вам предстоит обезобразить немало лиц, и...

— Нет, я не могу поехать,— возразил я весьма резким тоном, несколько испуганный объемом предлагаемой работы. Кроме того, мне не терпелось прервать Гарри, поскольку я решительно не выношу, когда в разговоре на людной улице употребляют столь вульгарные выражения.

— Жаль, вы бы не остались в накладе,— заметил Гарри как бы между прочим,— а моя кузина Амелия...

— Ни слова больше,— воскликнул я с жаром,— я еду!

Тут как раз подошел мой омнибус, я вскочил в него и с грохотом умчался прочь, прежде чем Гарри пришел в себя от изумления. Итак, то, о чем я так долго мечтал, свершилось. Завтра я увижу некую Амелию, и если... О судьба! Что ты предуготовила мне?

24 августа, среда. Великолепное утро. Торопливо упаковал все необходимое, разбив в спешке, к счастью, лишь две бутылки и три склянки. До виллы «Розмари» я добрался к тому времени, когда ее обитатели собрались за завтраком. Отец семейства, мать, два сына школьного возраста, куча детишек поменьше и неизбежный младенец...

Но где мне взять краски, чтобы описать старшую дочь? Слова бесильны, лишь калотипия могла бы справиться с подобной задачей. Вид на ее носик был исполнен изящества, ротик, возможно, несколько выиг-

рывал в ракурсах, сокращавших его длину, но зато восхитительная игра полутонов на щеках заставляла забыть все изъяны, а яркие блики на подбородке (с точки зрения любого фотографа) не оставляли желать ничего лучшего. О, сколь прекрасным мог бы выйти ее фотопортрет, если бы судьба не... Но не буду забегать вперед!

Среди собравшихся за столом был некий капитан Фланаган.

Я вполне сознаю, что предыдущий абзац обрывается несколько неожиданно, но едва я дошел до него, как вдруг вспомнил, что этот идиот всерьез считает, будто он помолвлен с Амелией (с *моей* Амелией!), рука моя невольно остановилась, и я не смог продолжать дальше. Должен признать, что этот капитан обладал стройной фигурой, некоторые сочли бы его лицо красивым. Но чего стоят красивые лица и стройная фигура, если у человека нет мозгов?

Быть может, моя фигура самую малость полновата — я отнюдь не похож на этих жирафов из военных, но зачем мне описывать самого себя. Моя фотография (моей собственной работы) поведает миру достаточно сведений о том, как я выгляжу.

Завтрак, по-видимому, был превосходным, но я не замечал того, что ел и пил. Я жил лишь для Амелии. И вглядываясь в безукоризненные дуги бровей, в черты, словно изваянные резцом, я невольно сжимал кулаки (правда, при этом моя чашка кофе незначай опрокинулась) и мысленно восклицал: «Я сфотографирую эту женщину или погибну!»

После завтрака начались съемки. Привожу краткий перечень снимков.

Снимок 1. Отец семейства. Его я хотел снять еще раз, но все присутствующие хором заявили, что и одного снимка вполне достаточно и что у главы дома «его обычное выражение лица». Если только отец этого семейства обычно не выглядит как человек, подавившийся костью и пытающийся смягчить муки агонии созерцанием кончика носа одновременно двумя глазами, то должен признать, что в данном случае подобное мнение следует считать чрезмерно снисходительным.

Снимок 2. Мать семейства. Усаживаясь, она с жеманной улыбкой поведала мне, что «в юности обожала играть в спектаклях» и выразила пожелание сфотографироваться в позе своей «любимой шекспировской героини». После продолжительных лихорадочных размышлений над тем, кого она имеет в виду, я вынужден был оставить эту безнадежную затею, будучи не в силах припомнить ни одной шекспировской героини, которой была бы свойственна конвульсивная поза, исполненная энергии, в сочетании с полностью отсутствующим выражением лица и которой подходил бы костюм, состоящий из голубой шелковой мантии, клетчатого шарфа, перекинутого через плечо, жабо времен королевы Елизаветы и охотничьего хлыста.

Снимок 3 (17-я проба). Попытался снять младенца в профиль. Подождав, когда младенец перестанет сучить руками и ногами, открыл объектив. Маленький негодяй тотчас же откинул голову назад, к счастью, всего лишь на дюйм, так как голову остановил нос няньки. Пользуясь спортивной терминологией, можно сказать, что младенец вел борьбу «до первой крови». В результате на снимке появились два глаза, нечто, отдаленно напоминающее нос, и неестественно широкий рот. В соответствии с этим я назвал фотографию снимком анфас.

Снимок 4. Три младшие дочери, выглядящие так, словно им всем одновременно дали по лошадиной дозе лекарства и привязали друг к другу за волосы, прежде чем с их лиц изгладилось выражение, вызванное приемом чрезмерной дозы лекарства. Разумеется, вслух я этого не сказал, заметив лишь, что их группа «напоминает мне трех граций», но моя сентенция закончилась непроизвольно вырвавшимся стоном, который мне лишь с большим трудом удалось выдать за покашливание.

Снимок 5. Эта фотография была задумана как своего рода художественный триумф дня. Я имею в виду семейную группу, долженствующую, по замыслу родителей, сочетать в себе тепло домашнего очага с аллегорией.

Их мысленному взору открывалась такая картина: следуя наставлениям отца и личному руководству матери, дети увенчивают младенца цветами. Аллегорически это должно было изображать Победу, увенчивающую лавровым венком Невинность. Победе в выполнении столь возвышенной миссии помогают Решительность, Независимость, Вера, Надежда и Милосердие, в то время как Мудрость снисходительно взирает на них и одобрительно улыбается. Таким, повторяю, был замысел. Его воплощение с точки зрения любого непредвзятого наблюдателя допускало лишь одно толкование: ребеночку плохо. Мать (несомненно, имеющая превратное представление об анатомии человеческого тела) пытается облегчить его страдания, сняв венок с головы ребенка и приведя его в соприкосновение с грудной клеткой младенца, в то время как два других сына, видя, что их младший брат обречен на немедленную гибель, вырывают из головы младенца клоки волос на память о столь горестном событии. Две дочери, ожидая, когда им представится случай выдрать прядь волос из головы невинного братца, чтобы не терять времени, душат третью, а отец, доведенный до отчаяния необычным поведением семейства, пронзил себя кинжалом и пытается ошупью найти карандаш, чтобы сделать соответствующую запись о случившемся.

Все это время я никак не мог улучшить удобный случай, чтобы попросить Амелию позировать мне. Но во время второго завтрака такой случай, наконец, представился. Сделав несколько вводных замечаний о фотографии в целом, я повернулся к Амелии и сказал:

— Мисс Амелия, я надеюсь, вы окажете мне честь и позволите прийти к вам за негативом еще сегодня.

— Разумеется, мистер Таббс,— ответила Амелия с чарующей улыбкой.— Тут неподалеку есть домик, и мне бы хотелось, чтобы вы сфотографировали его после завтрака. Как только вы освободитесь, я буду к вашим услугам.

— Я думаю, что она подарит вам великолепный негатив,— вмешался в наш разговор этот ужасный капитан Фланеган.— Не правда ли, Мели, дорогая?

— Ничуть не сомневаюсь в этом, капитан,— отвечал я с величайшим достоинством, но моя вежливость не произвела на это грубое животное никакого впечатления. Он разразился громким смехом. Амелия и я едва удержались, чтобы не рассмеяться над его непроходимой глупостью. С присущим ей тактом она попыталась замаять неловкость и сказала этому медведю:

— Ну будет вам, будет, капитан! Не будьте так жестоки с ним. (Жестоки со мной, со мной! Да благословит тебя господь, Амелия!)

От столь неожиданно свалившегося счастья чувства переполняли меня. Слезы стояли у меня в глазах, и я подумал:

— Мечта всей моей жизни свершилась! Я сфотографирую Амелию!

Я был готов пасть на колени, чтобы возблагодарить ее, если бы мне не мешала скатерть и я не знал, как трудно будет потом подняться из столь неудобного положения.

Однако позже, когда завтрак подходил к концу, я все же улучил момент и дал волю обуревавшим меня чувствам. Обратившись к сидевшей рядом Амелии, я довольно явственно пробормотал:

— Сердце, трепещущее в этой груди, жаждет...

Наступившая тишина вынудила меня замолчать на полуслове. Сохраняя полнейшую невозмутимость, Амелия спросила:

— Вы, кажется, сказали, что жаждете выпить еще чашечку чаю, мистер Таббс? Капитан Фланеган, не затруднит ли вас отрезать мистеру Таббсу еще кусочек пирога с вареньем?

— Пирога почти не осталось,— ответил капитан, едва не уткнув свою огромную голову в означенный предмет.— Может быть, мне передать ему всю тарелку, Мели?

— Нет, сэри! — прервал я капитана, бросив на него уничтожающий взгляд, но капитан лишь ухмыльнулся и продолжал как ни в чем не бывало:

— Не скромничайте, Таббс, в кладовке хватит пирогов на всех.

Амелия с беспокойством посмотрела на меня, поэтому я усилием воли проглотил ярость и кусок пирога.

После завтрака, получив подробные указания относительно того, как пройти к домику, я прикрепил к камере накидку, позволяющую проявлять снимки на открытом воздухе, взгромоздил камеру на плечо и отправился в путь.

Проходя мимо окна, я увидел мою Амелию за рукоделием. Рядом с ней стоял этот идиот-капитан. В ответ на мой взгляд, исполненный неувядаемой любви, Амелия с беспокойством заметила:

— Боюсь, что аппарат слишком тяжел для вас, мистер Таббс. Не нужен ли вам помощник, который бы носил камеру за вами?

— Или осел? — неуместно хихикнул капитан.

Я остановился и повернулся к окну, чувствуя, что достоинство Человека и свободу личности необходимо отстоять сейчас или никогда. Обращаясь к ней, я сказал лишь: «О, благодарю вас!» — и послал ей воздушный поцелуй. Затем, глядя в упор на идиота, стоявшего рядом с ней, я прошипел сквозь стиснутые зубы: «Мы еще встретимся, капитан!»

— Ничуть не сомневаюсь в этом, Таббс,— ответил непроходимый глупец.— Встретимся ровно в шесть, за обедом!

Дрожь охватила меня. Я изо всех сил попытался унять ее, но безуспешно. Водрузив камеру на плечо, я с угрюмым видом отправился дальше.

Не успел я сделать и двух шагов, как самообладание вновь вернулось ко мне. Я знал, что ее глаза неотрывно устремлены на меня, и зашагал по гравию своей прежней упругой походкой. Что значили в

этот момент для меня все капитаны, вместе взятые? Могли ли они лишить меня душевного равновесия?

Холм, на котором стоял домик, находился примерно в миле от виллы «Розмари», и я изрядно устал и запыхался, прежде чем достиг конечного пункта своего путешествия, но мысли об Амелии придавали мне силы. Я выбрал наиболее выгодную точку съемки с таким расчетом, чтобы на снимке был виден не только дом, но и фермер с коровой, бросил нежный взгляд на видневшуюся в отдалении виллу и, прошептав «Для тебя, Амелия!», снял крышку с объектива. Через 1 минуту 40 секунд я водворил крышку на место.

Съемка закончена! — закричал я в неудержимом порыве, — Амелия, ты моя!

Торопливо, дрожа от нетерпения, я накрыл голову накидкой и приступил к проявлению. Деревья на снимке оказались неразличимо размазанными. Нужно ли удивляться? Подул ветер и раскачал их немного. Впрочем, какое это имеет значение? Фермер? За время экспозиции он успел пройти ярд или два, и я с прискорбием должен признать, что на снимке у него было несколько рук и ног. Впрочем, и это не имеет значения! Назовем фермера пауком, сороконожкой, как угодно! Корова? Как мне ни хотелось бы, справедливости ради я должен признаться, что у коровы на снимке отчетливо можно было различить три головы, а такое животное, хотя оно выглядит несколько необычно, не слишком живописно. Зато домик на снимке нельзя было спутать ни с чем. Крыша его не оставляла желать ничего лучшего.

— Взвесив все достоинства и недостатки снимка, — подумал я, — Амелия, конечно, сумеет...

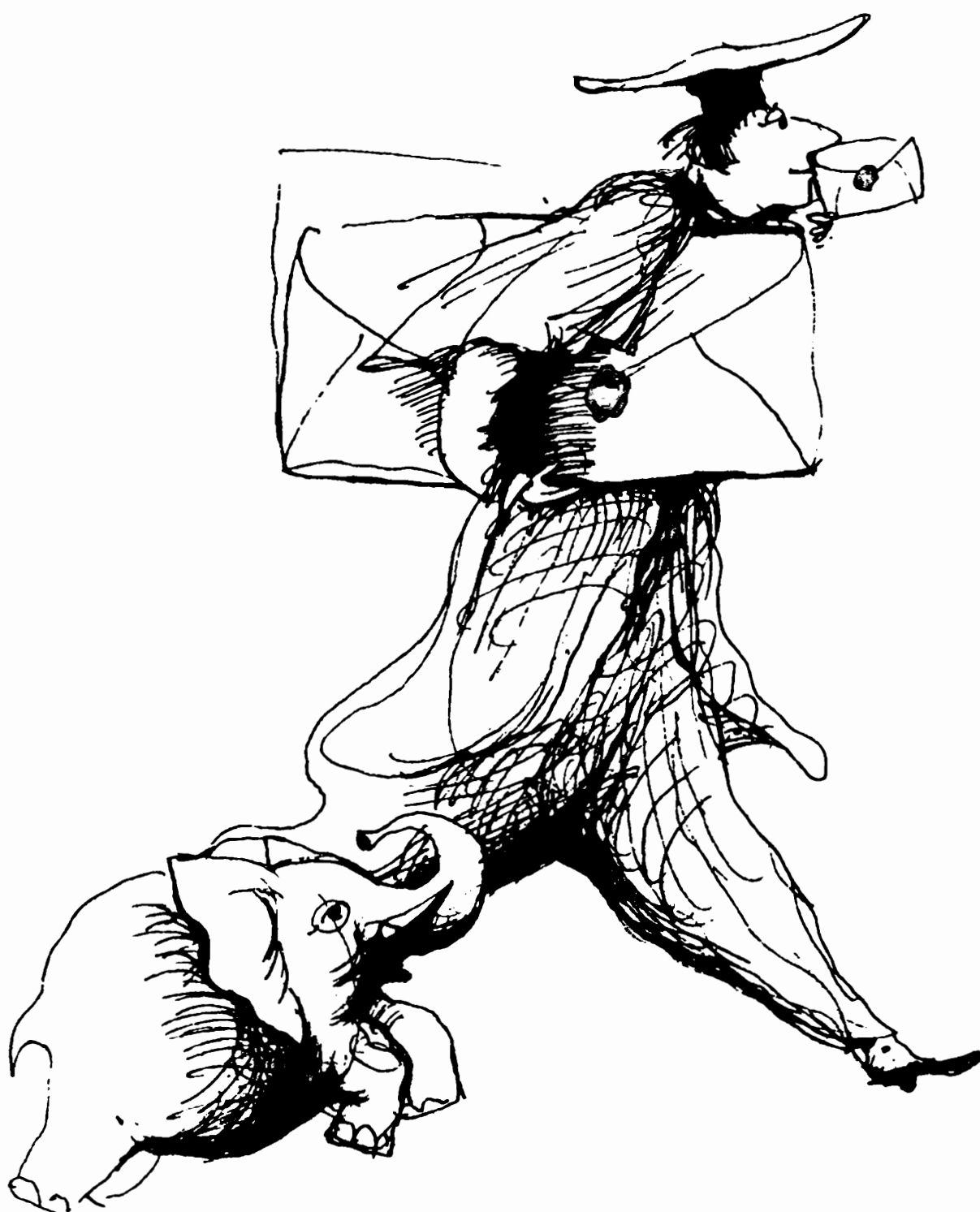
В этот момент мой внутренний монолог был прерван: кто-то похлопал меня по плечу скорее повелительно, нежели деликатно. Высвободившись из-под накидки (нужно ли говорить, что каждое мое движение было исполнено спокойного достоинства), я увидел незнакомца. Сложения он был плотного, одет весьма безвкусно, с отталкивающим выражением лица и в зубах держал соломинку. Его компаньон обладал теми же отличительными приметами, выраженными еще более ярко.

— Молодой человек, — начал первый незнакомец, — вы вторглись в чужие владения. Убирайтесь отсюда, да поживее!

Нужно ли говорить, что я не обратил внимания на подобное замечание и, достав бутылку с гипосульфитом натрия, приступил к фиксации негатива. Незнакомец попытался остановить меня. Я оказал сопротивление. Негатив упал и разбился. Что произошло потом, я не помню. У меня сохранилось лишь смутное ощущение, будто я кого-то ударил.

Если вы сумеете найти в приведенных выше отрывках из моего дневника какое-нибудь объяснение моему нынешнему состоянию, я, разумеется, не буду иметь ничего против. Но со своей стороны, как уже говорилось, я могу сообщить вам лишь, что я разбит, ощущаю ломоту во всем теле, едва могу пошевелиться, с головы до пят покрыт синяками и не имею ни малейшего представления о том, что со мной произошло.

**V. ВОСЕМЬ ИЛИ ДЕВЯТЬ МУДРЫХ
СЛОВ О ТОМ, КАК ПИСАТЬ ПИСЬМА**

Как начинать письмо

Если вы хотите ответить на другое письмо, то лучше всего достать это письмо и перечитать его заново, чтобы освежить в памяти то, на что вы собираетесь отвечать, и *нынешний адрес* вашего корреспондента (в противном случае вы отправите письмо по его постоянному адресу — в *Лондон*, хотя он предусмотрительно сообщил вам свой подробный адрес в *Торквее*).

Затем следует написать адрес на конверте и наклеить марку. «Как? Надписывать конверт до того, как написано *письмо*?» Именно так! И сейчас я расскажу вам, что произойдет, если вы этого не сделаете. Вы пишете письмо до самого последнего момента и вдруг, посреди заключительного предложения, осознаете, что «уже пора»! Начинается кутерьма: вы кое-как нацарапываете подпись, наскоро заклеиваете конверт, который расклеивается на почте, совершенно неразборчиво надписываете адрес и с ужасом узнаете, что забыли вовремя пополнить свой запас марок в коробочке, с безумным видом начинаете приставать ко всем домохозяевам с просьбой одолжить вам марку, сломя голову бежите на почту, прибегаете туда весь в поту, еле переводя дух, когда корреспонденцию из почтового ящика уже изъяли, и, наконец, неделю спустя получаете свое письмо из отдела «мертвых писем» *) с надписью «Адрес неразборчив»!

Затем на листе бумаги сверху следует написать свой *полный* адрес. Чрезвычайно неприятно (я говорю это на основании собственного горького опыта), когда ваш друг, живущий по новому адресу, ограничивается в начале письма краткой пометкой «Дувр», полагая, что остальное вам известно из его предыдущего письма, которое вы к тому времени, возможно, успели уничтожить.

Затем следует *полностью* указать дату. Не менее неприятно, когда спустя несколько лет, вы пытаетесь расположить по порядку письма и обнаруживаете, что они датированы лишь «17 февраля» или «2 августа» без малейшего указания на год, по которому вы могли бы судить, какое письмо идет раньше. И никогда-никогда (Примечание. Это замечание адресовано *только* дамам, ибо ни один *мужчина* не сделает ничего подобного.) не пишите вместо даты просто «среда», ибо «ничто не способно довести до безумия так, как подобные поступки».

Как продолжать письмо

Золотое правило, которого следует придерживаться с самого начала: *пишите разборчиво*. Человеческие нравы заметно смягчились бы, если бы все придерживались этого правила! Значительная часть всего, что написано неразборчиво во всем мире, написано просто слишком торопливо. Разумеется, вы ответите: «Я тороплюсь, чтобы сэкономить время». Цель, что и говорить, весьма достойная, но имеете ли вы право достигать ее за счет своего друга? Разве его время не столь же ценно, как ваше? Несколько лет назад мне довелось получать

*) То есть неотправленных или невостребованных писем.— *Примеч. пер.*

от одного приятеля письма (и, надо сказать, весьма интересные), написанные самым «зверским» из когда-либо выработанных почерков. Обычно у меня уходило около *недели* на то, чтобы прочесть одно письмо. Я имел обыкновение носить письмо в кармане, и вытаскивая его в свободную минуту, ломать голову над теми ребусами, из которых оно состояло. Я вертел письмо так и сяк, держал его то у самых глаз, то на расстоянии вытянутой руки до тех пор, пока до меня не доходил смысл некоторых совершенно неразличимых иероглифов. То, что мне удавалось уловить, я подписывал — уже по-английски — под строкой. Отгадав таким способом несколько мест, я получал возможность по контексту восстанавливать смысл остального, пока, наконец, мне не удавалось расшифровать всю цепочку иероглифов. Если бы у кого-нибудь *все* друзья писали в таком духе, то на чтение их писем у него ушла бы вся жизнь!

Этого золотого правила необходимо строго придерживаться при написании фамилии и названия мест, причем особенно неукоснительно — при написании *иностранных фамилий*. Как-то раз я получил письмо, в котором упоминалось несколько русских фамилий, нацарапанных тем неразборчивым почерком, каким люди обычно пишут «искренне ваш...». Разумеется, угадать что-либо по смыслу было невозможно: любой вариант был ничуть не хуже другого. Пришлось мне написать своему другу и сообщить, что я не могу разобрать ни одной фамилии!

Мое второе правило: не заполнять *более* полутора страниц извинениями за то, что я не ответил на письмо раньше!

Самая лучшая тема *для начала* — последнее письмо вашего друга. Пишите, держа его перед собой. Отвечайте на вопросы вашего друга и делайте любые замечания, которые придут вам в голову по ходу чтения его письма. *Затем* вы переходите к тому, о чем хотите рассказать сами. Такой порядок более вежлив и приятен для адресата, чем если вы займете все письмо своими собственными бесценными замечаниями и лишь в постскрипуме торопливо ответите на его вопросы. Ваш друг сможет лучше оценить всю глубину сделанных вами замечаний *после того*, как удовлетворит свою жажду информации.

Ссылаясь на какое-нибудь место в письме друга, лучше всего точно процитировать то, что сказал он сам, а не пересказывать общий смысл своими словами. Впечатление *А* от того, что сказал *В*, в передаче *А* никогда не совпадает с тем, что имел в виду сам *В*.

Этого правила особенно следует придерживаться в том случае, если два корреспондента в чем-то не согласны друг с другом. Недопустимо писать в таком случае: «Вы совершенно заблуждаетесь, полагая, будто я сказал то-то и то-то. Я имел в виду совсем другое — и т. д. и т. п.» Переписка по спорному вопросу при таком подходе грозит затянуться на долгие годы.

Здесь уместно упомянуть еще несколько правил, пригодных для тех случаев, когда переписка, к сожалению, *превращается в спор*.

Первое из них: не повторяйтесь. Высказавшись один раз, ясно и со всей определенностью, по какому-то вопросу и не сумев убедить своего друга, *оставьте спорную тему*. Повторяя свои доводы, вы лишь вынудите его сделать то же самое. Ваш спор будет продолжаться бесконечно,

как бесконечная периодическая дробь. *А разве случалось вам хоть когда-нибудь слышать, чтобы бесконечные периодические дроби заканчивались?*

Еще одно правило: написав письмо, которое, по вашему мнению, вызовет раздражение у вашего друга, хотя вы высказали все именно так, как думаете, *отложите письмо в сторону до завтра*. Затем перечитайте его и постарайтесь представить, что оно адресовано вам. Это нередко заставит вас переписать письмо заново, убрав уксуса и перца и добавив меда, что превратит его в гораздо более съедобное блюдо! Если же, написав письмо в как можно более мирных тонах, вы все же почувствуете, что оно может задеть вашего друга, *сохраните копию письма*. Что толку несколько месяцев спустя оправдываться: «Я почти уверен в том, что никогда не говорил ничего такого. Насколько мне помнится, я сказал то-то и то-то». *Гораздо* лучше иметь возможность написать: «Я не употреблял таких выражений. В моем письме было сказано следующее...».

Мое пятое правило: если ваш друг допустил резкое замечание, то либо сделайте вид, что вы этого не заметили, либо ответьте, но гораздо *менее* резко. Если же он сделает дружеское замечание, пытайтесь загладить возникшее разногласие, ответьте ему в еще *более* дружественном тоне. Если бы в назревающей ссоре каждая сторона была склонна преодолеть не более *трех восьмых*, а при примирении — не менее *пяти восьмых* пути, то примирений было бы больше, чем ссор! Ситуация здесь такая же, о какой говорит ирландец, выговаривающий своей дочери за то, что той никогда не бывает дома: «Вечно ты уходишь из дома! Раз придешь, а *три раза* уйдешь!»

Мое шестое правило (и мое последнее замечание по поводу разногласий, возникающих при переписке): *не стремитесь к тому, чтобы последнее слово осталось за вами!* Сколько споров можно было бы подавить в зародыше, если бы каждый стремился к тому, чтобы последнее слово осталось за другим! Неважно, если, отвечая на упрек, вы выскажете не все свои возражения. Пусть ваш друг думает, будто вы молчите потому, что вам нечего сказать. Лишь бы скорее прекратить спор, не выходя за рамки приличий. Помните: «слово — серебро, молчание — золото»! (Примечание. Если вы джентльмен, а ваш друг — леди, то выполнение этого правила становится обязательным: *вы не должны оставлять за собой последнего слова!*)

Мое седьмое правило: если вам случится в шутку высказать *порицание* вашему другу, то следует быть уверенным в том, что вы все достаточно преувеличили и шутка *очевидна*. Слово, сказанное в шутку, но воспринятое всерьез, может привести к весьма тяжким последствиям. Мне известны случаи, когда шутливое замечание разбивало дружбу. Предположим, что вы хотите напомнить вашему другу о соверене, который вы одолжили ему, а он забыл вам вернуть. Вы пишете ему, отнюдь не вкладывая в свои слова *ничего, кроме шутки*: «Должен сказать, что иметь столь плохую память на долги, как у тебя, по-видимому, удобно». Не удивляйтесь, если ваш друг все же обидится на форму упрека. Но представьте себе, что вы написали: «Наблюдая в течение продолжительного времени за твоей карьерой карманного вора и взломщика, я совершенно убедился в том, что могу питать робкую надежду

вернуть соверен, некогда одолженный тебе, лишь в том случае, если прямо потребую: «Плати или я потащу тебя в суд!»

Если ваш друг действительно друг вам, то он отнесется к высказанному вами намеку вполне серьезно!

Мое восьмое правило: если вы пишете в письме «Прилагаю при сем 5 фунтов стерлингов» или «Посылаю тебе письмо Джона, чтобы ты мог с ним ознакомиться», то прекратите на миг писать, достаньте документ, о котором вы упомянули, и *вложите его в конверт*. В противном случае вы вполне можете обнаружить, что документ остался лежать у вас на столе *после того, как письмо отправлено!*

Мое девятое правило: если вы исписали весь лист бумаги до конца и вам есть что сказать еще, возьмите еще один лист, целый, или обрывок — по потребности, но *не пишите поперек уже написанного!* Помните старую поговорку: *Что написано не вдоль, не прочтешь поперек*. «Старую поговорку? — спросите вы удивленно. — Так ли она стара?» Должен признаться, что приведенная мной поговорка действительно не такая уж древняя. Боюсь, что я сам ее придумал, пока писал эти строки! Но все же не следует упускать из виду, что «старый» — понятие *относительное*. Думаю, что вы будете совершенно правы, если обратитесь к цыпленку, только что вылупившемуся из яйца, со словами: «Привет, старина!» Ведь он действительно стар по сравнению с другим цыпленком, который вылупился из яйца лишь наполовину!

Как закончить письмо

Если вы не уверены в том, как следует закончить письмо («ваш...», «преданный вам...», «искренне преданный вам...» и т. д.), обратитесь к последнему письму вашего корреспондента и постарайтесь ответить ему *по крайней мере столь же дружественно*. Даже если ваш тон окажется чуть более дружественным, то вреда от этого не будет!

Постскрипtum — весьма полезное изобретение. Однако *не следует* думать (как полагают многие дамы), будто именно в нем и заключено *основное содержание* письма. Он служит скорее для того, чтобы мы могли оставить в тени всякие мелочи, о которых нам *не хотелось бы* поднимать шум. Например: ваш друг пообещал выполнить ваше поручение в городе и забыл о своем обещании, причинив вам большое неудобство. Он пишет вам письмо, в котором приносит извинения за свою оплошность. Было бы неоправданной жестокостью наносить вашему другу сокрушительный удар и превращать его проступок в главную тему ответного письма. Гораздо изящнее выразить упрек, например, в следующей форме: «P. S. Прошу тебя не расстраиваться по поводу того мелкого поручения в городе. Не скрою, что ты *слегка расстроил* мои планы, но сейчас уже все наладилось. Я и сам частенько бываю забывчив, а, как тебе известно, тому, кто живет за стеклом, не следует бросать камни!»

Отправляясь на почту, *держите письма в руке*. Если вы положите письма в карман, то, вернувшись домой после продолжительной прогулки (я знаю это по собственному опыту) и пройдя *дважды* мимо почты, вы *все же* обнаружите их в своем кармане.

VI. ПИСЬМА К ДЕТЯМ

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
23 мая 1864 г.

Дорогое дитя!

У нас стоит такая ужасная жара, что я совсем ослабел и не могу даже держать в руках перо, а если бы мог, то толку все равно было бы мало: все чернила испарились и превратились в черное облако. Оно плавало по комнате, пачкая стены и потолок так, что на них не осталось ни одного светлого пятнышка. Сегодня стало несколько прохладнее, и немного чернил выпало на дне чернильницы в виде черного снега — как раз столько, что мне хватит написать и заказать фотографии для твоей мамы.

От этой жары я впал в меланхолию и сделался очень раздражительным. Подчас мне едва удастся сдерживать себя. За примером далеко ходить не надо. Не далее как несколько минут назад ко мне с визитом пришел епископ Оксфордский. С его стороны это было очень любезно, и он, бедняга, не имел в виду ничего дурного. Но когда я увидел своего гостя, то настолько вышел из себя, то швырнул ему в голову тяжелую книгу. Боюсь, что книга сильно его ударила. [Примечание. То, о чем я тебе рассказал, не совсем верно, поэтому верить всему сказанному не нужно. В следующий раз не верь ничему так быстро. Ты хочешь знать почему? Сейчас объясню. Если ты будешь стараться верить всему, то мышцы твоего разума устанут, а ты сама ослабеешь настолько, что уже не сможешь поверить даже в самые простые вещи. Всего лишь на прошлой неделе один мой приятель решил поверить в Мальчика с пальчик. После долгих усилий это ему удалось, но какой ценой! У него не осталось даже сил поверить в то, что на улице идет дождь, хотя это была абсолютная правда, — и он выбежал из дому без шляпы и зонтика! В результате его волосы серьезно намокли, и один локон почти двое суток никак не хотел принимать нужный вид. (Примечание. Боюсь, что кое-что из сказанного не вполне верно...)] Передай Гревиллю, что я продолжаю работать над его фотографией (той, которая должна быть в овальной рамке) и надеюсь выслать ее через день-два. Передай маме, что, как ни жаль, никто из моих сестер не сможет приехать в Лондон этим летом.

Наилучшие пожелания твоим папе и маме и самые нежные приветы тебе и другим детям. Остаюсь преданный тебе друг

Чарлз Л. Доджсон

P.S. Единственная неприятность, которая приключилась со мной в пятницу, — полученное от тебя письмо. Вот так-то!

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
14 ноября 1864 г.

Дорогая Мэри!

Давным-давно жила-была маленькая девочка, и был у нее ворчливый старый дядюшка — соседи звали его Скрягой (что они хотели этим сказать, я не знаю). Как-то раз эта маленькая девочка пообещала своему дяде переписать для него сонет, который Розетти написал о Шекспире, и своего

обещания, как ты знаешь, не выполнила. Нос у бедного дядюшки стал расти все длиннее и длиннее, а характер — портиться все сильнее и сильнее. Но почтальон день за днем проходил мимо дверей дядюшки, а сонета все не было...

Здесь я прерву свой рассказ, чтобы объяснить, как люди в те далекие дни отправляли письма. Ворот и калиток тогда еще не было, и поэтому столбы у ворот и калиток не должны были стоять на одном месте и *носились* вперед и назад, где им только вздумается. Если кому-нибудь нужно было послать письмо, то он просто прикреплял его к столбу, который несся в подходящем направлении (правда, иногда столбы ни с того ни с сего меняли направление, и тогда возникала ужасная путаница), а тот, кто получал письмо, говорил, что оно «доставлено *письмоносцем*».

Все делалось очень просто в те давние дни. Если у кого-то было много денег, он просто клал их в банку, закапывал ее под забором, говорил: «У меня деньги в банке» и больше ни о чем не беспокоился.

А как путешествовали в те далекие времена! Вдоль дорог тогда стояли шесты. Люди влезали на них и старались удержаться на самой верхушке как можно дольше, а потом (обычно это происходило *очень* скоро) падали оттуда. Это и называлось путешествовать.

Но вернемся к нашему рассказу о плохой девочке. Заканчивается он, как и следовало ожидать, тем, что пришел большой серый ВОЛК и ... Нет, я не в силах продолжать. От девочки не осталось ничего, кроме трех маленьких косточек. Что и говорить, грустная история!

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
[5 декабря 1864 г.]

Дорогая Мэри!

Я уже давно должен был написать тебе, чтобы передать мою благодарность за сонет. Пожалуйста, не думай, что я не писал — еще как писал! Сотни раз. Трудность была лишь в том, чтобы *направить* письмо куда следует. Сначала я направлял письма с такой силой, что они пролетали далеко мимо цели — некоторые из них потом подбирали на другом конце России. На прошлой неделе мне почти удалось попасть в цель и написать на конверте «Эрлз Террас, Кенсингтон», но я перебрал с номером и поставил 12000 вместо 12. Поэтому если ты спросишь на почте письмо с № 12000, то, смею думать, они отдадут тебе его. После этого здоровье мое сильно пошатнулось и я стал направлять письма так слабо, что они едва долетали до конца комнаты. «Оно еще лежит у окна, Самбо?» «Да, масса, оно, чуть не вылетело в окно». Ты, должно быть, думаешь, что мой слуга негр, но это не так. Просто мне так нравятся негры, что я научил его говорить на ломаном английском и дал ему имя Самбо (его настоящее имя Джон Джонс). Каждое утро я начищаю ему физиономию сапожной щеткой. Он говорит, что ему нравится говорить на ломаном английском, но не нравится ходить с черным от ваксы лицом. «Странная фантазия», — сказал я ему.

Я намереваюсь приехать в город на несколько дней перед Рождеством и зайду к вам минут этак на 5 или около того. Знают ли твои папа и мама мисс Джин Ингелоу? Мне известно, что она живет в Кенсингтоне.

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Димфне Эллис

[Крофт Ректори], Дарлингтон
3 августа 1865 г.

Дорогая Димфна!

Альбом с фотографиями, автографами и всем прочим прибыл благополучно, только железнодорожные служащие (которые внимательно прочитали его) заявили, что с *твоей* подписью ценность альбома стала «больше 10 фунтов стерлингов» и что его следовало «отправлять заказной бандеролью». Я сказал клерку, что это чепуха и что в Крэнбурне твою подпись оценили меньше, чем в 2 пенса, но он лишь мрачно покачал головой и сказал, что «в этом он разбирается лучше».

Кстати сказать, когда я попросил тебя прислать список твоих имен, я имел в виду *полные* имена, а ты прислала мне загадочный перечень инициалов, которые настолько озадачили меня, что я почти не сомкнул глаз ночью. Например, что означает «Ф» перед «Димфной»? Фатима, Фенелла или Феодора? Может быть (я не смею и надеяться на столь красивое имя), Фоскофорния?

Я так сожалею, что заставил тебя скучать после отъезда! Теперь мне совершенно ясно, что я не должен был приезжать. Но наша внезапная дружба была столь ужасной, что смею думать, ты столь же внезапно забудешь меня. Поэтому выше голову. Боюсь, тебе придется с неделю или около того подождать фотографий.

С наилучшими пожеланиями м-ру и м-с Эллис и любовью к несчастным маленьким оборвышам *) (как там их бедные босые ножки?).

Остаюсь преданный Вам Ч. Л. Доджсон

Уне Тейлор

Крайст Черч, Оксфорд
16 ноября 1865 г.

Дорогая Уна!

Твои подруги, большие девочки, испортили книжки, которые они очень любили, не так ли? *Теперь* я, наконец, знаю, отчего портятся некоторые маленькие девочки: от того, что кто-то их очень любит. Разве не замечательно для тебя, что тебя никто особенно не любит — ведь иначе, как ты понимаешь, тебя могли бы испортить? («М-р Доджсон, не говорите, пожалуйста, глупости!»)

А теперь посмотрим на эту книгу и, если ты не признаешь, что картинки в ней красивее, чем в старой книге, я говорю, если ты не

*) Л. Кэрролл имеет в виду фотографию, на которой Димфна Эллис снята босиком в костюме оборвыша.— *Примеч. пер.*

признаешь, то протри свои глазки и посмотри еще раз, ибо это будет верным признаком того, что у тебя не все в порядке со зрением. («М-р Доджсон, я же просила Вас *не говорить глупости!*»)

Остаюсь твоим преданным другом Ч. Л. Доджсон

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
22 января 1866 г.

Дорогая Мэри!

Я очень рад, что тебе понравилась новая книжка «Алиса в Стране Чудес», и я с большим удовольствием отправился бы в Лондон и снова увидел всех вас и Снежинку *), если бы у меня было время, но, к сожалению, его у меня нет. Кстати сказать, теперь твоя очередь навестить меня. Я твердо помню, что в последний раз гостем был я. Как только ты приедешь в Оксфорд, найти мои апартаменты не составит никакого труда. Что же касается *расстояния*, то от Оксфорда до Лондона оно такое же, как от Лондона до Оксфорда. Если в твоём учебнике географии об этом ничего не говорится, то он безнадежно устарел и тебе лучше раздобыть другой учебник.

Я долго ломал себе голову над тем, *почему* ты называешь себя противной девчонкой за то, что долго мне не писала. Противная девчонка? Как бы не так! Что за глупости? Стал бы я называть себя противным, если бы не писал тебе лет этак с 50? Ни за что! Я бы начал свое письмо, как обычно: «Дорогая Мэри!

Пятьдесят лет назад ты спрашивала, что делать с котенком, у которого заболели зубы, а я только сейчас вспомнил об этом. За пятьдесят лет боль могла пройти, но если же зубы у котенка все еще болят, то сделай следующее. Выкупай котенка в заварном креме, затем дай ему 4 подушечки для булавок, вываренных в сургуче, а кончик его хвоста окуни в горячий кофе. Боль как рукой снимет! Это средство еще никогда не подводило».

Поняла? Вот как надо писать письма!

Я хотел бы, чтобы ты сообщила мне фамилии твоих двоюродных сестер (думаю, что это были твои кузины), с которыми мне довелось однажды вечером встретиться у вас дома. Звали их Мэри и Мэй. Передай, пожалуйста, своему папе, что я прочитал «Алек Форбс» и в восторге от него. Я очень хотел бы встретить Анни Андерсон в реальной жизни. Где она живет?

С наилучшими пожеланиями папе и маме и любовью к твоим братьям и сестрам остаюсь

твой любящий друг Чарлз Л. Доджсон

Анни Роджерс

[1867 г.]

Дорогая Анни!

Это поистине ужасно. Ты не имеешь ни малейшего представления о той печали, которая охватила меня, пока я пишу. Мне пришлось воспользоваться зонтиком, чтобы слезы не капали на бумагу. Ты приезжала вчера

*) Котенка.— Примеч. пер.

фотографироваться? И ты *очень* рассердилась из-за того, что меня не оказалось дома? Вот как было дело. Я отправился на прогулку с Бибкинсом, моим закадычным другом Бибкинсом. Мы отмахали много миль от Оксфорда — пятьдесят или сто, не помню. И в тот момент, когда мы пересекали поле, на котором паслось множество овец, мне внезапно пришла в голову одна мысль, и я спросил торжественно: «Добкинс, который сейчас час?» «Три часа»,— ответил Фипкинс, несколько удивленный моим тоном. Слезы потекли у меня по щекам. «Это тот самый ЧАС»,— сказал я. «А скажите, скажите мне, Хопкинс, какой сегодня день недели?» «Разумеется, понедельник»,— отвечал Лупкинс. «Это тот самый ДЕНЬ!» — простонал я. Я заплакал. Я зарыдал. Овцы сгрудились возле меня и стали тереться своими нежными носами о мой нос. «Мопкинс! — воскликнул я. — Вы мой самый старый друг. Не обманывайте меня, Нупкинс! Который сейчас год?» «Думаю, что 1867-й»,— отвечал Пипкинс. «Это тот самый ГОД!» — вскричал я так громко, что Тапкинс упал в обморок. Все было кончено: меня привезли домой на тележке в сопровождении верного Уопкинса, разобранного на несколько частей.

Когда я немного оправлюсь от потрясения и проведу несколько месяцев на морском курорте, я непременно навещу тебя и назначу другой день для фотографирования. А пока я еще слишком слаб, чтобы писать самому, и поэтому за меня пишет Зипкинс.

Твой несчастный друг *Льюис Кэрролл*

Агнес Арглз

Крайст Черч, Оксфорд
28 ноября 1867 г.

Дорогая мисс Долли!

Я получил важные сведения от одного моего друга — некоего мистера Льюиса Кэррола, престранного человека и большого любителя нести всякую чепуху. Он сообщил мне, что когда-то ты попросила его написать еще одну книгу вроде той, которую ты прочитала,— забыл, как она называется, что-то о *лисе*.

— Передайте ей,— сказал он,— что я только что написал небольшую повесть, которая напечатана в «Журнале тетушки Джуди», и заказал один экземпляр для нее.

— Прекрасно,— заметил я,— и это все, что вы хотели сообщить мне?

— Передайте ей еще одно,— сказал он, и несколько слез скатилось по его щекам.— Я очень *надеюсь* (так ей и передайте), что она не рассердилась на меня за все те глупости, которые я наговорил о ее имени. Вы ведь знаете, что иногда ...

— Всегда,— поправил его я.

— ... иногда я несу чепуху, и, если она рассердилась, то, надеюсь, что на этот раз простит меня!

Тут слезы хлынули на меня проливным дождем (я забыл сообщить тебе, что, разговаривая со мной, он высунулся из окна, под которым я стоял), и я промок почти насквозь.

— Немедленно прекратите,— пригрозил я,— или я ни о чем не сообщу ей!

Он втянул свою голову и закрыл окно.

Если ты вздумаешь написать ему письмо, то лучше всего пришли это письмо мне.

Преданный тебе Чарлз Л. Доджсон

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
30 ноября 1867 г.

Дорогая Мэри!

Я не видел тебя так давно, что опасаюсь, как бы ты не воспользовалась представившейся возможностью, не «выросла большой» и не стала воротить нос от моих писем, восклицая:

— Какая несносная композиция! Любящий тебя дядюшка! Вот еще! Любящий тебя смывок! Напишу-ка я ему ответ *в третьем лице*! «Мисс М. Макдональд свидетельствует свое почтение и выражает удивление по поводу того, что ... и т. д. и т. п.»

Посылаю тебе новый номер «Журнала тетушки Джуди» вместе с твоим экземпляром «Алисы», так как в этом журнале напечатана повесть того же автора. Мои наилучшие пожелания твоим папе и маме и сердечный привет братьям и сестрам, если они у тебя есть.

Остаюсь любящим тебя дядюшкой
Ч. Л. Доджсон

Димфне Эллис

2 декабря 1867 г.

Уважаемая мисс Димфна!

Поскольку мистер Доджсон попросил меня написать вам вместо него, извещаю вас, что он послал вам номер «Журнала тетушки Джуди», чтобы вы могли прочитать небольшую повесть, которую он написал о Бруно и обо мне. Дорогая мисс Димфна! Если вам доведется побывать в нашем лесу, я буду очень рад повидать вас и покажу вам красивый сад, который Бруно разбил для меня.

Любящий вас крохотный эльф
Сильви

Агнес Арглз

4 декабря 1867 г.

Достопочтенная леди!

Мистер Льюис Кэрролл попросил меня сегодня утром написать тебе вместо него и сообщить тебе вот о чем. Прежде всего он очень признателен за твое чудесное письмо, посылает тебе свою фотографию, чтобы ты больше не гадала, как он выглядит, и надеется получить от тебя твою фотографию. (Мистер Льюис Кэрролл считает, что мне не следовало делать

в конце это замечание, и предпочитает закончить предыдущую фразу словами «как он выглядит».) Затем он очень хотел бы знать, сколько тебе лет. Я сказал ему, что спрашивать леди о ее возрасте невежливо, на что он заметил:

— Эта леди очень молода и не станет возражать против моего вопроса.

Бруно говорит, что ему очень хотелось бы показать тебе наш сад, который стал теперь «еще красивее». Бруно устроил в саду небольшую бухточку — ты даже не представляешь, как красиво он все сделал.

Бруно просит передать тебе свой привет. Мистер Льюис Кэрролл также хотел бы передать тебе привет, но я сказал ему, что этого не следует делать, так как ему было бы лучше передать тебе «наилучшие пожелания», если уж ему так хочется, но он в ответ сказал только:

— Только я не передам ей ничего,— и ушел.

Не очень-то вежливо с его стороны?

Любящий тебя крохотный эльф
Сильви

Маргарет Каннингхэм

Февраль 1868 г.

Мисс М. Каннингхэм, должнику мистера Ч. Л. Доджсона

Счет

	Фунтов стерлингов	Шиллин- гов	Пенсов
За одну похищенную перчатку по цене 4 шиллинга пара		2	0
За боль от потери		3	8 ¹ / ₂
За доставленное беспокойство		4	4 ¹ / ₂
За причиненные неприятности		14	7
За время, потраченное на поиски вора		1	6
Итого	1	6	2

Получено с благодарностью Ч. Л. Доджсон

Неизвестному адресату

Крайст Черч, Оксфорд
9 февраля 1868 г.

Сэр!

Если беседа, которую я имел прошлым вечером у проректора Оксфордского университета, может служить достаточным оправданием моей дерзости, я осмелюсь побеспокоить вас, обратившись к вам с одним вопросом. Вы оказали бы мне важную услугу, если бы сообщили, где и как я мог бы раздобыть фотографию некоторого величественного сооружения — церкви или храма (чего именно, я не помню), о котором мне довелось слышать в Индии, должно быть в Калькутте (но где именно, я не уверен). Знаю

лишь, что оно было воздвигнуто в память какой-то царственной особы, все из белого мрамора и по словам тех, кто его видел, представляет собой несомненно великолепнейший образчик архитектуры такого рода, лучше которого нет во всем мире *).

Надеюсь, что мое описание позволит вам идентифицировать это сооружение, ибо я забыл, от кого мне стало известно об этом сооружении, и тем самым утратил всякую надежду раздобыть желаемое — фотографию этого сооружения. Будучи фотографом-любителем я имею сотни своих собственных фотографий, но охотно собираю любые хорошие или интересные фотографии, если они мне встретятся. Примите мои извинения за беспокойство. Остаюсь преданным вам

Ч. Л. Доджсон

Маргарет Каннингхэм

Чарл Стрит, Хэймаркет, Лондон
7 апреля 1868 г.

Дорогая Мэгги!

Боюсь, я очень плохой корреспондент, но надеюсь, что ты не перестанешь писать мне из-за этого. Я завел себе записную книжку и постараюсь внести в нее и самого себя, если только не забуду, когда мой день рождения, но такие вещи легко забываются.

Кто-то сказал мне (думаю, какая-то птичка), что у тебя есть более удачные фотографии, на которых изображена ты. Если это действительно так, то, надеюсь, ты позволишь купить несколько таких фотографий. Фэнни заплатит тебе за них. Но как ты можешь, о Мэгги, просить у меня мою фотографию, которая была бы лучше той, которую я послал тебе! Ведь это самая лучшая фотография, которая была когда-либо сделана! Какая осанка, какое достоинство, какая благожелательность, какое ... ! По секрету скажу тебе (и прошу не говорить об этом никому!), что сама королева прислала попросить у меня одну такую фотографию, но так как уступать в подобных случаях — против моих правил, я был вынужден ответить: «Мистер Доджсон свидетельствует Ее Величеству свое почтение и с сожалением сообщает, что неукоснительно придерживается правила не дарить своих фотографий никому, кроме юных леди».

Мне сказали, что мой ответ вызвал неудовольствие Ее Величества, и она заметила:

— Я вовсе не так стара, как кажется.

Разумеется, не следует вызывать неудовольствие Ее Величества, но тут, как ты знаешь, я ничем не мог помочь.

Любящий тебя друг

.....

*) Речь идет о мавзолее Тадж-Махал. — *Примеч. пер.*

Дорогая Долли!

Ты даже не представляешь, как мне пригодился твой подарок по пути в Лондон! Может быть, ты обратила внимание на старую леди, которая сидела рядом со мной в купе? Я имею в виду старушку с крючковатыми глазами и темно-синим носом. Так вот, как только поезд тронулся, она спросила у меня (кстати сказать, ее манера говорить заронила у меня подозрение, что эта старушка — *не такая уж леди*):

— А что, эти три юные девы на планкформе, которые прижимали к глазам носовые платочки, действительно проливали хрустальные слезы или только притворялись?

Мне не хотелось поправлять ее даже своей правильной речью, поэтому я ответил:

— Они праливали настоящие слезы, мэм, но их слезы совсем не хрустальные!

— Молодой человек! — воскликнула пожилая леди. — Вы обижаете меня, — и принялась плакать.

Я попытался успокоить ее и сказал как можно более радостным тоном:

— Прошу вас, не лейте хрустальные слезы. Не угодно ли лучше глоточек бренди?

— Нет! — отказалась она. — Не бренди, а поэзии, дайте мне поэзии!

Тут я достал подаренную тобой книжку и дал старой леди, и она читала ее всю дорогу и только время от времени всхлипывала. Вернув мне книгу, пожилая леди сказала:

— Передайте той юной леди, которая подарила вам ее (я вижу ее зовут Долли), что поэзия — это вещь! Пусть она читает стихи и не льет хрустальные слезы!

С этими словами старая леди сошла с поезда, повторяя про себя:

— Это голос Омара! *)

Поэтому я и решил написать тебе и сообщить, что сказала старая леди.

Передай Эдит, что я пошлю ей ключевое слово, если ей захочется поупражняться в шифровании, но, боюсь, родителям это не очень понравится.

Как поживает Фокс?

Мой привет Лили **).

Некоторые дети имеют пренеприятнейшее обыкновение вырастать и становиться большими. Надеюсь, ты не сделаешь ничего такого к нашей следующей встрече.

С наилучшими пожеланиями всему вашему семейству

любящий тебя Ч. Л. Доджсон

*) Стихотворение Льюиса Кэрролла из десятой главы «Алисы в Стране Чудес». — *Примеч. пер.*

**) Клички собак, живших в семье Арглзов. — *Примеч. пер.*

Крофт Ректори, Дарлингтон
30 августа 1868 г.

Дорогая Эдит!

Я буду в Лондоне на этой неделе, возможно, в четверг или позже, и если ваше семейство будет дома, я загляну к вам на минутку, но прошу тебя *не входить в комнату*, так как я терпеть не могу встречаться с детьми.

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

P. S. Маргарет^{*)} шлет тебе привет. Мое направление — Уитби, Ист. Террас, 5.

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
13 марта 1869 г.

Нечего сказать! Ты бесчувственная юная леди! Заставив меня в эти недели ждать ответа, ты преспокойно пишешь о чем-то другом, как будто ничего особенного не произошло! Я писал или написал (заметьте, мадам, что я пишу в прошедшем времени: весьма возможно, что я никогда не стану писать об этом впредь) тебе 26 января, предлагая прислать экземпляр немецкого издания «Алисы». И что же? Дни проходили за днями, ночи — за ночами (если я правильно помню, каждая ночь отделяет друг от друга два дня или что-нибудь вроде этого), но ответа все *не было*. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, я постарел, отошал и загрустил, а ОТВЕТА ВСЕ НЕ БЫЛО. Мои друзья стали поговаривать о том, что волосы мои поседели, что от меня остались кожа и кости, и отпускать тому подобные приятные замечания, и ... Но я не буду продолжать, ибо вспоминать об этом слишком тяжело. Скажу лишь, что за все эти годы беспокойства и ожидания (которые прошли с 26 января сего года — видишь, как быстро течет время у нас в Оксфорде!) ОТВЕТА от юной особы с каменным сердцем ВСЕ НЕ БЫЛО! А потом она спокойно пишет:

— Приезжайте посмотреть регату! Будет столько народу!

На это я отвечаю со стоном:

— Видно, мне на роду написано терпеть такое! Роду человеческому свойственна *неблагодарность*, но из всего человечества самая неблагодарная, самая черствая, самая ... Перо мое отказывается писать, и я не скажу больше ни слова!

P. S. Боюсь, что меня не будет в городе, иначе я с удовольствием воспользовался приглашением, хотя бы для того, чтобы сказать тебе: «Неблагодарное чудовище! Прочь с глаз моих!»

^{*)} Сестра Льюиса Кэрролла — Маргарет Энн Эшли. — *Примеч. пер.*

Честнатс, Гилдфорд
18 мая 1869 г.

Дорогая Долли!

Посылочка с анемонами и орхидеями пришла в Крайст Черч как раз вовремя, и я смог захватить ее с собой. Все цветы я передал своей старшей сестре, которая просила передать, что она очень признательна за подарок и хотела бы познакомиться с «садовником». Если тебя это не затруднит и ты могла бы прислать отросток, то он был бы с благодарностью принят. У одного анемона оказались корни, и он был сразу же высажен в саду. Бедняжка выглядел довольно жалко, но сейчас вполне оправился и чувствует себя превосходно.

Я пробуду здесь несколько дней и сегодня вечером возвращаюсь в Крайст Черч, где, вероятно, останусь до середины июня. После этого я буду свободен до октября и, возможно, сумею заглянуть к тебе (на полчаса, не больше), если ты окажешься где-нибудь поблизости. Ты спрашиваешь, что означает «поблизости». Ну что же, вопрос правильный. Я намереваюсь поделить свое время поровну между Пекином и Перу, неделю там, неделю здесь. Оба места необычайно интересны. В Пекине полно лисиц, в Перу — лилий *¹). Жители Пекина питаются исключительно лисьими хвостами (с сливочным маслом, как тебе, должно быть, известно), а жители Перу очень любят втыкать лилии в волосы. Это очень интересно, хотя, возможно, тебе трудно в это поверить (если трудно, то, пожалуйста, не верь).

Где ты будешь летом? В стране лисиц или в стране лилий? Я не смогу ни спать, ни есть, пока не узнаю, где именно, поэтому надеюсь, что ты ответишь мне поскорее.

Самые лучшие пожелания всем родственникам, какие только у тебя могут быть.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Изабел Станден

Честнатс, Гилдфорд
22 августа 1869 г.

Дорогая Изабел!

Хотя наше знакомство длилось только пятнадцать минут, во всем Рединге нет человека, которого я знал бы дольше. Думаю, ты не очень рассердишься на меня за то, что я беспокою тебя по пустякам. Прежде чем встретить тебя в Гарденз, я купил кое-какие старые книги в одной лавочке в Рединге и оставил их там, чтобы потом зайти за ними, но сделать это так и не успел. Не помню, как называлась эта лавочка, но могу сказать, где она находится. Если ты узнаешь фамилию женщины,

*¹) Намек на клички собак, живших в семействе Арглз (Фокс и Лили). «Фокс» — по-английски «лисица». — *Примеч. пер.*

которая держит эту лавочку, и впишешь ее в бланк, который я прилагаю к этой записке, и отправишь ей по почте, я буду очень признателен...

Один мой друг (его зовут мистер Льюис Кэрролл) сообщил мне, что намеревается послать тебе книжку. Это *очень близкий* мой друг. Я знаю его всю свою жизнь (мы одного с ним возраста) и *никогда* с ним не разлучался. Разумеется, он был со мной и в Гарденс, не отходил от меня ни на ярд, даже когда я рисовал для тебя головоломки. Хотел бы я знать, заметила ли ты его?

Твой пятнадцатиминутный друг Ч. Л. Доджсон

P. S. Удалось ли тебе начертить три квадрата? *)

Эдит Арглз

Честнатс, Гилдфорд
7 сентября 1869 г.

Дорогая Эдит!

«Лучше послать короткую записочку вечерней почтой, чем письмо на трех страницах утренней». (Это любимое изречение Конфуция. По правде говоря, он редко говорил что-нибудь еще.) Долго ли ты проведешь в Баббакомве? Я нахожусь в самом разгаре приготовлений к фотографированию, но, быть может, мне все же удастся выкроить несколько дней перед Оксфордом (куда я возвращаюсь около 5 октября). Очень сильное искушение!

Привет Долли и наилучшие пожелания всем.

Любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Джорджине Уотсон

Честнатс, Гилдфорд

Дорогая Ина!

Хотя я не делаю подарков *ко дню рождения*, ничто не мешает мне написать ко дню рождения письмо. Я подошел было к твоей двери, чтобы поздравить тебя с днем рождения, как мне повстречалась кошка. Она приняла меня за мышку и стала гонять меня то вверх, то вниз, так что под конец я едва мог держаться на ногах. Но *каким-то* образом мне удалось проникнуть в дом, где мне повстречалась мышка. Она приняла меня за кошку и начала швырять мне в голову утюги, посуду и бутылки. Разумеется, я снова выбежал на улицу, где мне повстречалась лошадь. Она приняла меня за тележку, и протащила меня до Гилдхолла, но самое ужасное случилось, когда мне повстречалась тележка, которая приняла меня за лошадь. Меня впрягли в тележку, и мне пришлось везти ее мили и мили — до самого Мерроу. Поэтому, как ты понимаешь, я никак не мог попасть в ту комнату, где была ты.

Мне было приятно услышать, что по случаю своего дня рождения ты прилежно учила таблицу умножения.

*) Одна из любимых головоломок Льюиса Кэрролла: требуется начертить три сцепленных квадрата, не отрывая пера от бумаги и не проходя ни одну линию дважды.— *Примеч. пер.*

Я все же успел заглянуть на кухню и увидел, что праздничное угощение готовится на славу! Полное блюдо корок, костей, пилкуль, катушек из-под ниток, ревеня и магнезии! «Уж теперь-то,— подумал я,— она будет счастлива!» И с довольной улыбкой я пошел дальше по своим делам.

Твой преданный друг Ч. Л. Д.

Агнес Арглз

Честнатс, Гилдфорд
3 января [1870 г.]

Дорогая Долли!

... Относительно того, чтобы я остался до вторника, должен заметить: еще никому не удавалось поддерживать мое настроение на должном уровне более трех дней подряд, и весьма возможно, что в понедельник утром оно будет прескверным и ты будешь только рада избавиться от меня, а я... Стану ли я думать о какой-то там девятилетней девочке? Одной девочки в доме мне вполне достаточно, и не обязательно, чтобы ей было ровно девять лет или чтобы она была очень маленькой. Но что действительно важно (и уж об этом я позабочусь непременно), так это то, чтобы ее имя *непременно* начиналось на Д.

Ты говоришь: «Надеюсь, что Вы скоро увидите меня». Это зависит от тебя самой: если, когда я приеду, ты будешь все время смотреть в другую сторону и ни разу не повернешь головы, то, вероятно, пройдет немало времени прежде, чем ты увидишь

твоего преданного Ч. Л. Доджсона

Лейчестер
18 января 1870 г.

Дорогая Эдит!

Обратила ли ты внимание на того джентльмена со странной внешностью, который сидел в одном купе со мной, когда я уезжал из Донкастера? Я имею в виду джентльмена вот с таким

носом (как называются такие носы, я не знаю) и вот такими

глазами. Он все время

косил одним глазом в окно, когда я высовывался, чтобы прошептать тебе в ушко: «До свидания» (кстати, я забыл, где именно расположено твое ушко, но помню, что нашел его где-то над подбородком), и, как только поезд тронулся, джентльмен сказал мне:

— Кажется, о.о.о.

Разумеется, я сразу понял, что это означает: «Она очень огорчена», и ответил:

— Еще бы! Ведь я сказал, что собираюсь как-нибудь приехать сюда еще раз.

Джентльмен от радости принялся потирать руки (и потирал их примерно полчаса), улыбаться от уха до уха (я имею в виду не от *одного* уха

до другого, а одного уха вокруг всей головы до того же самого уха) и, наконец, сказал:

— С.с.с.с.

Сначала я подумал, что он просто шипит, как змея, и не обратил на это никакого внимания, но потом мне пришло в голову, что джентльмен хотел сказать:

— Смиритесь, сударь, стоит ли стенать?

Поэтому я улыбнулся и ответил:

— С.с.с. (что, разумеется, означало: «Совершенно справедливо, сэръ!»)

Но джентльмен меня не понял и заявил весьма сердитым тоном:

— Не шипите на меня! Вы что: кошка или паровой котел? С.с.

Я понял, что последнее означало: «Смолкните совсем», и ответил джентльмену:

— С.

Ты, конечно, сразу догадалась, что это означает: «Слушаюсь», но джентльмен ответил очень странно:

— У вас не голова, а к. чан к. пусты.

Я не смог понять, что он хотел этим сказать, и поэтому ничего ему не ответил. Думаю, что лучше всего рассказать тебе обо всем сразу же, чтобы ты могла сообщить в полицию или предпринять любые другие меры, которые сочтешь необходимыми. Я ничуть не сомневаюсь, что моего попутчика зовут ХТАЙД ББЕДЖ (не правда ли, это очень странное имя?).

Преданный тебе *Льюис Кэрролл*

Эдит Джебб

Крайст Черч, Оксфорд
1 февраля 1870 г.

Бедная моя девочка!

Я не буду больше писать тебе таких трудных писем.

Неужели ты и в самом деле не смогла догадаться, что имел в виду джентльмен, когда сказал мне: «У вас не голова, а к. чан к. пусты»! Представь, что мы сидим с тобой за столом и я говорю тебе:

— Эдит, милая, моя чашка пуста. Налей-к. мне еще к. к. о.

Теперь ты догадалась? Нет? Тогда прочти предыдущую строчку еще раз и попытайся все-таки догадаться.

Я хочу сказать тебе еще кое-что. Пожалуйста, не думай, будто в ответ на свои письма я жду от тебя длинных писем. Мне очень нравится писать тебе, но я вовсе не хочу причинять тебе много хлопот с ответами. В следующий раз, когда ты останешься одна и тебе захочется получить от меня письмо, ты только сообщи мне об этом. А я буду очень рад получить от тебя хотя бы такое письмецо:

«Дорогой мистер Доджсон! Остаюсь любящей Вас Эдит.»

Ведь даже из такой коротенькой записочки я смогу извлечь нечто ценное, например, узнаю, что ты все еще «остаешься любящей меня» Эдит, поскольку ты вполне могла бы написать «не любящая Вас Эдит».

Когда ты в следующий раз увидишь девочку, которая сидела с тобой рядом за чаем, спроси у нее от моего имени, всегда ли она такая неприветливая. Мне очень хотелось бы это знать.

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Доджсон

P. S. Какое у тебя еще имя, кроме «Эдит»? Сообщи мне, и я составлю для тебя монограмму из всех твоих инициалов.

Агнес Хьюз

[1871 г.?)

Дорогая Агнес!

Ты просто лентяйка! Неужели ты думаешь, будто я стану делить поцелуи без твоей помощи? Ни за что на свете! Но я скажу тебе, как это сделать. Прежде всего необходимо взять *четыре* поцелуя, и... Тут мне вспоминается одна удивительная история, которая приключилась со мной вчера в половине пятого. Трое неизвестных постучали ко мне в дверь и попросили их впустить. Как ты думаешь, кого я увидел, открыв дверь?

Ни за что не догадаешься! Трех кошек! Разве не удивительная история? Кошки были драные, взъерошенные. Я схватил первое, что попало под руку (а попалась мне скалка), изо всех сил трахнул по кошкам и расплющил их в лепешку! Так им и надо!

«Если *вы* вздумаете стучать в мою дверь,— сказал я кошкам,— я буду колотить вас по голове». Мне кажется, я поступил с ними честно. А как ты думаешь?

Любящий тебя Льюис Кэрролл

Агнес Хьюз

[1871 г.?)

Дорогая Агнес!

Продолжу свой рассказ о кошках. Кошки стали плоскими-плоскими, как засушенные цветы, но я не оставил их лежать на земле. Нет! Я поднял их и вообще старался вести себя с ними как можно более предупредительно. Вместо спальни я предложил им портфель. В обычной кровати им было бы неудобно: ведь они стали такими тонкими. Но между листами промакательной бумаги кошки чувствовали себя наверху блаженства. Вместо подушки я предложил каждой кошке перочистку. Устроив своих гостей, я отправился спать, но сначала дал им три колокольчика, чтобы они могли позвонить, если им ночью что-нибудь понадобится.

Как ты знаешь, у меня есть три колокольчика. В первый (самый большой) звонят, когда обед *почти* готов, во второй (который еще больше первого) звонят, когда обед *совсем* готов, а в третий (который превосходит первый и второй вместе взятые) звонят все время, пока я обедаю. Я объяснил кошкам, что как только им что-нибудь понадобится, следует позвонить в колокольчик, и они звонили во все колокольчики всю ночь напролет. Я подумал, что, может быть, им что-нибудь понадобится, но мне очень хотелось спать и я не стал вставать.

Утром я подал кошкам студень из крысиных хвостиков и мышку с маслом, но они остались очень недовольны моим угощением. Им непременно хотелось отведать вареного пеликана, но я знал, что это блюдо для них вредно. Поэтому я сказал им:

— Отправляйтесь-ка вы на Финборо роуд, дом 2 и спросите там Агнес Хьюз. Если вам действительно можно попробовать вареного пеликана, то она угостит вас.

Затем я пожал всем кошкам лапки, пожелал им доброго пути и вывел их через трубу на крышу. Расставаться со мной им очень не хотелось, и они прихватили с собой колокольчики и портфель. Во всяком случае я не нашел ни портфеля, ни колокольчиков после того, как кошки ушли, и тоже очень опечалился. Мне так хочется, чтобы они вернулись. «Они» — кошки или «они» — портфель и колокольчики? Неважно!

Как поживают Артур, Эми и Эмили? По-прежнему ли они гуляют по Финборо роуд и учат кошек хорошо обращаться с мышками? Я *очень* люблю всех кошек на Финборо роуд.

Передай им привет от меня.

Кому «им»?

Неважно.

Любящий тебя друг *Льюис Керролл*

Эми Хьюз

[1871 г.?)

Дорогая Эми!

Интересно, удалось ли тебе справиться с головоломками из «Страны Чудес»? Если ты (как тебе кажется) решила любую из них, то пришли мне свое решение. Если оно окажется неверным, я ни за что не скажу, что оно правильно!

Ты спрашиваешь, что было дальше с теми тремя кошками. Премилые это создания, вот что я тебе скажу! Знаешь ли ты, что с тех пор, как они впервые пришли, они *ни на миг* меня не покидают. Разве это не любезно с их стороны? Расскажи об этом Агнес. Ей будет очень интересно услышать. А какие они заботливые и внимательные! Знаешь, когда я отправился погулять, кошки вытащили из шкафа все мои книги и разложили их на полу, чтобы мне удобно было читать. Все книжки они открыли на пятидесятой странице, ибо считали, что начинать лучше всего именно с нее. Жаль только, что кошки нашли бутылочку с клеем и попытались приклеить картинки к потолку (им казалось, что это должно мне понравиться). Случайно капельки клея попали на книги, страницы склеились, и я уже никогда не смогу прочитать, что написано на пятидесятой странице ни в одной из них!

Но поскольку кошки хотели сделать мне приятное, я, разумеется, на них ничуть не рассердился. Более того, в награду я дал каждой кошке по ложке чернил. Правда, чернила кошкам пришлось не по вкусу, и они вместо того, чтобы поблагодарить меня, стали строить ужасные гримасы, но поскольку это были не просто чернила, а награда, кошкам все же пришлось выпить по полной ложке чернил. Одна из них стала совсем черной, хотя сначала была совсем белой.

Передай от меня привет всем детям, с которыми ты встретишься. Посылаю два с половиной поцелуя. Раздели их с Агнес, Эмили и Годфри, только честно.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Мэри Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
6 февраля 1873 г.

Дорогая Мэри!

Большое спасибо за твое письмо. Мои сестры Маргарет и Генриетта (та высокая девушка, которая была с нами на представлении «Синей бороды») и моя тетушка мисс Лютвидж находятся теперь на Веллингтон сквер, 2. Я сообщил им твой адрес и надеюсь, что они тебя навещают. Если хочешь, можешь пригласить Генриетту (другие не особенно любят театр) сходить с тобой на «Альфреда». Интересно, понравится ли ей спектакль? Но я ей ничего об этом не говорил, поэтому, если ты предпочтешь пойти в театр строго привратным образом, то не приглашать Генриетту тебе будет совсем нетрудно.

Может быть, тебе приходилось слышать о мисс Генриетте Лютвидж, которая долгие годы жила в доме на Веллингтон сквер, 2, занималась там благотворительностью и т. д. В прошлом году она умерла и завещала свой дом моей тетушке мисс Люси Лютвидж, которая живет с нами с самого нашего рождения.

Передай мой привет и наилучшие пожелания Лили по случаю её дня Рождения. Что и говорить, 21 год — возраст *весьма* юный. Подумать только, что в прошлом году я был вдвое, а *еще раньше* втрое старше Лили! Когда именно я был втрое старше Лили, попытайся решить сама. Для тех кто любит такие вещи — это прекрасная арифметическая задача!

Привет всем

неизменно любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Элен Фейлден

Крайст Черч, Оксфорд
15 марта 1873 г.

Дорогая Элен!

Твоя мама нарисовала такую горестную картину жизни, которую ты одиноко влачишь в Торки (если твоя жизнь действительно одинока: насколько я помню, твоя мама не употребляла этого слова, но мне показалось, что ты чувствуешь себя одинокой), и заметила, что ты любишь получать письма. Поэтому я решил скрасить хотя бы *самую малость* твое безрадостное существование (как ты, должно быть, знаешь, твоя мама ничего не говорила о «безрадостном существовании», но, как мне кажется, могла иметь в виду нечто вроде этого) и сказал, что мог бы написать тебе письмо. Подобное заявление — большая самонадеянность с моей стороны, так как я за всю свою жизнь *не смог написать* ни одного письма (все мои письма неизменно заканчивались в конце первой

страницы), но ведь *пытаться* никому не возбраняется. Это моя первая попытка и, боюсь, что она закончится неудачей, ибо писать мне особенно не о чем. Боюсь, что об Оксфорде тебе известно не так уж много, поэтому узнать о том, что здесь происходит, тебе будет не очень интересно, и хорошо, что не интересно, потому что в Оксфорде *никогда* ничего не происходит (по крайней мере мне так кажется!). Никогда и нигде еще не было лучшего места для того, что никогда не происходит. С другой стороны, мне не так уж много известно о Торки, хотя я хотел бы немного узнать о том, как ты там поживаешь. Если у тебя будет время, напиши мне, что за жизнь в Торки. Года два назад мне довелось побывать недалеко от Торки — в Баббакоуме или в Мэри Черч. Не уверен, как именно называлось то место, где я жил, может быть, и Баббакоум, и Мэри Черч одно и то же место, во всяком случае я жил в доме мистера Арглза на берегу красивейшей бухты, которую ты когда-либо видела, с крутыми скалистыми берегами. Не случалось ли тебе бывать там? Иногда мы отправлялись на прогулку в Торки. Думаю, это было не дальше, чем в двух милях от того места, где ты живешь сейчас. Вполне возможно, что я буду там снова в следующем году — в июле или в августе, но вряд ли застану там тебя. Впрочем, я уклонился далеко в сторону от главного. Я очень рад, что тебе понравился томик «Фантазмагории» *). Я пишу это для того, чтобы спросить тебя, читала ли ты мою небольшую сказку об эльфах «Месть Бруно», которая несколько лет назад была опубликована в «Журнале тетушки Джуди». Если не читала и хотела бы познакомиться с этой историей (хотя она написана для самых маленьких), я дам тебе почитать ее. Боюсь, что у меня не осталось ни одного экземпляра, который я мог бы тебе подарить.

Обычно я редко вспоминаю об эльфах, и это единственный раз, когда я попытался написать о них. Получилось, что они очень похожи на детей.

Не знаю, любишь ли ты головоломки. Если любишь, то попробуй решить следующую. У некоего джентльмена (аристократа, чтобы было интереснее) в гостиной было только одно окно — квадратное окно высотой в 3 фута и шириной в 3 фута. У джентльмена очень болели глаза, а окно пропускало слишком много света, поэтому (как тебе нравится «поэтому» в нашей истории?) он послал за строителем и попросил того переделать окно так, чтобы оно пропускало вдвое меньше света. Но при этом джентльмену непременно хотелось, чтобы окно оставалось квадратным и имело 3 фута в высоту и 3 фута в ширину. Как удалось строителю удовлетворить требования заказчика? Использовать занавеси, жалюзи, цветные стекла и тому подобные ухищрения он не мог**).

Не могу не поведать тебе ужасную историю о том, как я однажды пытался задать головоломку одной маленькой девочке. Дело было за обедом. Подали десерт. Девочку я видел в первый раз, но, так как она сидела рядом со мной, я опрометчиво предложил ей головоломку (ду-

*) Сборник стихов Льюиса Кэрролла.— *Примеч. пер.*

**) Новое окно имело форму квадрата с вершинами в серединах сторон старого окна.— *Примеч. пер.*

маю, ты ее знаешь) о «лисе, гусе и мешке с зерном» *). Лису, гуся и мешок я попробовал изобразить с помощью печений. Мама девочки, сидевшая по другую сторону от нее, сказала:

— Поломай-ка свою головку, дорогая, и ты сможешь решить ее правильно!

Последствия этого замечания были просто ужасные.

Девочка закричала от ужаса:

— Я не хочу ничего ломать! Мама! Мама!

И уткнувшись маме в колени, разрыдалась, да так, что ее несколько минут нельзя было успокоить!

Это был урок мне, чтобы я не приставал к детям с головоломками. Надеюсь, что головоломка с квадратным окном не произведет на тебя столь ужасное действие!

Твой преданный друг Ч. Л. Доджсон

Мэри Крофте

Гастингс, Веллингтон сквер, 2
12 апреля 1873 г.

Дорогая Мэри!

Пожалуйста, поблагодари того, кто послал мне мои ботинки и ручку, о которой я забыл попросить в телеграмме. А теперь я хочу объяснить тебе, как случилось, что я забыл свои ботинки. Видишь ли, когда настало время собираться в дорогу, мне на помощь пришла Этель. Она очень хорошая помощница (хотя, должен сказать, что она помогает особенно хорошо, когда не делает ничего, ибо стоит лишь ей сделать что-нибудь, как оказывается, что она делает не то). Я был очень признателен ей за помощь, хотя потерял на это время терпение и забыл ботинки. Прежде всего, когда в комнате находится еще один человек, это приводит к путанице и неразберихе. Например, я сказал:

— Дорогая! Мне необходимо побриться перед дорогой; борода у меня выросла почти до пола!

С этими словами я развел этак с галлон или около того мыльной пены и достал две-три бритвы, но так как в это время мы носились по комнате, спешно пытаясь упаковать вещи, я вместо того, чтобы побриться самому, побрил Этель (как это случилось, не пойму!). Думаю, ты заметила, какой гладкий был у нее подбородок, когда она вышла к обеду? Но это еще не самое худшее. Самое худшее еще впереди, оно-то и объясняет почему я забыл ботинки. Я сказал:

— Этель! Теперь нельзя терять ни минутки! Должны же мы упаковать все вещи! Запомни: все *большие* вещи нужно складывать в чемодан, все *маленькие* — в саквояж. За работу!

И мы принялись метаться по комнате, как сумасшедшие. Первой вещью, которую Этель попыталась уложить в чемодан, была кровать. Это была естественная ошибка, но я сказал Этель, что кровать нужно извлечь из чемодана, так как кроватей там, куда я еду, вполне достаточно, и, кроме того, эта кровать не моя. Затем как-то само собой полу-

*) См. письмо Льюиса Кэрролла к Джесси Синклер на с. 124.

чилось, что, пока мы носились по комнате, Этель подвернулась мне под руку, и я затолкал ее вместе с другими мелкими вещами в саквояж, а она в это время (решив, что я достаточно велик ростом, и не замечив в спешке, что я живой) засунула меня в чемодан. Это было очень некстати, потому что выбрались мы не скоро, и я совсем забыл про ботинки. Теперь ты понимаешь, как все было.

Остаюсь до конца своих дней
твоим преданным другом
Ч. Л. Доджсон

Александр Китчин

Крайст Черч, Оксфорд
21 августа 1873 г.

Дорогая Экси!

Бедные, бедные Хью и Брук! Ты забыла, что у тебя *три* брата? Почему *они* не могут выбрать фотографии? Как ты помнишь, я говорил о *детях*. Может быть, ты считаешь, что Хью и Брук не дети и что *дети* только ты и Херберт, а Хью и Брук маленькие старички? Может быть, так оно и есть, и тогда фотографии их особенно не интересуют, но, *должен* сказать, что *выглядят* они очень молодо.

На следующий день после твоего отъезда я проходил мимо вашего сада и увидел маленького мопса, который там бегал. Заметив меня, мопс повернул ко мне свой нос. Я подошел к нему и сказал:

— Очень некрасиво поворачивать свой нос на людей!

Глаза его наполнились слезами, и мопс ответил:

— Я вовсе не поворачивал нос на вас, сэр! Я просто пытался изо всех сил сдержаться, чтобы не заплакать!

— А о чем ты плачешь, мопсик? — спросил я.

Бедный песик вытер глаза лапами и сказал:

— Потому что моя Эк...

— Потому что твоя экстравагантность довела тебя до разорения? — спросил я. — Пусть это послужит тебе уроком. Не будь экстравагантным. В год тебе следует тратить не более чем полпенни.

— Совсем не потому, — возразил песик. — Я плачу потому, что моя Эк...

— Потому, что твоя экстраординарно хорошая хозяйка миссис Китчин уехала? — перебил я его.

— *Да нет же!* — рассердился пёс. — Дайте мне договорить! Я плачу потому, что моя Экси уехала!

— Ну и что с того, что уехала? — сказал я. — Ведь Экси девочка, а не косточка!

— Экси не косточка! — согласился мопс.

— Скажи мне по правде, — стал допытываться я, — что тебе нравится больше, Экси или косточка?

Пёсик подумал с минуту и сказал:

— Видите ли, она, конечно, достигла больших успехов в французском языке, но косточка все же вкуснее!

Сообщи мне, какие фотографии выбрали себе Хью и Брук. Передай им и Херберту мой привет и отрежь от него узенькую полоску для себя.

Очень любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Крайст Черч, Оксфорд
1 сентября 1873 г.

Дорогая Мод!

Как правильно пишется твой адрес: Виктория плейс или Виктория сквер? В твоём письме значится «плейс». Я провел сегодня полтора часа в Рединге, с половины первого до двух, безуспешно пытаюсь разыскать тебя. Неудача посетила меня в основном по моей вине, так как я забыл номер твоего дома и не захватил с собой письмо. Сначала я отправился на Виктория Плейс, но дома там оказались такими маленькими, что ты вряд ли смогла втиснуться в какой-нибудь из них. Мне почему-то показалось, что на конверте значилось «дом номер 3», и я попытался справиться о тебе там, но мне ответили: «Такая здесь не проживает».

Затем я попытался найти тебя на Виктория сквер, но дома там начинались с номера 8, и поэтому номера 3 среди них не было. Тогда мне пришло в голову, что ты вполне могла бы оказаться в номере 11 и я позвонил у дверей этого дома, но опять тщетно, хотя служанка, открывшая дверь, мне обрадовалась, что очень странно, ибо я никак не мог быть тем лицом, которое она ожидала увидеть. Я не рискнул звонить подряд во все дома, иначе за мной вскоре гналась бы толпа разгневанных служанок, а это гораздо опаснее, чем рой ос. Поэтому я принялся медленно прогуливаться туда и обратно по противоположной стороне улицы в надежде, что кто-нибудь увидит меня из окон, но так как никто не выглянул, я повернул обратно, печально, но скрепя сердце я отправился на вокзал.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

P. S. Есть ли у мисс Брюер фотография «кабинетных» или «визитных» размеров Элен в ночной сорочке? Передай привет от меня всем приветливым животным, которые, возможно, живут у тебя дома.

Беатрис Хэтч

Крайст Черч, Оксфорд
13 ноября 1873 г.

Моя дорогая Берди!

Я встретил ее у ворот Том Гейт. Она шла, держась неестественно прямо и не сгибая ног в коленях. Мне показалось, что она пыталась найти, где я живу. Поэтому я спросил:

— Почему ты пришла сюда одна, без Берди?

— Берди уехала! И Эмили уехала! А Мабель плохо со мной обращается! — пожаловалась она, и две восковые слезинки скатились по ее щекам.

Ах, какой же я глупый! Я же забыл тебе сказать, кто это был! Это была твоя новая кукла. Я очень обрадовался ей, пригласил ее к себе в комнату, угостил ее спичками и чашечкой расплавленного воска, так как бедняжка после долгой дороги была *очень* голодна и просто умирала от жажды.

— Садись поближе к камину! — пригласил я ее. — Устраивайся поудобнее, и мы побеседуем.

— Ах, нет! — возразила она. — Мне *не следует* этого делать! Я так легко плавлюсь!

И она попросила меня усадить ее в противоположном конце комнаты, где было очень холодно. Там она устроилась у меня на коленях и принялась обмахиваться перочисткой, как веером, так как боялась, что кончик носа у нее начал плавиться.

— Вы даже не представляете, какими осторожными приходится быть нам, куклам, — сказала она. — У меня была сестра, так можете ли вы поверить, однажды она подошла к огню, чтобы погреть руки, и одна рука у нее отвалилась! Так, право, и отвалилась!

— Разумеется, *право*, — заметил я, — ведь это была *правая* рука.

— А откуда вы знаете, что у нее осталась *левая* рука, мистер Кэрролл? — поинтересовалась кукла.

— Очень просто, — пояснил я. — Когда восковая кукла подходит к огню, она совсем не права, а как может быть у куклы, которая совсем не права, хоть что-нибудь правое?

— Мне вовсе не смешно, — обиделась кукла. — Это очень грубая шутка. Даже обыкновенные деревянные куклы и те шутят лучше. Кроме того, мне сделали такой рот, что я просто не могу разжать губы и засмеяться, даже если бы очень захотела!

— Не печалься об этом, — успокоил ее я, — а лучше скажи мне вот что. Я собираюсь послать Берди и остальным детям по фотографии, какую себе выберет каждый из них. Как ты думаешь, какую фотографию выберет Берди?

— Не знаю, — ответила кукла. — По-моему, вам лучше спросить об этом у нее самой.

Я взял куклу в Хэнсом Кэб. Как ты думаешь, какая фотография тебе понравится? Артур в костюме купидона? Или та, где Артур и Уилфрид сняты вместе? Или та, на которой изображены ты и Этель в костюмах маленьких оборвышей? Или фотография, где Этель стоит на ящике? Или фотография, на которой ты снята в одиночестве?

Любящий тебя *Льюис Кэрролл*

Гейнор Симпсон

[Честнатс, Гилдфорд]
27 декабря 1873 г.

Дорогая Гейнор!

Мою фамилию следует писать с буквой «g» в середине, т. е. Dodgson. Всякий, кто пишет ее так же, как фамилию этого несчастного (я имею в виду Председателя Комитетов при Палате общин *)), оскорбляет меня *глубоко и навсегда!* Подобную небрежность я могу простить, но *никогда не смогу забыть*. Если же ты неправильно напишешь мою фамилию еще раз, я буду звать тебя «...ейнор». Смогла бы ты быть счастливой, имея такое имя?

* В то время этот пост занимал Дж. Дж. Додсон (Dodgson). — *Примеч. пер.*

Что же касается танцев, то я, милая девочка, *никогда* не танцую, если мне не дают возможности делать это *на свой особенный манер*. Бесполезно пытаться описывать, как я танцую, словами — это надо видеть. В доме, где я пытался танцевать в последний раз, провалился пол. Правда, он был довольно шатким: балки имели в толщину всего лишь каких-нибудь шесть дюймов*) (такие тоненькие палочки вряд ли можно назвать балками). Нет, если уж танцевать *на мой манер*, то каменные своды гораздо надежнее. Случалось ли тебе когда-нибудь видеть, как в зоопарке носорог и гиппопотам пытаются вместе танцевать менуэт? Очень трогательное зрелище!

Передай любое письмо от меня Эми, которое, по-твоему, ее больше всего удивит.

Преданный тебе друг *Льюис Кэрролл*

Джулии и Этель Арнольд

[Крайст Черч, Оксфорд]
[3 марта? 1874 г.]

Какие вы нехорошие девочки!

Во всей истории, даже если мы обратимся к временам Нерона и Гелиогабала, вряд ли найдется еще один пример детей, которые были бы такими бессердечными и так же забывали возвращать взятые книжки. В этом я совершенно уверен, потому что ни Нерон, ни Гелиогабал никогда не брали в руки ни одной книжки. В этом я также совершенно уверен, ибо в те дни книжек еще не печатали.

Преданный вам *Ч. Л. Д.*

Эдит Джебб

Крайст Черч, Оксфорд
20 апреля 1875 г.

Дорогая Эдит!

Как отвратительно ты ведешь себя! Сказать, что твое поведение ложится несмываемым позором на все человечество, значит не сказать ничего! Сказать, что всякого, виновного в столь отвратительном поведении, следовало бы сослать на самые дальние окраины цивилизованного мира (например в Уимблдон) или заключить в тюрьму, сумасшедший дом или, что гораздо хуже, отправить *в школу для девочек*, означало бы назначить вполне заслуженную меру наказания!

— Что все это значит? — спросишь ты. — Что я такого *сделала*?

Ничего. В этом-то я как раз тебя и обвиняю. Твоя вина не в том, что ты *что-то сделала*, а в том, что ты *ничего не сделала*. Чтобы найти подходящее сравнение для столь бесчеловечного поведения, нам пришлось бы вернуться ко временам Нерона! Именно тогда, когда ты должна была побеспокоиться и разузнать, как ты обещала, полное имя Луи Эллиот, чтобы я мог послать ей «Алису», а Генри «Зазеркалье», ты по своей лени предпочитаешь вести жизнь жабы или боа-констриктора, не делая решительно *ничего*!

*) Единица длины, равная 1/12 фута. — *Примеч. пер.*

Могу я спросить у тебя, для чего, по-твоему, нужны маленькие девочки? Что толку от них, если они не выполняют своих обещаний и не стараются быть полезными? Гораздо лучше в таком случае обзавестись действительно полезными каминными решетками или телескопами.

Спроси у мамы, не согласится ли она дать мне на время свою книгу «Блюда на завтрак». Я попытался достать эту книгу, но она уже разошлась. А мне так хочется заказывать «блюда» на завтрак со знанием дела!

Полулюбящий тебя Льюис Кэрролл

Эдит Джебб

Крайст Черч, Оксфорд
17 мая 1875 г.

Уважаемая мисс Эдит Джебб!

Испросив у Ваших высокочтимых родителей разрешение направить Вам несколько строк в ту знаменательную пору, когда Вы совершенствуете свои знания в Уимблдоне, я берусь за перо в надежде, что Ваша достойнейшая наставница, прочитав мое письмо, не найдет в нем ничего предосудительного, что могло бы помешать Вам ознакомиться с его содержанием. Я глубоко убежден, что с моего пера не сорвется, пусть даже случайно, ни одного замечания, способного хоть на миг возмутить плавное течение тех глубоких мыслей, которые Ваша превосходнейшая наставница, несомненно, стремится пробудить в Вас. Тернист путь учения, и одоление его — мұка (но не мукá, ибо последнее слово имеет несколько *иное* значение), но я надеюсь, что для Вас он будет усыпан розами. Как приятно бродить, построившись парами, по тенистым улочкам Уимблдона и шептать про себя: «Береги честь смолоду», «Под лежащий камень вода не течет». Не сомневаюсь, что Ваша наставница, наделенная всеми мыслимыми добродетелями, услышав, сколь похвальное направление приняли Ваши мысли, не преминет поставить Вам высший балл, а бал, как я должен заметить, представляет собой зрелище, которого юная девушка, пользующаяся подобно Вам, уважаемая мисс Джебб, всеми благами просвещения, всячески должна избегать. Зрелище это весьма легкомысленно и непристойно, и я не буду задерживать Ваше внимание на его отвратительных подробностях. Зато сколь приятно, сидя с одной из соучениц под раскидистым («тенистым») дубом, нашептывать друг другу немецкие глаголы неправильного спряжения! Даже чтение французского словаря от конца к началу может стать Вашим любимым занятием, коль скоро Вам выпало редкое счастье ощущать на себе неусыпное внимание мудрой наставницы! Приношу Вам свои извинения за слово, неожиданно сорвавшееся с моего пера и встречающееся лишь в романах, романсах, книгах, читаемых легкомысленными девушками, но никогда — в этом я абсолютно уверен! — не произносимое в стенах, где Вы имеете счастье находиться под бдительным оком

несравненной леди, воплощающей в себе Вашего «наставника, философа и друга» *)!

Остаюсь, уважаемая мисс Эдит, преданный вам

Льюис Кэрролл

P. S. Не откажите в любезности передать мой почтительный привет Вашим родителям, когда Вы возымеете желание написать им письмо.

Гертруде Чатауэй

Крайст Черч, Оксфорд
13 октября 1875 г.

Дорогая Гертруда!

Я никогда не делаю подарков ко дню рождения, но, как ты видишь, иногда пишу письма ко дню рождения. Поэтому, как только я прибыл сюда, я сразу же принялся писать это письмо, чтобы пожелать тебе всего самого доброго по случаю завтрашнего дня рождения. Если я только не забуду и ты не возражаешь, то я непременно выпью твое здоровье! Если бы я сидел рядом с тобой за завтраком и выпил твой чай, то это тебе вряд ли понравилось бы и ты захныкала бы:

— Мистер Доджсон выпил мой чай и мне ничего не оставил!

Поэтому я очень опасаюсь, что Сибил, когда она захочет в следующий раз узнать, чем ты занимаешься, найдет тебя сидящей у самого берега моря и безутешно рыдающей:

— Мистер Доджсон выпил мое здоровье и мне ничего не оставил!

А как удивится доктор Монд, когда за ним пошлют, чтобы он посмотрел тебя:

— Мадам! Мне очень жаль, но я должен сказать вам, что у вашей девочки здоровья совсем не осталось! В жизни не видел ничего подобного!

— О, я легко объясню вам, в чем дело, доктор! — скажет твоя мама. — Видите ли, моя дочь познакомилась с одним джентльменом из Оксфорда и он выпил вчера ее здоровье.

— Миссис Чатауэй, — ответит доктор, — единственный способ вылечить вашу дочь состоит в том, чтобы подождать до ближайшего дня рождения этого джентльмена и проследить за тем, чтобы она выпила его здоровье.

Вот тогда мы и поменяемся здоровьем. Интересно, понравится ли тебе мое здоровье? О Гертруда, как можно говорить такие глупости!

Пожалуйста, передай листочки «Ко всем ребятам, которые читают «Алису в Стране Чудес»» с приветами от меня, Вайолет и Дэлси, чтобы они могли вклеить их в конце «Алисы в Зазеркалье», а один листок пошли Алисе, когда в следующий раз надумаешь писать ей письмо.

А теперь прими мои наилучшие пожелания и подюжины поцелуев. Остаюсь любящий тебя друг

Льюис Кэрролл

*) Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа. — *Примеч. пер.*

Крайст Черч, Оксфорд
9 декабря 1875 г.

Дорогая Гертруда!

Должен тебя огорчить: если ты будешь каждый раз посылать мне по почте на один поцелуй больше, чем в предыдущем письме, у нас ничего не получится. Дело в том, что письма становятся все тяжелее и тяжелее и платить за них приходится все больше и больше. Когда почтальон принес мне последнее письмо от тебя, он выглядел очень мрачным.

— С вас причитаются два фунта стерлингов, сэръ! — сказал он. — Доплатите за *лишний* вес, сэръ!

(Мне *кажется*, что он самую малость преувеличил. Он частенько заставляет меня платить по два *фунта*, когда я считаю, что платить нужно всего один *пенс*.)

— Пожалуйста, мистер почтальон! — сказал я, изящно встав перед ним на колени. (Я очень хочу, чтобы ты как-нибудь увидела, как я преклоняю колени перед почтальоном.) — Прошу извинить меня за столь тяжелое письмо. Оно от одной маленькой девочки.

— Всего лишь от маленькой девочки? — прорычал почтальон. — Интересно, из чего сделаны маленькие девочки?

— Из сахара и пряностей, — начал было объяснять я, — и всё это пере...

— Я не это имею в виду, — перебил меня почтальон. — Я хочу сказать: что хорошего в маленьких девочках, если они посылают такие тяжелые письма?

— Согласен с вами, — печально ответил я, — хорошего в них *не так уж много*.

— Постарайтесь впредь не получать таких писем, — угрюмо посоветовал почтальон, — по крайней мере от этой девочки. Я ее *отлично* знаю. *Это очень плохая девочка*.

Вряд ли почтальон сказал правду. Я не думаю, что он видел тебя хоть раз, и ты вовсе неплохая девочка. Но я пообещал ему, что мы не станем посылать друг другу много писем.

— Всего лишь какие-нибудь две тысячи четыреста семьдесят писем. Что-нибудь вроде этого, — сказал я ему.

— Так мало? — удивился почтальон. — Это пустяки! Я хотел сказать, чтобы вы не посылали друг другу *много* писем.

Поэтому теперь мы должны будем с тобой считать наши письма и как только дойдем до двух тысяч четырехсот семидесяти, прекратим переписку, если только почтальон не разрешит нам писать дальше.

Иногда мне очень хочется снова очутиться на берегу моря в Сэндауне, а тебе?

Любящий тебя друг *Льюис Кэрролл*

P. S. Знаешь, почему поросенок, который пытается разглядеть свой хвостик, напоминает маленькую девочку на берегу моря, которая слушает сказку? Потому, что поросенок тоже говорит:

— Интересно, что там дальше?

Дорогая Магдален!

Я хочу объяснить тебе, почему я не зашел к вам вчера. Я был очень огорчен, что не сумел повидать тебя, но у меня было так много разговоров по пути. Я пытался объяснить людям на улице, что иду к тебе, но они не слушали меня. Все они утверждали, что им некогда. По-моему, это просто невежливо с их стороны. Наконец, я встретил тележку, которая, как мне показалось, предназначалась для меня, но никак не мог разобрать, что было в ней. Сначала я увидел какие-то черты. Тогда я взглянул в телескоп и увидел выражение на каком-то лице, после чего я взглянул в микроскоп и увидел чье-то лицо! Мне показалось, что оно очень похоже на мое лицо, поэтому я раздобыл большую лупу, чтобы разобраться во всем как следует, и к великой радости обнаружил, что это действительно был я. Мы пожали друг другу руки и принялись говорить о том и о сем, как вдруг подошел я и присоединился к беседе, после чего разговор пошел совсем душевный. Я спросил:

— Помните, как мы собрались все вместе в Сэндауне?

И тогда я ответил:

— Было очень весело! С нами еще была одна девочка по имени Магдален.

Тут вмешался я и сказал:

— Когда-то она мне нравилась, не так, чтобы очень, а самую малость.

Тут подошло время, и мы отправились на поезд. И кто, как ты думаешь, пришел на станцию проводить нас? Ни за что не догадаешься! Два самых близких моих друга, которые случайно оказались на вокзале и просили меня подписать за них письмо.

Преданные тебе друзья *Льюис Кэрролл* и *Ч. Л. Доджсон*

Гертруде Чатауэй

Крайст Черч, Оксфорд
21 июля 1876 г.

Дорогая Гертруда!

Объясни, что мне делать без тебя в Сэндауне. Как я могу в одиночестве разгуливать по берегу? Как я могу один сидеть на тех деревянных ступенях? Видишь, без тебя ничего у меня не выйдет, поэтому приезжай! Если придет Вайолет, я попрошу, чтобы она пригласила тебя погостить, а я загляну в Хизер-Белл и возьму тебя с собой. Если я выберусь с Сэндаун, то не смогу вернуться в тот же день, и тебе придется позаботиться о моем ночлеге где-нибудь в Суонэйдже. Если тебе не удастся раздобыть для меня ничего подходящего, то, думаю, ты уступишь мне свою комнату, а сама переночуешь на берегу моря. Ясное дело, что в первую очередь следует заботиться о гостях и лишь потом о детях. Не сомневаюсь, что в эти теплые ночи ночлег на берегу очень тебе понравится. А если тебе станет прохладно, ты сможешь спрятаться в купальной кабинке: всем известно, что спать в них *очень* удобно. Как ты знаешь, пол в купальных кабинках именно для этого делают из самого мягкого дерева. Посылаю тебе 7 поцелуев (чтобы хватило на целую неделю) и остаюсь твоим любящим другом *Льюис Кэрролл*

Крайст Черч, Оксфорд
28 октября 1876 г.

Дорогая Гертруда!

Ты, наверное, опечалишься, удивишься и, может быть, даже не поверишь, когда узнаешь, какой странной болезнью я заболел с тех пор, как ты уехала. Я послал за доктором и, когда он пришел, сказал ему: «Дайте мне какого-нибудь лекарства от усталости». Доктор возмутился: «Что за глупости! Вам не требуется никакого лекарства! Отправляйтесь-ка лучше спать!» Но я ответил: «Нет, у меня не такая усталость, при которой нужно спать. У меня усталость *на лице*». Доктор слегка нахмурился и сказал: «Вы правы. У Вас устал *нос*. Те, кто задирает нос кверху, очень любят спорить». Я не согласился с доктором: «Нет, нос у меня не устал. Может быть, волосы устали?» Доктор нахмурился еще больше и сказал: «*Теперь* мне все понятно. Вы так плохо играли на фортепиано, что волосы у Вас встали дыбом, а поскольку это нелегко, то они очень устали». «Нет,— поспешил я заверить доктора,— я не играл на фортепиано и не убежден, что у меня устали именно волосы. Скорее усталость ощущается где-то между носом и подбородком». Доктор стал совсем хмурым и спросил меня: «Не ходили ли Вы на подбородке?» «Нет»,— ответил я. «Не знаю, что и думать,— сказал доктор,— это очень серьезный случай в моей практике. Может быть у Вас устали губы?» «Ну конечно же! — закричал я.— Именно губы». Доктор сделался мрачным и сказал: «Вам не следовало раздавать столько поцелуев». «Но ведь я послал лишь один поцелуй своей знакомой — маленькой девочке»,— возразил я. «Постарайтесь припомнить поточнее. Вы уверены, что это был лишь *один* поцелуй?» Я подумал и ответил: «Может быть, их было *одиннадцать*». «Вам не следует посылать ей больше ни одного поцелуя до тех пор, пока Ваши губы не отдохнут»,— сказал доктор. «Что же мне делать? — спросил я,— ведь я должен этой девочке еще сто восемьдесят два поцелуя». Доктор так опечалился, что слезы брызнули у него из глаз, и посоветовал: «Пошлите их в коробочке». И тут я вспомнил о маленькой коробочке, которую некогда купил в Дувре и думал подарить *какой-нибудь* маленькой девочке. Я уложил все поцелуи в коробочку и отправил ее по почте. Напиши, получила ли ты их или они потерялись по дороге.

Если бы я хорошенько подумал обо всем, пока ты была здесь, я непременно отметил твой рост у притолки, там, где отмечен рост Экси и других моих маленьких друзей. Пожалуйста, сообщи мне твой рост (без туфель), и я сделаю отметку на двери хотя бы теперь.

Надеюсь, что ты отдохнула после тех восьми снимков, на которых я запечатлел тебя.

Любящий тебя друг Льюис Кэрролл

Мой дорогой Берти!

Я был бы очень рад исполнить твою просьбу и написать тебе, но мне мешает несколько обстоятельств. Думаю, когда ты узнаешь, что это за обстоятельства, ты поймешь, почему я никак не смогу написать тебе письмо.

Во-первых, у меня нет чернил. Не веришь? Ах, если бы ты видел, какие чернила были в мое время! (Во времена битвы при Ватерлоо, в которой я принимал участие простым солдатом.) Стоило лишь налить немного чернил на бумагу, как они сами писали все что нужно! А те чернила, которые стоят на моем столе, настолько глупы, что даже если ты начнешь писать слово, они все равно не сумеют его закончить!

Во-вторых, у меня нет времени. Не веришь? Ну что ж, не верь! Ах, если бы ты знал, какое время было в мое время! (Во времена битвы при Ватерлоо, в которой я командовал полком.) В сутках тогда было 25 часов, а иногда 30 или даже 40 часов!

В-третьих (и это самое важное), я очень не люблю детей. Почему, я не знаю, но в одном я уверен: я терпеть не могу детишек точно так же, как другие не терпят кресло-качалку или пудинг с изюмом! Не веришь? Я так и думал, что ты не поверишь. Ах, если бы ты видел, какие дети были в мое время! (Во времена битвы при Ватерлоо, в которой я командовал всей английской армией. Звали меня тогда дюком^{*)} Веллингтоном, но потом я подумал, что столь длинное имя — дело слишком хлопотное, и изменил его на «мистер Доджсон». Это имя я выбрал себе потому, то оно начинается с той же буквы, как и слово «дюк».) Теперь ты и сам видишь, что написать тебе я никак не могу.

Есть ли у тебя сестры? Я не помню. Если есть, то передай им привет от меня. Я очень признателен твоим дяде и тете за то, что они позволили мне оставить фотографию.

Надеюсь, ты не будешь разочарован, не получив письма от
любящего тебя друга Ч. Л. Доджсона.

Минелле Уилкокс

Истберн, Гранд Парейд, 44,
Гросвенор Хаус
14 июля 1877 г.

Дорогая Нелла!

Если бы Истберн был всего лишь в миле от Скарборо, то я бы непременно наведася к тебе утром, но до тебя так далеко! По набережной вчера бегала туда и обратно маленькая девочка, всякий раз останавливаясь возле того места, где сидел я, и, взглянув на меня, убегала. Когда она проделала это раз шесть, я улыбнулся ей, она улыбнулась

^{*)} Герцогом. — *Примеч. пер.*

мне в ответ и убежала. В следующий раз я протянул ей руку и, когда мы обменялись рукопожатием, спросил:

— Не дашь ли ты мне кусочек водоросли?

Она ответила:

— Нет! — и убежала.

В следующий раз я спросил:

— Не отрежешь ли ты мне кусочек водоросли?

Она сказала:

— Но ведь у меня же нет ножниц!

Тогда я протянул ей складные ножницы, и она очень аккуратно отрезала кусочек водоросли и отдала его мне, после чего снова умчалась. Чуть спустя она вернулась и сказала:

— Боюсь, что моей маме не понравится, если она узнает, что я дала вам кусочек водоросли!

Я вернул ей подарок и посоветовал попросить маму взять иглу и нитку и сшить оба кусочка водоросли вместе. Она засмеялась и сказала, что будет хранить их в кармане. Ну разве она не прелесть? Я рад, что ты не убегаешь от меня то и дело, пока мы разговариваем.

Понравилась ли тебе Матильда Джейн *¹) и как она все время выбегает босиком под дождь?

Передай мой привет твоей маме и твоей тете Люси: не спутай ее с моей тетей Люси, которая живет в Гилдфорде.

Твой любящий двоюродный брат Чарлз Л. Доджсон

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
10 декабря 1877 г.

Дорогая Агнес!

Наконец-то мне удалось забыть тебя. Это была очень тяжелая работа, но я взял шесть «уроков забывания» по полкроны за урок. Через три урока я забыл, как меня зовут и что мне нужно идти на следующий урок. Мой учитель сказал по этому поводу, что он доволен моими успехами.

— Я надеюсь, — добавил он, — что вы не забудете заплатить за уроки!

Я ответил, что это зависит от того, насколько хорошими будут следующие уроки. И можешь себе представить, последние из шести уроков были настолько замечательными, что я забыл *все на свете*! Я забыл, кто я такой. Я забыл, что нужно обедать, и уже, конечно, забыл заплатить своему учителю. Я дам тебе его адрес. Может быть, ты захочешь брать у него уроки, чтобы забыть меня. Он живет где-то в центре Гайд Парка и зовут его «мистер Палапор Пьятам» **). Как приятно совсем забыть Агнес и Эви, и... Я счастлив так же, как день короток! (Мне следовало бы сказать, как день *долог*, но теперь зима, а не лето.)

О дитя, дитя! Почему ты ни разу не приехала в Оксфорд сфотографироваться? Всего лишь неделю назад я приобрел первоклассный

*) Персонаж из повести Льюиса Кэрролла «Сильви и Бруно». — Примеч. пер.

**) Анаграмма выражения «Пропала память». — Примеч. пер.

фотоаппарат, но девочке лет десяти, которая позировала мне, пришлось сидеть полторы минуты, так как свет сейчас слабый. Но если кто-нибудь привезет тебя, то я сфотографирую тебя даже теперь. Я надеюсь пробыть здесь почти до Рождества. Что толку иметь взрослую сестру, если она не может сопровождать тебя в поездках по Англии? После Рождества я надеюсь побывать в Лондоне и сводить кое-кого из детей в «Пантомиму». Но прежде всего мне необходимо сводить моего друга Эвелин Дюбург в какой-нибудь театр (ее родители всегда предоставляют мне ночлег, когда мне случается бывать в городе). Она утверждает, будто умышленно «остаётся маленькой», чтобы ходить вместе со мной. Она действительно ещё не стала взрослой (ей нет ещё и 16 лет, хотя и исполнится через неделю), поэтому её несколько детские вкусы вполне простительны. После того как я исполню свой долг и свожу её в театр, я примусь за вас. Два-два с половиной ребенка меня вполне устроят.

— Как может быть полребенка? — спросишь ты.

Видишь ли, большинство детей состоят частично из рук, частично из ног. Но если какой-нибудь ребенок состоит *только* из рук или *только* из ног (из чего именно, не существенно), то о таком ребенке я говорю, что это «полребенка». Прилагаю к письму загадку, которую я придумал для тебя (ответ — слово из двух слов), а также анаграммы для твоей взрослой сестры. Мой привет Эви.

Твой любящий друг *Льюис Кэрролл*

Мэри Форшалл

Честнатс, Гилдфорд
27 декабря 1877 г.

Дорогая Мэй!

Ну кто бы мог подумать, что почти на самое Рождество доставит
Мне
Матрац и
Мадригал для
Мэй!

Надеюсь, моя милая, хватит с тебя этих М? Если нет, то скажи, и я пришлю тебе ещё несколько.

Я был очень рад получить небольшой матрац: подарки становятся более ценными, если их делают специально для тебя, и этот матрац мне очень дорог, так как он всегда будет напоминать мне о моем маленьком друге Мэй. Спасибо тебе большое за подарок.

Преданный тебе *Льюис Кэрролл*

Агнес Халл

[Брайтон]
4 января 1878 г.

Дорогая Агнес!

Предоставляю на твой выбор, когда вы втроем смогли бы отправиться со мной на дневной спектакль в «Пантомиму», так как я смогу в любой день приехать из Гилдфорда. Я мог бы приехать 8, 9, 10 или 11

января. Мне кажется, что для начала выбор достаточно велик. Выбрал день по своему усмотрению, пожалуйста, пошли своего «полномочного представителя» купить 4 билета и проследить, чтобы места были как можно ближе. В противном случае *может случиться*, что перед Джесси окажется какая-нибудь персона очень высокого роста и бедняжка Джесси все время будет плакать. Всякое удовольствие чуточку портится, если вы приезжаете в театр вчетвером и один из вас все время плачет. Я хорошо помню те дни слез на берегу, когда со всех сторон вас окружает соленая вода и вы даже не знаете, прилив это или отлив, на острове вы живете или на озере! Напиши мне, на какой день ты купишь билеты, иначе я не приеду и тебе придется идти без меня. Я охотно пробуду у вас до часа дня. Думаю, нам лучше всего воспользоваться услугами железнодорожной компании «Метрополитен».

Очень любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Джесси Синклер

Крайст Черч, Оксфорд
22 января 1878 г.

Дорогая Джесси!

Твое письмо понравилось мне больше, чем что-либо еще за последнее время. Я могу сообщить тебе также кое-что из того, что мне нравится. Если ты надумаешь когда-нибудь сделать мне подарок по случаю моего дня рождения (дни рождения у меня бывают раз в семь лет по пятым вторникам апреля), то ты будешь знать, что мне подарить. Я люблю, сказать по правде, *очень* люблю самую малость горчицы, если под нее подложен тонкий кусочек хорошего мяса. Я люблю желтый сахарный песок, если он смешан с яблочным пудингом, чтобы не было очень сладко. Но, наверное, больше всего я люблю соль, если под нее налить супа. Суп не дает соли быть слишком сухой и помогает ей раствориться. Есть и другие вещи, которые я также люблю. Взять, например, булавки — только вокруг булавок должна быть подушечка, чтобы им было тепло. Люблю я и две-три пригоршни волос, только под ними всегда должна быть головка девочки, чтобы они могли расти. Иначе стоит лишь открыть дверь, как их разнесет ветром по всей комнате и их легко будет потерять.

Передай Салли, что если она не может решить задачу о двух ворах и пяти яблоках ^{*}), то в этом нет ничего страшного. Интересно, сможет ли она решить задачу о лисе, гусе и мешке зерна? Вот эта задача. Возвращается некто с рынка. По дороге ему нужно переправиться через реку. Лодка на берегу такая маленькая, что за один раз он может взять с собой что-нибудь одно: либо лису, либо гуся, либо мешок с зерном. Лису и гуся он не может оставить на берегу, так как лиса съест гуся. Гуся нельзя оставить с мешком зерна, так как гусь станет лакомиться

^{*}) По мнению некоторых биографов Льюиса Кэрролла речь идет о следующей задаче. Первый вор, увидев яблоки, украл половину яблок и еще пол-яблока. Второй вор, придя вслед за первым, украл половину оставшихся яблок и еще пол-яблока, после чего не осталось ни одного яблока. Сколько яблок было сначала? Ответ: пять яблок. — *Примеч. пер.*

зерном. Поэтому этому «некто» не остается ничего другого, как оставить на берегу лису и мешок зерна: ведь ты никогда не видела, чтобы лиса ела зерно, и вряд ли видела, чтобы зерно ело лису. Спроси у Салли, может ли она решить эту головоломку.

Думаю, что мне удастся время от времени выбираться и навещать тебя. Если мы будем видаться с тобой, скажем, раз в два года, то я уверен, что лет через десять мы станем добрыми друзьями. А ты как думаешь? Я буду очень рад узнать об этом от тебя, если ты захочешь написать мне письмо, и от Салли, если она захочет приложить руку к писанию писем. Если приложить руку ей не удастся, пусть попробует приложить ногу. Разборчивая ногопись — вещь очень хорошая. Передай мой привет ей, Кейт и Гарри, но не забудь и себе оставить немножко.

Твой преданный друг *Льюис Кэрролл*

P. S. Передай маме мою признательность за только что доставленное письмо.

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
27 января 1878 г.

Дорогая Эдит!

Я весьма признателен тебе за твои пожелания по случаю моего дня рождения, носовые платки и альбом (очень красивый!), в котором есть место только для *одной* фотографии. Я вставил в него фотографию какой-то девочки, с которой я познакомился где-то на побережье. Помнится, это было Истберн.

Но, сказать по правде, ты не должна изливать на меня поток подарков. Ведь от них я скоро промокну до костей, простужусь, и доктор скажет мне:

— Вам следовало бы держать над головой раскрытый зонтик, коль скоро вы знаете, что приближается ваш день рождения.

Шлю тебе привет и поцелуй.

Твой любящий друг *Ч. Л. Доджсон*

Мэри Форшалл

Крайст Черч, Оксфорд
4 февраля 1878 г.

Дорогая Мэй!

Как тебя зовут: Мэри Фрэнсиз или Фрэнсиз Мэй! Когда ты гостила здесь, кто-то сказал, что тебя зовут Мэри Фрэнсиз, а теперь ты пишешь «Фрэнсиз Мэй». От неразберихи с твоими именами я просто заболел. Я бродил по колледжу, безнадежно пытаюсь найти какой-то выход, и время от времени натывался на мистера Сэмпсона^{*)}, а когда я осознал, кто передо мной, я спросил:

— Как же правильно: Мэри Фрэнсиз или Фрэнсиз Мэй?

^{*)} Мистер Сэмпсон познакомил Кэрролла с семейством Форшалл. — *Примеч. пер.*

Мистер Сэмпсон замигал и произнес сонным голосом:

— В самом деле, как?

И я снова принялся бродить по колледжу, время от времени встречая его на своем пути.

Это ты все виновата и должна непременно помочь мне разобраться. Ты и сама знаешь, что должна.

Надеюсь, что твой папа чувствует себя лучше.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Саре Синклер

Крайст Черч, Оксфорд
9 февраля 1878 г.

Дорогая Салли!

Пожалуйста, передай Джесси, что я считаю *все это* чепухой. Надеюсь, она не подарит мне подушечку для булавок: у меня и без того есть три такие подушечки! Я забыл, о чем написал ей, тогда как она помнит мое письмо наизусть. Как ты теперь видишь, произошло следующее: письмо из моего ума перешло в ее ум подобно тому, как человек переходит в новый дом. Хотел бы я знать, показался ли письму Джессин ум теплым и уютным и нравится ли ему в новом доме так же, как в старом? Мне *кажется*, что когда письмо впервые попало в Джессин ум, оно оглянулось вокруг и сказала:

— Бедное я, бедное! Никогда мне не будет покоя в этом новом уме! Как я хотело бы вернуться в старый ум! Ну зачем здесь такая огромная, громоздкая софа, на которой может разместиться дюжина людей? И на ней еще надпись: «ДОБРОТА». Я не смогу одно занять всю софу. В моем старом доме было *всего лишь одно* кресло — прекрасное мягкое кресло, в котором только и было место, что для меня, и на спинке кресла было написано «ЭГОИЗМ». Другие люди не могли беспокоить меня, так как для них не было кресел. А что за дурацкий стульчик стоит там, у самого огня, с надписью «СКРОМНОСТЬ». Видели бы вы, какой высокий стул стоял в моем старом доме! Сидя на нем, вы едва не доставали головой до потолка. И на нем, как вы догадываетесь, красовалась надпись «САМОМНЕНИЕ». Это гораздо лучшее название, чем «СКРОМНОСТЬ». А теперь посмотрим, что там в буфете. В моем старом доме в буфете стояла только *одна* большая бутылка с уксусом с надписью «ДУРНОЕ НАСТРОЕНИЕ», а этот буфет сверху донизу набит какими-то банками. Все они полны сахара, а на этикетках — надписи, да какие: «Любовь к Селли», «Любовь к Кэйт», «Любовь к Гарри»! Нет, терпеть не могу подобной чепухи! Выброшу-ка я их из окна!

Интересно, что сказала бы это письмо, попади оно в *твой* ум. И что, как ты думаешь, оно нашло бы там? Шлю Джесси, Кейти, Гарри и тебе привет и четыре поцелуя — по одному на каждого. Надеюсь, по дороге ничто не разобьется.

Любящий тебя Льюис Кэрролл

P. S. Передай Джесси мою благодарность за письмо.

Гертруде Чатауэй

Вокзал в Рединге (по дороге в Честнатс, Гилдфорд)
13 апреля 1878 г.

Дорогая Гертруда!

Поскольку мне пришлось пробыть здесь полчаса, я успел изучить путеводитель от крышки до крышки (большинство вещей я изучаю так же основательно, и поэтому по самую крышку набит всякими полезными сведениями), и знаешь, к чему я пришел? Мне кажется, что на следующей неделе в любой день я смогу приехать в Винчфилд поездом, который прибывает туда в час дня. Выехав из Винчфилда в 6.30 я смогу вернуться в Гилдфорд к обеду. Следующий вопрос: *далеко ли от Винчфилда до Ротервика?* Не вздумай обмануть меня, испорченный ребенок! Если расстояние от Винчфилда до Ротервика больше 100 миль, то я не смогу навестить тебя, и бесполезно об этом разговаривать. Если же оно меньше, то возникает еще один вопрос: *на сколько меньше?* Это очень серьезные вопросы, и, отвечая на них, ты должна быть серьезна, как судья. Перо твоё не должно улыбаться, а песок, которым ты промокаешь написанное, должен быть сух (возможно, ты возразишь: *песок* не может быть сух, так как в нем всегда есть *сок*, а вот песка в соке быть не должно, но все это шуточки, и тебе не следовало бы шутить, когда я прошу тебя быть серьезной), когда ты сядешь писать в Гилдфорд ответы на эти два вопроса. Можешь заодно сообщить мне, живешь ли ты все еще в Ротервике, у себя ли дома, получила ли ты мое письмо и все ли ты еще маленькая или уже стала взрослой, собираешься ли ты на море следующим летом и сообщить мне о чем угодно еще, что тебе известно (кроме алфавита и таблицы умножения). Шлю тебе 10000000 поцелуев.

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
17 октября 1878 г.

Нечего сказать! Из всего ужасного, что когда-либо совершила юная леди десяти лет от роду, дабы сэкономить *один пенни*, пересылка по почте *чуждой* книжки, над которой я провел столько *бессонных* часов, бандеролью, чтобы углы ее были ободраны по дороге, сама книжка неминуемо зачитана всеми почтовыми служащими (которые имеют обыкновение читать такие книжки, подсыпав предварительно угля в огонь, и оставляют на всех страницах черные отпечатки своих пальцев), а ее красивый кожаный переплет исцарапан почтовыми кошками, словом, из всего ужасного такой поступок *ужаснее всего!* Ты вряд ли заслуживаешь того, чтобы получить книжку снова, кошмарный ребенок. Разумеется, мне ясны те *истинные* побуждения, которыми ты руководствовалась. Ты думала, что если пошлешь мне книжку по почте, то я буду ждать от тебя приложенного к ней письма, а ты слишком горда, чтобы снизить до какого-то там письма! Ох, гордыня, гордыня! Как она портит ребенка, который в остальном вполне сносен! А хуже всего, когда человек гордится своим происхождением. Помимо всего прочего, я не верю, что

фамилия Халл такая древняя, как ты утверждаешь, и что Яфет взял себе фамилию Халл *) якобы потому, что он построил остов Ноева ковчега. Я вообще не уверен, что у ковчега был остов. И когда ты утверждаешь, будто жену Яфета звали Агнессой и тебя называли в ее честь, ты все просто выдумываешь. Кроме того, я сам также произошел от Яфета: поэтому тебе не следует *слишком* высоко задирать свой нос (и подбородок, и глаза, и волосы)!

Негативы высушены и покрыты лаком, и все, кроме двух самых больших с твоими снимками, отправятся в местную мастерскую, где с них сделают отпечатки. А те два, которые я хочу послать в Лондон, придется где-нибудь оставить, чтобы фотограф из Танбридж-Уэллса мог взять их и сделать с них отпечатки. Это будет небольшим приятным поручением для Эви...

Передай всем от меня привет и три... Нет, бесполезно пересылать что-нибудь по почте, все равно до тебя не дойдет, и ты *не заслуживаешь ни одного...*

Твой любящий друг *Льюис Кэрролл*

Менелле Уилкокс

Крайст Черч, Оксфорд
20 октября 1878 г.

Дорогая Нелла!

Большое спасибо тебе за кольцо для салфеток, но я никогда ничем таким не пользовался и надеюсь, что ты не станешь возражать, если я предложу тебе подарить его кому-нибудь другому. А если тебе действительно хочется сделать что-нибудь для меня, то сшей мне лучше мешочек (хотя бы квадратной формы шириной с лист писчей бумаги). Вот это будет действительно полезная вещь, и мне будет очень приятно иметь такой мешочек. Вышей на нем свои инициалы, и я всегда буду помнить, кто сделал его для меня.

А теперь я хочу рассказать тебе кое-что. Как-то раз в Истберне мне довелось увидеть... Кого бы ты думала? Ну, конечно же, ты сразу догадаешься: Снарка **)! Впрочем, это был не то чтобы Снарк, но весьма близко к тому. Я зашел к одной своей знакомой, у которой гостила маленькая девочка. Домашние звали ее Бибби. (Она приехала из Индии, и ей семь лет. Вот было бы здорово, если бы ее прислали твоей маме: я уверен, что девочка тебе очень понравилась бы!) Вдруг в комнату вошел ее братец, и я чуть было не подумал, что он учинит что-нибудь непотребное, ибо моя знакомая воскликнула:

— Буджум! Пожалуйста, ничего не трогай!

Ну разве это не великолепно увидеть, наконец, живого Буджума? Счастлив сообщить, что при виде его я не исчез бесследно, но ведь я и

*) «Халл» — по-английски означает «остов», «каркас». — *Примеч. пер.*

**) Персонаж из поэмы Льюиса Кэрролла «Снарк» — неведомое существо, за которым охотятся (весьма своеобразно!) остальные герои, в том числе Пекарь. В конце поэмы Снарк оказывается Буджумом — другим неведомым существом, при виде которого Пекарь бесследно исчезает. — *Примеч. пер.*

не Пекарь. Не знаю, как зовут на самом деле Буджума. «Снарка» зовут Клер (красивое имя, не правда ли?) — Клер Тертон.

Сейчас уже полночь, поэтому желаю тебе спокойной ночи. Мне тоже пора спать.

Шлю тебе свой привет и четырнадцать поцелуев, которых должно хватить на неделю.

Преданный тебе всегда двоюродный брат

Льюис Кэрролл

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
22 октября 1878 г.

Хотел бы я знать, откуда она знает, что от пересылки по почте с книжкой ничего не случится? Разве не ясно, что я, у которого книги перед глазами с утра до ночи, я, который часами не сводит с них взгляда, затуманенного слезами, знает об этом чуточку больше. Кроме того, есть еще кое-что, о чем я не упоминал, например, несколько жуков, раздавленных между страницами. И после всего, когда я подписываюсь «любящий тебя», ты опускаешься на одну ступень и подписываешься «преданная Вам»? Очень хорошо! Тогда я спущусь еще на одну ступеньку и подпишусь так:

Твой Льюис Кэрролл

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
16 ноября 1878 г.

Дорогая моя Агнес!

(Я написал это в 10 часов утра, а теперь уже половина третьего.) Стоило мне написать «дорогая моя Агнес», как раздался стук в дверь, ко мне в комнату вошел аристократ. Это слово тебе придется объяснить Джесси: она, несомненно, подумает, что оно означает «ори сто крат», то есть кричи сто раз, чтобы поймать, например, тележку. Но для того чтобы поймать тележку, мне вовсе не нужно кричать сто раз: если я захочу, то могу поймать тележку руками. Впрочем, зачем мне ловить тележку? Ведь если бы я поймал несколько тележек, то все равно не знал бы, что с ними делать. Поэтому аристократ означает не «кричи сто раз», а человека, имеющего титул баронета и носящего перед своей фамилией приставку «сэр»: Сэр Как-бишь-его-зовут (как ты, должно быть, догадываешься, это не его настоящее имя). Так вот: с десяти часов утра и до сих пор я только и делаю, что завтракаю и читаю лекции (поочередно).

Что касается твоей книги, то разве ты не знаешь, сколь высокой добродетелью почитается терпение? Тебе непременно следовало бы пополнить ею тот весьма скудный запас добродетелей, которым ты сейчас обладаешь. (Сейчас твой характер состоит только из двух качеств — лживости и упрямости с небольшими вкраплениями кое-где жадности.)

Книга настолько испорчена дохлыми жуками, что я не смогу выслать ее, пока она не побывает в прачечной (мне пока не удалось найти ни одной прачечной, которая взялась бы «отстирать» книжный муслин). Кроме того, я успел придумать только одну загадку:

— Что общего у Агнес с термометром?

— То, что Агнес не поднимается, когда холодно.

Мне почему-то кажется, что эта загадка тебе не понравится. Передай, пожалуйста, твоей маме, что я очень признателен ей за фотографии Э. и Дж. Что касается твоей фотографии, то сходство прямо-таки поразительное! Мне не оставалось ничего другого, как поцеловать ее — так она была похожа на оригинал. Поэтому я должен тебе не так уже много. Посылаю тебе поэтому 1 поцелуй, 2 поцелуя Эви и 3 поцелуя Джесси. Пожалуйста, раздели поцелуи честно. Сообщи мне, как зовут мальчика-инвалида и его адрес. Тогда я смогу послать ему «Пасхальное приветствие».

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Менелле Уилкоккс

Крайст Черч, Оксфорд
19 ноября 1878 г.

Дорогая Нелла!

Какой чудесный мешочек ты сшила! И как он мне пригодится, особенно, когда я соберусь куда-нибудь съездить. В него входит все, что мне хотелось бы взять с собой: люттики, живая мышка или еще что-нибудь. Большое тебе спасибо за него. Я всегда буду вспоминать о тебе, когда мне случится им пользоваться.

Любящий тебя двоюродный брат

Ч. Л. Доджсон

P. S. Передай привет от меня твоей маме.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
21 декабря 1878 г.

Милая моя Агнес!

Судя по всему к тебе вновь возвращается твое обычное расположение духа. Это очень странно и совсем не то, что следовало бы желать, особенно если принять во внимание, сколь скверно это расположение даже после того, как ты обретишь его вновь. Это одно из тех расположений духа, о которых так трудно удержаться, чтобы не сказать: «Чем быстрее его утратишь, тем лучше!»

Я написал по старой ошибке, что твое имя она произносит неправильно, так как «Агнес» рифмуется со словом «лес», а не «лис». В ответ мне было сказано:

— Ну конечно же, я произнесла имя «Агнес» неправильно! Ведь на то я и ошибка, чтобы было неправильно!

Что касается «лиса», то она посылает его мех тебе в подарок и надеется, что он пригодится тебе в холодную погоду.

Новая загадка.

— Почему Агнес знает о насекомых больше, чем многие люди?

— Потому что она далеко продвинулась в энтомологии.

Твой любящий друг *Льюис Кэрролл*

Эдит Блейкмор

Честнатс, Гилдфорд
26 декабря 1878 г.

Дорогая Эдит!

Шлю тебе свой привет, полтора поцелуя и желаю тебе хорошего сливового пудинга.

Преданный тебе *Ч. Л. Доджсон*

Агнес Халл

Честнатс, Гилдфорд
26 декабря 1878 г.

Дорогая Агнес!

Несколько дней назад я послал тебе загадку с ответом-«притворяшкой» (я называю так ответы, в которых спрятаны настоящие ответы) и думаю, что настало время послать тебе полную ее разгадку.

— Почему Агнес знает о насекомых больше, чем многие люди?

— Потому что она далеко продвинулась в энтомологии.

Разумеется, ты знаешь, что «она» — это «elle» *)? (А если не знаешь, то что толку от того, что ты берешь уроки французского языка?)

— Пусть будет по-вашему,— скажешь ты.— А почему «elle» так глубоко продвинулась в энтомологии?

Ах, Агнес, Агнес! Разве тебе так трудно произнести всю последнюю фразу вслух? Или ты не знаешь, что «л» — седьмая буква в слове «энтомология»? Она расположена в самой глубине слова, далеко от его начала — дальше просто некуда, куда же дальше?

Надеюсь, что фотографии, где ты в пляжном костюме, пришли в целости.

Твой любящий друг *Льюис Кэрролл*

Мэри Пэриш

Крайст Черч, Оксфорд
13 февраля 1879 г.

Дорогая Мэй!

Ты, должно быть, сочтешь необычайной дерзостью с моей стороны не только надоедать тебе еще одним сводом правил игры, но даже писать тебе, с которой я не настолько знаком, чтобы осмелиться даже заговорить! Но я некоторым образом давно знаком с тобой чисто зрительно. Я говорю «некоторым образом» потому, что видел тебя только с боль-

*) Французское местоимение «она» читается как «эль», то есть как буква «л», на чем и основана загадка.— *Примеч. пер.*

шого расстояния, а когда я подошел поближе, чтобы рассмотреть тебя получше, ты оказалась совсем не похожей на себя. Дело в том, что когда я смотрел на тебя издали, у меня сложилось вполне определенное представление о том, что черты твоего лица расположены во вполне определенном порядке. Естественно, я очень удивился, когда разглядел тебя поближе и увидел, что твой нос расположен ниже глаз, а рот расположен еще ниже. «Во взгляде издали есть своя прелесть», как тебе, должно быть, известно. И все же я узнавал тебя — более или менее — с первого взгляда и не раз говорил своим сестрам:

— Я очень хочу, чтобы меня познакомили с Мэй Пэриш.

На что мои сестры отвечали:

— Она такая горячка!

или:

— У нее дурной характер! — или еще что-нибудь в том же духе, чтобы я передумал.

Но от этого становилось только хуже. Дело в том, что я больше всего люблю в детях такие качества как (1) гордыню, (2) дурной характер и (3) леность и лживость (последние два качества всегда сопутствуют друг другу: они так хорошо дополняют одно другое). Именно потому я и не люблю маленьких Хэйдонов, что в них нет ни капельки этих свойств! Глупышки!

Хотелось бы мне знать, не сочтешь ли ты оскорблением, если я подпишу это письмо так:

преданный тебе *Льюис Кэрролл*

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
5 марта 1879 г.

Милая моя Агнес!

Что толку посылать тебе книжку *)? Я отказался от этой затеи. Дело в том, что я, не переставая, придумывал все новые и новые загадки, но стоило мне открыть книгу, как я тотчас же обнаруживал, что ее уже изобрели до меня и она смотрела мне прямо в лицо, большая, как жизнь, еще больше, большая, как самая большая жизнь, такая большая, что она вылезала из книжки, как только я раскрывал страницы, и отправлялась за покупками (разумеется, за свой счет). Книжка сейчас почти пуста, так много загадок убежало из нее. Все они отправились в Лондон. Ты легко узнаешь их, если вздумываешь прогуляться по лондонским улицам. Все они приняли фамилию «Смит» и занимают главным образом торговлей «чаем, кофе, перцем, курительным и нюхательным табаком, распивочно и навынос».

Шлю тебе некоторое количество самых лучших пожеланий, а также некоторое количество пожеланий, самую малость, похуже, чтобы ты могла распорядиться ими в соответствии со своими наилучшими пожеланиями. Передавай их только тем, кто меня любит.

Твой любящий друг *Ч. Л. Доджсон*

*) Кэрролл задумал подарить Агнес Халл книгу загадок «Заметки о жертвах». Замысел его остался неосуществленным. — *Примеч. пер.*

Крайст Черч, Оксфорд
6 марта 1879 г.

Дорогая Мэй!

Играешь ли ты в какие-нибудь игры? Или твой идеал жизни — «завтрак, уроки, обед, уроки, чай, уроки, сон, уроки, завтрак, уроки» и т. д.? Это просто великолепный образ жизни и жить так столь же интересно, как быть швейной машиной или кофемолкой. (Кстати сказать, это очень интересный вопрос, и ты, пожалуйста, ответь на него: чем бы ты предпочла быть — швейной машиной или кофейной мельницей?) Если ты вообще когда-нибудь играешь в игры, то, может быть, ты попробуешь и скажешь, нравится ли тебе моя новая игра «Ланрик»? Я придумал ее месяца два назад, и правила этой игры менялись почти так же часто, как у тебя меняются желания за обедом, когда ты говоришь:

— Я хочу сначала мясо, а потом пудинг! Нет, сначала пудинг, а потом мясо! Нет, мясо с пудингом! Нет, я не хочу ни мяса, ни пудинга!

Но не будем отвлекаться: если ты придумаешь какие-нибудь усовершенствования к правилам, пожалуйста, сообщи мне.

Знаешь, как легче всего покорить детей? Лучше всего корить и бранить их, не переставая. Мистер Симпсон не шлет тебе привет. Сказать по правде, я его не спрашивал. Возможно, он и не послал бы тебе привет и с его стороны это было бы очень грубо, если бы я спросил бы его, не передать ли тебе привет, а у него не оказалось бы под рукой ничего, кроме неприязни. Не думаешь ли ты, что спокойнее всего ни о чем его не спрашивать? Но не будем отвлекаться. Знаешь ли ты, откуда взят девиз к «Ланрику» *)?

Эдит Джебб

Крайст Черч, Оксфорд
5 июня 1879 г.

Дорогая Эдит!

Долгое время — возможно, годы, по всей вероятности, месяцы и уж заведомо недели — я пребывал в полном неведении относительно того, как связаться с вашим семейством. «Фэрбек Холл» — вот все, что мне было известно. Я был уверен, что это где-то в Англии, но сомневался, смогу ли по этому адресу разыскать тебя? Наконец, одна из тех счастливых мыслей, которые приходят в голову гениям вроде меня, не чаще одного-двух раз в столетие, снизошла на меня: «Напишу-ка я по их старому адресу. Ведь новый ректор знает, где они сейчас». Так я и сделал. Новый ректор действительно знает, где вы сейчас. Более того, он сообщил об этом мне.

А теперь приступим снова к переговорам. Думаю, эта игра **) покажется тебе весьма успокаивающей. Она представляет собой что-то

*) Из поэмы Вальтера Скотта «Дева озера». — *Примеч. пер.*

**) По-видимому, речь идет о словесной игре «Дублеты» (см. с. 73—75). — *Примеч. пер.*

вроде такого средства, которое врачи называют альтернативой: если у тебя болит голова, игра снимает боль, а если голова у тебя не болела, то скорее всего заболит от игры.

С наилучшими пожеланиями твоему семейству любящий тебя

Ч. Л. Доджсон

Р. С. Думаю, что в начале и в конце моего письма ощущается некоторая вольность, чтобы не сказать дерзость. Следовательно, я могу рассчитывать на то, что в любом ответе, который ты согласишься послать мне, будет некоторое достоинство, чтобы не сказать чопорность.

Агнес Халл

Дорогая Агнес!

(Пожалуйста, не обращай внимание на то, что я начал свое письмо так. Ты также можешь начать свое письмо ко мне, как тебе заблагорассудится.) Думаю, я могу спокойно послать твой билет в Истберн, так как даже если ты приедешь в город завтра, у тебя будет время забрать его. У тебя будет достаточно времени, чтобы налюбоваться билетом и прочитать его от первой до последней строчки. Эви, прочитав «с 4 до 7», захлопает в ладоши и воскликнет:

— Замечательно! Это самые счастливые годы моего детства!

Алиса, прочитав билет, скажет:

— Отношение 4 к 7 есть число, какую долю число 4 составляет от числа 7.

Ты, прочитав билет, непременно скажешь:

— Сколь незначительна та часть дня, когда мы действительно свободны от мистера Доджсона! До четырех он нестерпимо докучает всем, а около семи приходит снова, чтобы предложить прогулку в Девонширский парк или какую-нибудь другую чепуху в таком же роде!

Так что билет даст массу пищи тем слабым органам, которые вы называете «наши умы».

Привет Эви и Джесси. (Не знаю, что передать Алисе. Пожалуйста, посмотри, выдержит ли она «наилучшие пожелания».)

Неизменно любящий тебя друг

Ч. Л. Доджсон

Катлин Эшwege

Крайст Черч, Оксфорд
24 октября 1879 г.

Дорогая Катлин!

Я очень рад получить от тебя письмо, так как я был совершенно уверен, что мне не придется больше ни увидеть тебя, ни даже услышать о тебе. Ведь все, что я знал о тебе, — это фамилия, ни призрака имени, ни тени адреса, и мне отнюдь не хотелось тратить все мое небольшое состояние на объявления вроде таких:

«Если юная леди, некогда проезжавшая по железной дороге...» или до конца своих дней бродить по улицам, повторяя: «Катлин!», как та молодая женщина, которая приехала за тридцать земель на

поиски своего возлюбленного, зная о нем лишь, что его зовут «Эдвард» (или «Ричард», думаю, что историю ты знаешь лучше меня) и что он обретается где-то в Англии. Вряд ли нужно говорить о том, что на розыски у нее ушло некоторое время. Я знаю лишь, что если бы ты очень захотела, то смогла бы написать мне через Макмиллана *). Но прошло уже три месяца с нашей встречи, и я потерял всякую надежду, поэтому сюрприз был приятный.

Теперь я надеюсь, что могу считать тебя одним из моих маленьких друзей. Я люблю детей (за исключением мальчишек), и у меня больше маленьких друзей, чем я смог бы сосчитать на пальцах, даже если бы я был сороконожкой. (Кстати, есть ли у них пальцы? Боюсь, что у них только ноги, но, разумеется, они используют их для той же цели, и поэтому никакие другие насекомые, кроме сороконожек, не могут научиться умножать столбиком.) У меня есть несколько маленьких друзей, которые живут неподалеку от тебя: одна девочка в Беккенхеме, две в Балхеме, две в Херн Хилле, одна в Пекхеме, поэтому у меня есть шанс оказаться в твоих краях еще до того, как наступит 1979 год. Если мне случится оказаться в твоих кругах, могу ли я навестить тебя? Я очень сожалею, что твоей шее ничуть не легче. Может быть, тебя нужно свозить в Маргейт? Маргейтский воздух такой целебный: он излечивает кого угодно от чего угодно.

Должно быть, у тебя уже есть две мои книги об Алисе. А есть ли у тебя «Охота на Снарка»? Если нет, то я буду очень рад прислать тебе ее. Иллюстрации (их нарисовал мистер Холидей) очень хороши, а стихи, если не захочешь, можешь не читать.

Как правильно произносится твоя фамилия? «Эсквидж» или как-то иначе? Это немецкая фамилия?

Если ты умеешь играть в «Дублеты», то за сколько звеньев тебе удастся превратить KATH в LEEN **)?

С наилучшими пожеланиями твоей маме.

Твой преданный друг *Чарлз Л. Доджсон*

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
25 октября 1879 г.

Дорогая Агнес!

Жила-была одна девочка. Однажды (как сейчас помню, это было 30 сентября) написал я ей письмо и не получил в ответ ни слова (интересно, знаешь ли ты эту девочку?). И лишь спустя 2 или 3 недели я

*) Глава известного английского издательства, опубликовавший «Алису в Стране Чудес» и «Зазеркалье». — *Примеч. пер.*

**) В шестнадцатом номере журнала «Бармаглот» (в другом переводе «Брандашмыг») Общества Льюиса Кэрролла (октябрь 1976 г.) Денис Кратч приводит два решения этого дублета: KATH KATH

bath	path
bats	pats
bets	pets
bees	lets
been	lees
LEEN	LEEN

получаю от этой юной особы (не думаю, что ты ее знаешь) послание, в котором говорится примерно следующее: если бы я написал ей, то она, возможно, сооблаговолит бы написать мне. Разве это не жестоко? Но поскольку я слишком люблю эту юную особу (нет, у меня не осталось ни малейшего сомнения в том, что ты ее не знаешь) и поэтому не могу сердиться на нее, что бы она ни сделала или ни сказала, я написал ей письмо (но, разумеется, ты ее не знаешь) и отправил его той же почтой, которая доставит это письмо тебе.

Пожалуйста, передай привет от меня Эви и Джесси и скажи Эви, что ее письмо холодное и резкое, чтобы не сказать грубое. Но я знаю, что сердце у нее мягкое и попытаюсь простить ее. Скажи Джесси: я очень рад тому, что рука у нее снова в полном порядке.

Я умолил Эдит Денман нарисовать для меня твой портрет, на котором ты была бы одета, как в тот памятный день, когда ты, к своему несчастью, поранила ногу, а я, к своему счастью, оказался поблизости и смог помочь тебе. Не будь злокой и не говори ей, чтобы она не рисовала портрет! Если же ты все же рассердишься из-за этого, то, пожалуйста, сфотографируйся, прежде чем у тебя пройдет злость: я хочу посмотреть, как выглядит твое лицо, когда ты сердишься!

Пишу в страшной спешке: у меня всего лишь несколько свободных минут в перерыве между двумя лекциями.

Надеюсь, тебе понравились фотографии. Когда-нибудь я возьму Джесси в театр и подарю фотографию и ей...

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
2 ноября 1879 г.

Милая!

Я уверен, что ты сможешь увидеть пьесу еще до того, как пройдет много времени. Вот как я об этом узнал: 1889 год будет длинным (365 дней — это действительно «много времени», как мне кажется), и я думаю, что тебе по всей вероятности удастся посмотреть «Гамлета» до наступления 1889 года. Сейчас ты слишком маленькая, а к 1886 году станешь достаточно взрослой, и тогда мы разработаем с тобой план посещения «Лицеума».

Не удивило ли тебя мое обращение в начале письма? Думаю, оно вызвало у тебя сложное чувство, своего рода смесь удивления и негодования. (Очень важно, чтобы негодование не переходило в грубость.) Несколько месяцев назад я также был несказанно удивлен, получив от одной дамы из Оксфорда письмо, которое начиналось словами: «Мой милый!» Я прочитал его вне себя от изумления, полагая, что оно прислано мне в шутку, но вскоре догадался, что письмо предназначалось не мне. Позднее я обнаружил, что эта дама написала и отправила той же почтой письмо своему мужу, перепутав конверты. Думаю, что ты уже давно догадалась по началу этого письма, что в действительности оно предназначалось другому лицу; но потом я передумал и закончил его, как письмо тебе. Должен ли я признаться, кто это «другое лицо»? Ну хорошо, если ты обещаешь держать все в секрете. Это лицо (ты уверена, что не выдашь

тайну?) — мисс Гисборн, та дама, которая придумывает разные правила для маленьких Беллов. Я думал, что нам с ней лучше всего скрывать нашу дружбу, пока мы находимся в Истберне из опасения, что ты станешь ревновать. Я проникся к ней симпатией с тех пор, как услышал, какие превосходные правила она сочиняет для детей, которые имеют обыкновение снимать башмаки и чулки. В этих правилах столько здравого смысла!

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Д.

P. S. Привет Алисе. Я напишу ей о мышках через день или два. Мне хочется, чтобы ты и Алиса прочитали «Гамлета» и «Венецианского купца». Интересно, какая из этих двух пьес понравится тебе больше. Надеюсь, тебе понравилась монограмма, которую я придумал для тебя.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
26 ноября 1879 г.

Дорогая моя!

Ты очень жестока. Мне так понравилось начало твоего письма, а затем почти напрочь лишила меня радости, признавшись, что любишь меня потому, что я обещал сводить тебя в «Лицеум». Не нужна мне такая любовь! Станешь ли ты дорожить привязанностью кошки, которая мурлычит и трется о ноги, пока ей известно, что в буфете есть сливки?

Пожалуйста, напиши мне в следующий раз такое письмо, какое ты написала бы, если бы никакого «Лицеума» вовсе не было. И, пожалуйста, приготовься сходить со мной в «Лицеум» на дневной спектакль 20 декабря, потому что, как ни странно, у меня оказались два билета и я все думал, кому бы предложить лишний билет. В тот день я буду возвращаться из Хэтфилда в Гилдфорд, поэтому не обращай внимания, если мои манеры сначала покажутся тебе немного заносчивыми. Дело в том, что там, откуда я прибуду, я вращался в обществе лордов и леди, поэтому мне будет нелегко снисходить к нетитулованному ребенку! Но это быстро пройдет, и мой подбородок опустится до обычного уровня. Надеюсь, ты не очень испугаешься приехать без Алисы? А я прихвачу немного сена, чтобы дать тебе пожевать, если ты захочешь упасть в обморок.

Бесконечно много приветов и поцелуев Эви и Джесси. Боюсь, что писать «и то же тебе» бесполезно: если я никогда не кончу целовать Эви и Джесси, то как я смогу начать целовать тебя?

Твой любящий друг Льюис Кэрролл

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
30 ноября 1879 г.

Дорогая Эдит!

Каким лентяем ты, должно быть, считаешь меня за то, что я так долго не высылаю тебе фотографию. Но в действительности я очень занят: ведь мне приходится писать целые груды и даже полные тележки

писем. Я так устаю, что ложусь спать ровно через минуту после того, как встану, а иногда даже за минуту до того, как встану! Слышала ли ты, чтобы кто-нибудь так уставал?

Не вздумай отвечать мне на это письмо: помни, что ты меня уже поблагодарила за фотографию заранее.

Твой любящий друг *Ч. Л. Доджсон*

Агнес Халл

Крайт Черс, Оксфорд

2 декабря 1879 г.

Дорогая Агнес!

Вот теперь ты написала мне действительно очень хорошее письмо, и оно меня очень обрадовало. Я буду хранить его долгие годы. К тому времени ты постареешь, станешь чопорной и будешь подписываться в конце письма: «С уважением...», а при встрече будешь удостаивать меня едва заметным холодным поклоном. Вот тогда я достану твое письмо и, взглянув на него, замечу: «Подумать только! А ведь когда-то она была таким милым ребенком!»

Прежде чем читать дальше, попроси Алису, чтобы она дала тебе 2 или 3 сухих носовых платка. Они тебе понадобятся. Такие у меня для тебя плохие новости! На 20-е хороших мест не осталось, поэтому билеты куплены на 10 января (я сообщил моим друзьям, что это самый удобный день после 20 декабря). Сможешь ли ты пойти в театр 10 января? И как ты будешь ждать так долго? Почти шесть недель! Ужасно!

Передай Алисе, что я удивлен, больше чем это можно выразить словами, ее необычным письмом! Скажи ей, что не подобает юной девушке в ее возрасте признаваться в любви джентльмену!! Как она могла подумать о чем-то таком!!! И что скажет об этом миссис Гранди?!!! А затем, когда передашь ей все это, сообщи ей, что я ее люблю!!!!!!

Я слышал сегодня от Эдит *), что она «видела Халлов, они все веселы и жизнерадостны, даже Агнес, которая простудилась и слегла в постель». Хотел бы я быть вместе с Эдит. Лишь однажды мне представился случай увидеть ту юную особу в столь живописном виде, но я не смог воспользоваться им потому, что в комнате оказалась еще одна юная особа (внучка миссис Гранди), которая не позволила мне войти, и я был лишен удовольствия.

В великой спешке неизменно любящий тебя *Ч. Л. Д.*

Р. S. Если тебе предложат сходить 10-го на «Порцию», не отказывайся. «Синица в руках». Не возражай мне. Я тебя прощаю. Если никто не предложит, то непременно постарайся выздороветь к 10-му. Передай от меня поцелуй всем, кто их принимает.

*) По-видимому, Эдит Денман (см. письмо к Агнес Халл, с. 136).— *Примеч. пер.*

До-ро-га-я Аг-нес!

Разумеется, мне известна истинная причина, по которой Эвелина мне не пишет: она очень обиделась на меня за то, что во второй раз я не пригласил ее в театр (в первый раз я пригласил ее, Джесси и Эмиатта в «Детский передник», а теперь приглашаю только Джесси и Эмиатта в «Стренд»). Но вот как в действительности я распределил развлечения.

Трагедии

Алиса	«Венецианский купец».
	Предложено, но отклонено.
Эмиатт	Предложения еще не было.
Агнес	«Венецианский купец».
	Предложено и принято, хотя идти не собирается.
Эвелин	Предложения еще не было.
Джесси	«Банчи».

Музыкальный театр

Алиса	«Мадам Фавар» 4 октября
Эмиатт	То же на 20 декабря
Агнес	То же 4 октября
Эвелин	То же 4 октября
Джесси	То же на 20 декабря

Другие развлечения

Алиса	Лекция об учете векселей. Предложено, но отклонено.
Эмиатт	Поздравления от меня по поводу поступления в дом для престарелых Чартерхаус.
Агнес	Поцелуй. Предложено, но отклонено.
Эвелин	Взял у нее на два дня котенка по кличке «Фурия».
Джесси	Предложено научить играть в карточную игру «Папа Иоанн». Предложение принято.

Поэтому Эви особенно подходит трагедия. Пусть она это поймет и перестанет быть очень сердитой. Передай ей, что детям совсем не к лицу быть фурией.

Лю-бя-щий те-бя друг Ч. Л. Д.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
18 декабря 1879 г.

Дорогая Агги!

(Я заметил, что в твоём письме проскальзывают холодные нотки, но не стану понимать этого намека!) Мои письма ты не должна понимать слишком серьезно, иначе я не стану писать тебе. Разумеется, когда я написал, что Эви очень сердится на меня за то, что я не пригласил ее на «Мадам Фавар», я просто дурачился. Что делать, так уж я устроен!

Итак, ты полагаешь, что мы скоро увидимся? И что писать еще какие-нибудь письма будет некогда? А мне кажется, что до встречи еще, ох, как долго! Часы и часы — 30 или 40! Должен сказать, что за это время вполне можно успеть написать еще пятнадцать писем: 4 сегодня, 8 завтра и 3 в субботу утром. Ты так привыкнешь к стуку почтальона, что под конец станешь говорить, едва заслышав его:

— Вот еще одно письмо от мистера Доджсона!

А когда горничная принесет тебе письмо, ты только скажешь:

— Некогда мне читать! Бросьте его в огоны!

Передай привет от меня Алисе и скажи ей, чтобы она не нервничала из-за экзаменов. В Оксфорде на экзаменах все лучшие кандидаты боятся, что их срежут, а после экзамена их увенчивают красивыми венками из цветной капусты, и ее, несомненно, ждет та же участь.

Тут я должен закончить это письмо, иначе мне не останется времени, чтобы не спеша написать тебе сегодня остальные четыре письма.

P. S. Привет Э. и Дж.

Агнес Халл

Честнатс, Гилдфорд
22 декабря 1879 г.

Дорогая Агги!

Уэблинги дают в четверг 8-го представление, и я собираюсь сводить на него двух из моих сестер (Каролину и Генриетту) и маленького брата (Эдвинга). Если ты угостишь нас потом обедом, то мы сможем вернуться поздним поездом. Но, пожалуйста, скажи своей матушке, чтобы она не слишком хлопотала из-за нас: мы очень простые люди.

Начав с наиболее существенной части — просьбе об обеде! — я перехожу теперь к более вежливой части. Приедет ли кто-нибудь из вас или вы все вместе к нам? Я смогу принять любого из детей (Алиса и Эмиатт тоже сойдут за детей!), кто захочет приехать. Где провести разграничительную черту, я не знаю, так как вы все ведете себя одинаково плохо. Если миссис Халл также приедет, то мистер Халл, возможно, захочет ее сопровождать и тогда у меня на руках окажется девять человек.

Передайте, пожалуйста, через мисс Эдит Денман, сколько вас собираются приехать: я попрошу ее купить для вас билеты.

Закончив на этом вежливую часть моего письма, я перехожу к меланхолической части. Вероятно, ты огорчишься, когда узнаешь, что мистер Ирвинг не выразил особого восторга по поводу моего намерения привести ребенка в «Лицеум» 10-го. Он решительно возражает против детей. По его словам, он не столько против имени, сколько против возраста:

— Приводите любую Агнес, и я слова не скажу! — заявил он. — Но таких маленьких! Нет уж, увольте!

Мне не хотелось бы спорить с ним, поэтому я надеюсь, что ты не станешь возражать, если я несколько изменю наш план и приглашу вместо тебя мисс Агнесс Г. Она приезжает 8-го в Лондон на несколько дней (чтобы проконсультировать мастера, который шьет ей парики), поэтому все устроится как нельзя лучше. А когда она вернется, ты от нее обо всем узнаешь.

Привет Э. и Дж., 11/2 поцелуя Дж., 21/2 Э. и 31/2 У.

Эмили *)

Эдинбург

14 февраля [1880 г.]

Дорогая Эмили!

В прошлую субботу был мой день рождения. Как я хотела бы, чтобы это был и твой день рождения: ведь тогда мы были бы с тобой одного возраста. Ко мне в дверь постучал разносчик. Он сказал, что тачает обувь и продает кукольные туфельки. Я очень испугалась его, так как в доме никого не было, кроме меня и моей тетушки (горничная уходит ночевать к себе домой). Тетушка купила пару туфелек для моей куклы. Это очень мило с ее стороны, не правда ли? Я в восторге. Приезжай к нам повидаться с ней и со мной, как в прошлом году.

Любящая тебя *Мабель*

Александре Китчин

Крайст Черч, Оксфорд

15 февраля 1880 г.

Милая моя Неизвестная Величина!

Мысли, которые приходят задним числом, всегда самые лучшие. (Я настолько убежден в этом, что почти все мои мысли теперь уходят мне в голову *задним числом*. Мыслей, которые приходили бы мне в голову *передним числом*, у меня, как правило, не бывает.) И вот, поразмыслив задним числом, я решил:

— Подарю-ка я ей *обе* фотографии. Надеюсь, «Ариэль» тебе понравится, как он понравился Оулсам. Правда, вчера я ругал эту фотографию на чем свет стоит, но все мои высказывания были сильно преувеличены (почти все мои высказывания, как правило, *сильно* преувеличены).

— Но почему *две*? — спросишь ты. — Это *так* много! Он (то есть я) *так* щедр! Я *так* рада!

*) Эмили и Мабель — имена кукол Беатрис Хэтч. — *Примеч. пер.*

На что я отвечаю:

— Просто так!

Не исключено (кто может сказать с уверенностью? Во всяком случае, не я, ибо как правило, ничего не могу утверждать с уверенностью.), что вторая фотография должна выразить мою признательность тебе за те фотографии трех твоих подружек, которые ты обещала прислать.

— Как? Признательность за фотографии, которые он (то есть я) еще не получил? — скажешь ты.

— О, да!

Дело в том, что последние *события* привели меня в сильное замешательство (тебе этого не понять, но твоя мама прекрасно поймет меня и посочувствует мне *)), и все мои чувства действуют, как правило, в обратную сторону. Поэтому, когда я вспомнил, что получу от тебя те фотографии, я был очень тебе признателен. А когда я *получил* их, мне остается лишь *надеяться* на то, что ты не забудешь прислать их мне!

Боюсь, что пройдет еще недель шесть, прежде чем я смогу пригласить тебя с Дороти в мою студию. Надеюсь, к тому времени она не успеет вырасти слишком высокой, а ты, я боюсь, успеешь. Пожалуйста, не расти больше, если можешь, пока я снова не сфотографирую тебя. Фотографии, на которых голова не умещается в кадре, выглядят, как правило, не очень красиво (высокие люди выходят на фотографиях именно так).

Итак, дорогой мой Знак Умножения, мне остается лишь скрепить это письмо своей подписью (что я делаю не без нервозности, которую твоя мама поймет и посочувствует мне).

Преданный тебе *Льюис Кэрролл*

Мэри Браун

Крайст Черч, Оксфорд
2 марта 1880 г.

Дорогая Мэри!

(Может быть, мне следовало бы написать «*мисс Браун*»? Я знаю, что ты уже находишься в опасной близости к 20 годам, но мне скоро стукнет 50 и поэтому я счел обращение «Мэри» вполне допустимым. Когда ты станешь «*миссис Кто-нибудь*», как наш старый друг Дженни, я буду более почтителен.) Я получил твое письмо (получил, стыдно сказать, 27 августа 1879 г.), в котором ты спрашиваешь: «Почему вы не объясните «Снарка»?» На этот вопрос я ответил давным-давно. Позволь мне привести мой ответ еще раз: «Потому что *не могу* ничего объяснить!» А ты можешь объяснить то, что сама не понимаешь?

Из твоего письма я узнал, что в сентябре ты собираешься пойти в лондонскую школу. Почему ты не написала, в *какую* школу? Лондон большой город и в нем много школ для девочек, слишком много, чтобы их можно было обойти. Разве ты не понимаешь, что, обойдя девятнадцать из них и выслушав брюзгливые ответы девятнадцати директрис: «Среди наших воспитанниц никакой *мисс Браун* не значится», я в отчаянии откажусь от дальнейших поисков?

*) Принимая у себя гостей, Кэрролл принял 17-летнюю девушку за 14-летнюю девочку и на прощание поцеловал ее.— *Примеч. пер.*

Играла ли ты когда-нибудь в «Дублеты»? Если тебе нравится эта игра, я пришло тебе второе издание: оно больше первого и напечатано лучше. Если тебя «Дублеты» не интересуют, я не стану докучать тебе и останусь просто

любящим тебя Ч. Л. Доджсоном

Аделаиде Пейн

Крайст Черч, Оксфорд

8 марта 1880 г.

Дорогая Ада!

(Ведь уменьшительное от твоего имени Ада? Аделаида — очень красивое имя, но когда человек ужасно занят, ему некогда писать такие длинные слова, в особенности, если сначала еще нужно с полчаса вспоминать, как они пишутся, а затем пойти и справиться по словарю, правильно ли ты его написал, а словарь, конечно, оказывается в соседней комнате на самом верху книжного шкафа, где он пролежал долгие месяцы и почти скрылся под толстым слоем пыли, так что сначала еще нужно взять тряпку и вытереть его, но при этом поднимается такая туча пыли, что ты чуть не задыхаешься, и уже после того, когда, наконец, *удастся разобраться*, где собственно словарь и где пыль, нужно еще *вспомнить*, где стоит буква А — в начале или в конце алфавита, ибо ты твердо помнишь, что она, во всяком случае, находится *не в середине* его, затем выясняется, что страницы словаря пропылились настолько, что на них трудно что-либо разобрать, и, прежде чем перевернуть очередную страницу, нужно еще пойти и сначала вымыть руки, причем мыло скорее всего куда-то затерялось, кувшин пуст, а полотенца нет вообще и чтобы найти эти вещи, необходимо потратить не один час, а затем пойти и купить новый кусок мыла — я думаю, что, узнав обо всех этих трудностях, ты не станешь возражать, если я буду называть тебя уменьшительным именем и, обращаясь к тебе, говорить: «Дорогая Ада!».) В прошлом письме ты сообщаешь, что хотела бы иметь мой портрет. Посылаю тебе свою фотографию. Надеюсь, она тебе понравится.

Очень любящий тебя Льюис Кэрролл

Гертруде Чатауэй

Крайст Черч, Оксфорд

23 мая 1880 г.

Дорогая Гертруда!

Очень тебе благодарен за три фотографии. Они просто великолепны и делают честь твоему вкусу. Но ты не написала, сколько я должен тебе за них, а я отнюдь не намеревался просить у тебя подарок! Что это за ролик, вокруг которого они были обернуты? Футляр для иголок или что-нибудь еще? Нужно ли мне вернуть его тебе?

Передо мной ворох писем, на которые мне непременно нужно ответить, поэтому на этот раз я не могу написать тебе длинное письмо.

Должно быть, взобраться на пирамиду Хеопса очень здорово!

Когда мы в следующий раз встретимся с тобой, я, наверное, буду смущаться в твоём присутствии: ведь ты выросла за это время из маленькой девочки и гигантскую юную деву. Разумеется, после того, как я тебя увижу, мне придется подписывать письма к тебе: «С уважением...», но до тех пор я не обязан знать, какого ты роста, поэтому пока я подписываюсь просто: любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон.

P. S. Мои лучшие пожелания твоим родителям и сестрам.

Джулии Арнольд

Честнатс, Гилфорд

7 июня 1880 г.

Дорогая Джуди!

Они из всех сил пытались выгородить тебя, когда я зашел на следующий день, а ты дулась наверху и не пожелала сойти вниз. Они привели все оправдания, какие только смогли придумать. Это была жестокая борьба между добротой и совестью. Этель сказала:

— Она куда-то вышла.

И добавила еле слышным голосом:

— Из себя.

Гериду подхватила:

— Ее нет дома.

И добавила тихо:

— Правильнее сказать, у нее не все дома.

А сестра Гериды (не знаю, как ее зовут на самом деле, но даже если бы и знал, ее все равно следовало бы называть «мисс Дрейг») ограничилась замечанием:

— Уверяю вас, она куда-то пропала.

И добавила шопотом:

— Что за пропащее создание!

Разумеется, все эти «реплики в сторону», сколь ни остроумны они были в качестве экспромта, все же были достаточно слышны и не избежали моего внимания. Не прошло и трех четвертей часа, как я путем умозаключений уяснил себе истинное положение вещей. Тебя, конечно, удивит та легкость и быстрота, с которой я разгадал эту тайну. Но разве я *напрасно* прослужил десять лет сыщиком в Лондоне? Смею тебя уверить, совсем *не напрасно*.

Но вернемся к теме моего письма. В следующую среду я, как всегда, возвращаюсь в Крайст Черч. Поэтому в субботу в 11 часов утра (если только погода не изменит своей постоянной привязанности к тучам и проливному дождю) я буду рад наблюдать у себя следующие явления.

1. Гериду — я хочу снять ее в гимназической форме (к которой, замечу кстати, туфли подходят лучше, чем башмаки, а чулки могут быть серыми или какого-нибудь другого цвета, но не черными и не белыми). Если угодно, она может быть и «графом Бриссаком».

2. Мисс Др... Я имею в виду «сестру Гериды». Я лелею смутную надежду, что она, возможно, не сочтет себя слишком взрослой для гимназической формы. Вместе они составили бы прелестную группу. Мо-

жет быть, ей понравится костюм графа Бриссака? Может быть, ей не захочется сниматься в костюме какого-то персонажа, тогда я просто сниму ее для портрета.

3. Джуди или Этель, или обеих девочек, если ты захочешь приехать и вы согласитесь побывать у меня без того, чтобы я вас фотографировал (так как те фотографии, о которых я уже говорил, потребуют предостаточно работы для одного визита). Может быть, если ты согласишься взять на себя роль сопровождающего лица, это придаст смелости твоим юным друзьям.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Александр Китчин

Крайст Черч, Оксфорд
16 июня [?1880 г.]

...Женщины обладают сверхестественной интуицией — способностью, гораздо более тонкой, чем способность к здравому суждению...

Прилагаю к письму фотографию — № 2222. Запомнить это число (на тот случай, если ты захочешь иметь еще несколько таких фотографий) совсем нетрудно. Стоит лишь сказать про себя: «Два, два, два, два». Звучит красиво, не правда ли? А вот загадка: как сделать превосходную фотографию? Ответ: сначала снять восход, а потом к восходной фотографии приставить «пре-...».

Агнес Халл

Лашингтон Роуд, 7, Истбурн
25 июля 1880 г.

Моя дорогая Агги!

Я хочу обратить твое внимание (если я вообще могу привлечь твое внимание, что весьма трудно) главным образом на то, какая у меня здесь *спокойная* теперь жизнь: мимо не проносятся орды детишек, оглушая несчастного инвалида (то есть меня) криками, которыми они (то есть ты) оглашали воздух.

— Криками? — спросишь ты.

Считай, что тебе просто повезло, ведь я мог с полным основанием написать «воплями».

— Оглашали воздух? — удивишься ты.

Считай, что тебе просто повезло, ведь я мог с полным основанием написать «небо». Увы! Как все вокруг изменится через какие-нибудь две недели!

Передай мой привет любой из твоих сестер, чьи имена оканчиваются на согласные.

Любящий тебя Ч. Л. Д.

P. S. Здесь неподалеку живет одно чудесное семейство, и я познакомился почти со всеми мальчиками (как я обычно делаю). Девочка у них только одна. Это второй ребенок, и зовут ее Эми. Старший мальчик уже почти взрослый. Они зовут его Алик. Кроме него, есть еще Джордж, Эли

(странное имя, не правда ли?) и... Забыл имя самого младшего! Они говорят, что Джордж очень беспокойный мальчик: он *встает* до того, как его будят! Иногда он встает на 23 часа раньше, чем нужно. Но я его за это очень люблю.

Двоюродному брату и крестнику У. М. Уилкоксу

Крайст Черч, Оксфорд
23 ноября 1880 г.

Дорогой Уилли!

Я очень часто подумываю о том, чтобы написать тебе, но хорошие решения очень похожи на корку пирога — только тем, что их очень легко нарушить, но, надеюсь, не тем, что если ждать их выполнения очень долго, то они от этого портятся.

Мне кажется, что у тебя должно появиться свободное время в эти длинные вечера, когда становится возможно играть в другие игры, чем футбол и крокет. Может быть, тебе захочется сыграть с каким-нибудь приятелем в мою новую игру «Мишмаш»? Надеюсь, правила этой игры достаточно ясны, но если что-нибудь в них непонятно, то я готов тебе объяснить.

Надеюсь, что ум твой и тело расцветают в школе пышным цветом и ты не ведешь такой праздный образ жизни, какой некогда вел я. Надеюсь также, что, став постарше, ты будешь надеждой и утешением своей матери. В своих письмах ко мне она много рассказывает о тебе.

Твой неизменно преданный двоюродный брат и крестный отец

Ч. Л. Доджсон

Р. С. Прилагаю к письму клочок бумаги *). Думаю, ты сможешь позабавиться, если отнесешь его на почту и вручишь клерку, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Ручаюсь, что эксперимент будет интересный и поучительный!

Двоюродному брату и крестнику У. М. Уилкоксу

Крайст Черч, Оксфорд
25 ноября 1880 г.

Мой дорогой Уилли!

Разве я не предупреждал тебя в письме, что если ты отнесешь ту бумажку на почту, то произойдет нечто интересное и поучительное? А ты думал, что они просто выдадут тебе деньги или произойдет что-нибудь заурядное, обыденное? Как бы не так! Те, кто работает в почтовом отделении в Кентербери, слишком умны для этого. Станут они делать то, что от них все ожидают! Да они всегда придумают какой-нибудь *сюрприз*!

*) Как видно из следующего письма, речь идет о почтовом переводе. При попытке получить по нему деньги у У. М. Уилкокса возникли затруднения.— *Примеч. пер.*

Но на этот раз ты можешь пойти и удивить их. Только прихвати с собой ту бумажку и покажи им ее. Не думаю, чтобы они отказались выдать тебе деньги. Уж не придираются ли они к тому, что ты подписываешься «У. М. Уилкокс»? Полагаю, что они не должны этого делать. Раз ты подписываешься «У. Уилкокс», то не имеет ни малейшего значения, сколько других букв ты вставляешь в промежутке между «У» и «Уилкокс».

Слово «кот» вполне подходит в качестве фрагмента, но придумать слово, которое содержало бы его в качестве своей части, очень легко. Начать с того, что «кот» — сам по себе слово, поэтому ты можешь назвать слово «кот» и это будет правильно. Но ты можешь назвать и такие слова, как «котлета», «бойкот», «котел». Слов, которые подходят, очень много. Ты увидишь, что в такую игру хорошо играть, имея по два-три участника с каждой стороны. Вы можете шепотом советоваться между собой относительно того, какой фрагмент предложить другой стороне. Если вы сами не сможете придумать хороший трудный «фрагмент», поищите в какой-нибудь книге.

Вот несколько трудных фрагментов, чтобы вы могли задать их вашим противникам:

«лстр» из слова «полстраницы»,
«еел» из слова «змеелов»,
«олл» из слова «коллодий»,
«сиц» из слова «околесица»,
«оап» из слова «фотоаппарат»,
«вчи» из слова «певчий».

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Агнес Халл

Честнатс, Гилдфорд
12 января 1881 г.

Дорогая Агги!

Все мы должны (более или менее) стойко переносить разочарования, даже такие дети, как ты, сколь бы давно они ни жаждали испытать «Чашу» *) удовольствия. Поэтому я надеюсь, что ты не стала бы *очень* досадовать, если бы я сказал, что не могу взять тебя в театр. Но на этот раз я могу, поэтому мои замечания о том, как следует переносить разочарование, чуточку неуместны: они пригодятся в следующий раз. Я написал миссис Бейн письмо с просьбой о ночлеге и пригласил ее в «Лицеум». Ночлег она мне предоставила, но чувствует себя не вполне здоровой и поэтому не сможет пойти со мной в театр. Ты, разумеется, очень огорчишься, что ей нездоровится, и прольешь слезину или две, которые при анализе окажутся в точности такого же состава, как крокодиловы слезы.

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Доджсон

*) Название спектакля в театре «Лицеум», на который Кэрролл собирался пригласить Агнес Халл.— *Примеч. пер.*

Крайст Черч, Оксфорд
1 февраля 1881 г.

Милый дружок!

Я ждал с 27 января, чтобы поблагодарить тебя за письмо и подарок в надежде, что смогу сообщить тебе: «Подарок доставлен в целости и сохранности». Но так как твой подарок до сих пор не дошел, я решил больше не ждать. Огромное тебе спасибо за все твои пожелания по случаю моего дня рождения и за весы, где бы они ни находились. Я долго ломал голову, почему твой подарок такой *весомый*. Сначала я подумал:

— Милая заботливая крошка Эдит! Она знает, что я вечно болею и принимаю горы лекарств. Вот она и боится, как бы я не принял чего-нибудь лишнего, и послала мне хорошенькие аптечные весы, чтобы я мог взвешивать лекарства гран за граном.

Потом я подумал:

— Нет! Она знает, что я люблю музыку, и послала мне гаммы, чтобы я мог упражняться на фортепиано или фисгармонии.

Затем я подумал:

— Какой же я глупый! Ну, конечно же, она послала мне в подарок рыбу! Прекрасного лосося в чешуйках, завернутого в водоросли и посыпанного песочком.

Когда твой подарок, наконец, придет по почте, я узнаю, какая из моих загадок была правильной!

Передай мои наилучшие пожелания твоему отцу (надеюсь, что сейчас ему лучше, чем тогда, когда я видел его) и твоей матери.

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
25 марта 1881 г.

Моя милая Агги!

(Должен признаться, что ты причинила мне сильную боль, и поэтому твое имя мне хочется произносить с подвыванием: Аг-ау-ау-ау-ги!) Разумеется, я сразу догадался, что ты знаешь, почему я опоздал: виной всему небывалый по силе снегопад, который застиг меня по дороге из Лондона в Оксфорд. Ты, конечно, прочитала об этом в заметке, опубликованной в газете «Таймс». Я имею в виду заметку, которая начиналась так: «Сильный снегопад расстроил все планы одного пассажира, называть которого по имени нам нет необходимости. Достаточно сказать нашим читателям, что *это самый выдающийся человек в Англии*. Не только самый высокий, самый сильный, самый красивый,— он обладает *всеми* этими качествами, но ими далеко не исчерпываются все стороны его богато одаренной натуры. К тому же он самый умный, самый доброжелательный, самый и т. д. и т. п.» Я пишу тебе, чтобы ты поняла, до какой степени я огорчен, что редактор описал мой портрет так прямолинейно и бесхитростно, хотя я умолял его сохранить в тайне мое

пребывание в поезде. Но после некоторого размышления я решил, что истинная скромность требует одного: *ничего не писать о себе*, поэтому я умолкаю.

Ты, конечно, знаешь поэму Теннисона «Дочь мельника», которая начинается так:

Дочь мельника... Ну кто бы мог узнать?

Так выросла, красавицею стала...

Как я хотел бы той сережкой стать,

Что в ушке юной девы заблестала.

Тебе, конечно, будет интересно узнать, что мне посчастливилось найти (среди старых бумаг мистера Теннисона) *подлинную рукопись* этой поэмы. Края ее оказались сильно оборванными *): посылаю тебе точную копию одной страницы. Впоследствии Теннисон сильно изменил свою поэму. Первоначально она называлась так: «Как некая особа в годах пригласила некую юную особу в театр и как пожилая особа не смогла довести юную особу до театра» **).

Начиналась поэма в совсем другом размере:

Двое в театр уж было пошли:

Спектакль подходящий в афише нашли.

Пошли да вернулись — ведь вот незадача!

Хотели в театр, а случилось иначе:

Один театрал решил остаться дома.

Ну что ж оставалось, скажите, другому?

Потом Теннисон передумал и написал поэму так, как я привел ее выше.

Всегда любящий тебя *Льюис Кэрролл*

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
21 апреля 1881 г.

Дорогая Агги!

(О да! Я очень хорошо знаю, что ты думаешь про себя:

— И как только этот человек не понимает *намеков*? Он мог бы увидеть по началу моего последнего письма, что я отношусь к нему все более прохладно!

Почему я не вижу? Еще как вижу! Но разве есть какая-нибудь причина, по которой *мое отношение* к тебе также должно стать прохладным? Я обращаюсь с вопросом к тебе, весьма разумной юной особе, которая по часу ведет беседы с Алисой перед тем как встать по утрам и изрядно поднаторела в логике: имею ли я право любить тебя, если мне это нравится? Разумеется, в той же мере, в какой ты имеешь право не любить меня, если тебе это нравится. И, конечно же, тебе не следует писать, что ты любишь меня, если ты любишь меня: нет, нет, *истина* превышает всего!) (Громкие крики одобрения. Объявляется перерыв на

*) Кэрролл нарисовал, как выглядит страница «найденной» рукописи с пародийной поэмой «Дочь адвоката». — *Примеч. пер.*

**) В день спектакля был сильный снегопад и Кэрролл не смог нанять кэб, чтобы отправиться в театр. — *Примеч. пер.*

десять минут.) Я приехал в Лондон в понедельник вместе с мистером Сэмпсоном (некоторые из вас встречались с ним в Истберне), чтобы посмотреть «Чашу» и «Хитрость Беллы», и во вторник нанес один или два визита прежде чем вернуться в Гилдфорд и проезжал по Хай-стрит в Кенсингтоне. Я (наполовину) решил (про себя), что загляну в дом № 55. Но Здравый Смысл возразил:

— Агги станет поддразнивать Вас и предложит поцеловать ее в самый кончик левого ушка. При этом она скажет: «Это в последний раз, мистер Доджсон! В следующем месяце мне исполнится шестнадцать лет!»

— Не знаю,— продолжал Здравый Смысл,— почему последний раз всякий раз так неприятен? Лучше всего было бы избежать его и подождать, пока ей исполнится шестнадцать. Тогда при встрече вы сможете обмениваться с ней рукопожатием. Это спокойно и удобно.

— Ты прав, Здравый Смысл,— согласился я.— Отправляюсь-ка я лучше с визитом к другим юным особам.

Тебе вовсе не нужно так зевать и думать: «Какое ужасное письмо! Что за скука!» Я хочу рассказать тебе кое-что о «Чаше». Возможно, это покажется тебе интересным. Некая особа (моя двоюродная сестра) сообщила мне, что очень хотела бы прочитать эту пьесу, и спрашивала, не мог бы я раздобыть для нее рукопись (так как «Чаша» не опубликована). Я написал одной из звезд «Лицеума» письмо с просьбой помочь, если это ей удастся. Почти сразу же в ответ я получил бандероль, в которой был печатный экземпляр пьесы, принадлежавший моей корреспондентке с дарственной надписью «Эллен Терри от А. Теннисона» с исправлениями, сделанными рукой Теннисона, и пометками самой актрисы относительно настроения героини, выражения ее лица и т. д. (т. е. всего того, что в театре принято называть «кухней»). Все это делало экземпляр чрезвычайно интересным. Я подозреваю, что столь ценный экземпляр был послан мне по ошибке. Однако я очень рад, что такая ошибка случилась. Вторая присланная мне в той же бандероли книга оказалась рукописной копией первой, каллиграфически переписанной в альбом одной юной девушкой, другом мисс Терри. Посылаю тебе печатный экземпляр, а рукописный я послал моей двоюродной сестре почитать. Если мисс Терри позволит, я хотел бы снять копию с него прежде, чем отослать рукописный экземпляр обратно. А коль скоро я это сделаю, то не исключено, что *когда-нибудь*, если ты будешь *очень* хорошей девочкой и в один прекрасный день не будешь дуться, я, возможно, позволю тебе взглянуть на него — одним глазком. Как? Ты не согласна? Какая ты жадина! Хорошо, так и быть, я позволю тебе взглянуть на него *двумя* глазами.

Что касается «Хитрости Беллы», то я не слишком высокого мнения об этой пьесе. Хотя в ней есть две *очень* смешные роли. Одна, в которой «Летиция Харди» (мисс Э. Терри), чтобы подшутить над «Дорикуром» (мистер Ирвинг), который по чьему-то завещанию должен на ней жениться, разыгрывает из себя неотесанную деревенскую девушку; другая, в которой Дорикур, чтобы избежать брака с мисс Харди, притворяется сумасшедшим. Мистер Ирвинг, когда захочет, может быть *очень* смешным, а что касается комического дарования мисс Терри, то слова бессильны передать его! Лучше попробуй напрячь воображение и попытайся увидеть ее роль мысленным взором!

Думаю, что, дочитав до этого места, ты скажешь: «Письмо и без того *достаточно* длинное. Не пора ли вам кончить его, мистер Доджсон». Поэтому я заканчиваю. Наилучшие пожелания à vos soeurs *) (надеюсь, что это — хороший французский).

Твой любящий друг Ч. Л. Д.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
30 апреля 1881 г.

Противный паук!

(Ты совершенно права. *Неважно*, как начинается письмо, как оно продолжается и даже как оно заканчивается. Нет ничего проще, чем написать холодное письмо,— гораздо легче, если это только возможно, чем написать теплое письмо. Например, как-то раз мне понадобилось обратиться к декану с письмом по поводу каких-то дел колледжа и я начал письмо так: «Невежественное существо!», а он был настолько глуп, что сделал вид, будто рассердился, и вздумал придирааться к тому, будто письмо написано не по форме, а потом предложил проректору выгнать меня из университета, и все это по твоей вине!) Боюсь, что я не смогу прислать тебе драгоценный экземпляр пьесы **): мисс Терри только одолжила его мне и моей двоюродной сестре. Но смею думать, что я прихвачу этот экземпляр или его копию с собой в Истберн, и тогда в любой день, когда тебе случится заглянуть ко мне (а я надеюсь, что ты это непременно сделаешь!), пока ты будешь смотреть мои книги, разглядывать фотографии или фисгармонию, а я продолжать заниматься своими делами, приглядывая за тобой, чтобы ты ничего не натворила, тогда, говорю я, так и быть, я позволю тебе прочесть несколько строк одним глазом, если другой будет неотрывно взирать на меня с выражением глубокой благодарности. Что думает Амиатт о «Полковнике»? Один мой знакомый сказал, что это «совершеннейшая чепуха»!

Итак, прощай!

Презирающий тебя Ч. Л. Д.

P. S. Передай Алисе привет и сообщи ей, что ее ждет «Узелок V» ***). Получила ли она узелки III и IV? Привет Джесси и Эви.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
21 мая 1881 г.

Дорогая Агги!

(Должен заявить с самого начала, что не жду в ответ ничего больше, кроме «Уважаемый мистер Доджсон!» и «Искренне Ваша».) Дело в том, что заказать отдельную ложу на «Отелло» стоит гинеею, и я *считаю*,

*) Вашим сестрам (фр.).— *Примеч. пер.*

**) См. предыдущее письмо к Агнес Халл.— *Примеч. пер.*

***) Из книги Льюиса Кэрролла «История с узелками». См. список литературы в конце.— *Примеч. пер.*

что с твоей стороны это неоправданно высокая цена. Я знаю, чего стоит вытащить из тебя «Дорогой»: ты была достаточно честной и сама рассказала мне об этом. Вполне возможно, что, если я пообещаю тебе билет на «Отелло», то услышу в ответ «Дорогой, дорогой», но не следует покупать сладости слишком дорогой ценой. Например, я никогда не покупаю ячменный сахар по 3 шиллинга 6 пенсов за палочку. Мораль ясна.

Кроме того, разве купленная любовь многого стоит? Сомневаюсь.

Посылаю тебе копию последнего счета, по которому мне пришлось заплатить за такую любовь. Думаю, что от такого рода ячменного сахара мне придется теперь отказаться. (Мисс Уиггинс очень милая девочка. Она живет где-то в Лондоне, но ее точный адрес я, как назло, забыл.)

Всегда любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Мистеру Ч. Л. Доджсону,

доктору, от мисс Амелли Уиггинс

За то, что я улыбалась при встрече с Вами на улице

За то, что я делала вид, будто мне нравятся Ваши шутки (на самом деле они мне вовсе не нравились)

За то, что я с притворным интересом слушала Ваши истории (хотя в действительности я просто изнывала от скуки)

За то, что письмо к Вам я начинаю со слов «Дорогой мистер Доджсон», а заканчиваю «Любящая Вас А» (сплошное притворство)

Фунты Шиллинги Пенсы

Экземпляр поэмы Теннисона

Шкатулка для рукоделия

Письменный столик

Ложка в «Лицеуме»

Итого £ 50. 0. 0.

Счет оплачен.

А. Уиггинс

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
11 июля 1881 г.

Драгоценнейшая Агнес!

После той необыкновенной, высокочайшей, уму не постижимой чести или привилегии (не знаю, как и назвать?), которую ты оказала (или предоставила?) мне, я не могу должным образом выразить свою признательность, послушно и покорно следуя всем твоим наставлениям в других вопросах. Поэтому я и начал это письмо в соответствии с новой патентованной (с гарантией: при стирке не линяет) формой писем, установленной Вашим Высочеством.

Передай, пожалуйста, Джесси, что название, которое я не написал тогда для нее, — Тристан д'Акунья. Что мне особенно нравится в Джесси, так это ее послушание. Необычайное, хотя и несколько особого рода. Стоит мне сказать: «Зажги свечу», как она тотчас же погасит лампу. Заметила ли ты сегодня, что когда я сказал ей: «Джесси, выпрыгни из окна», она *опрометью* бросилась к двери?

Твой (какое слово полагается дальше по твоей новой форме? Ах, да, вспомнил!) любящий друг.

Привет твоим сестрам, кроме

Агнес Халл

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
3 октября 1881 г.

Дорогая Агги!

Не думаю, чтобы я успел подарить тебе последнее издание «Ланрика» *). Попробуй поиграть в эту игру и сообщи мне, если сочтешь необходимым внести в нее какие-нибудь усовершенствования.

У нас стоит сейчас великолепная погода, гораздо лучше, чем летом. Почему ты так быстро уехала? Без тебя так скучно, хотя у меня сейчас здесь Марион, что несколько утешает меня, и кроме того, так как Марион не гуляет рано утром, *еще одна* дама, с которой я познакомился у моря. Мы с ней совершаем прогулки и беседуем. Интересно, много ли я смогу рассказать тебе о ней, чтобы все сказанное было чистой правдой и чтобы тебе не наскучило? Прежде всего, она уже в возрасте, живет в Истберне, домом правит старый-престарый джентльмен. Он дедушка. (Его внучка (не могу сказать, есть ли у нее сестры или нет) — прелестная девочка, мой друг, лет ей 11—15.) Каждое слово, написанное здесь, — чистейшая правда, и если я добавлю (и это чистейшая правда), что зовут ее Джулией, то думаю, ты сразу поймешь, что не нужно задавать больше никаких вопросов.

Привет Эви.

Всегда любящий тебя Ч. Л. Д.

Марион Ричардс

Крайст Черч, Оксфорд
26 октября 1881 г.

Дорогая моя девочка!

(Подумать только! За всю свою жизнь я ни разу не начинал так ни одного письма!)

Марион. Не стоило начинать так и это письмо. Гораздо красивее было бы написать вместо «девочка» просто «Марион».

Я. Решительно не согласен. «Девочка» рифмуется с «белочкой» и «стрелочкой», а «Марион» — только со словом «аккордеон».

Но, разумеется, мне вскоре придется обращаться к тебе иначе: наша дружба началась *так* быстро (а это очень опасно), так внезапно (почти

*) Одна из игр со сложными правилами, придуманных Кэрроллом. — *Примеч. пер.*

как железнодорожная катастрофа), что она просто не может не кончиться так же внезапно. Надеюсь, в будущем году мы будем при встрече только обмениваться рукопожатием, еще через год — поклоном, как только завидим друг друга на противоположных сторонах улицы.

Не думай, пожалуйста, будто я начинаю забывать тебя и поэтому ленюсь писать тебе письма. Ничуть! Просто я ужасно занят! Со всем этим преподаванием, проверкой домашних заданий, подготовкой лекций, писанием писем я иногда так запутываюсь, что едва могу отличить себя от чернильного прибора. Пожалей меня, дитя мое! Когда у кого-нибудь путаница в уме, это еще не так страшно, но когда дело доходит до того, что бутерброды и апельсиновый мармелад я отправляю в чернильницу, а перо обмакиваю в себя и наливаю в себя чернила, вот это действительно ужасно! Однако при всей моей занятости мне все же удалось напечатать несколько экземпляров правил «Ланрика», и я посылаю тебе 4 штуки: одну тебе, 3 остальные можешь раздать 4 своим друзьям. Один из моих учеников в этом семестре — настоящий негр, лицо у него черное, как уголь, и курчавые волосы. Мне придется прикрепить таблички на ведерке с углем и на моем новом студенте с надписями «Это ведерко с углем» и «Это он», чтобы знать, кто есть кто.

Большое спасибо твоей маме за письмо и проспект. Я как-нибудь ей напишу.

Неизменно любящий тебя друг

Ч. Л. Доджсон

Фрэнсиз Хардмен

Крайст Черч, Оксфорд
29 ноября 1881 г.

Ну скажи, пожалуйста, милое мое дитя, с чего ты взяла, что я непременно должен был ответить на твое письмо? Ведь я думал, что твое письмо было ответом на мое и сделал в журнале, где я регистрирую письма, соответствующую пометку. (Может ли быть ответ на ответ? Если да, то тогда может быть вопрос на вопрос. А коли так, то какой вопрос есть на этот вопрос? Ответ, дитя мое, и не вздумай отделаться чем-нибудь вроде «Не знаю, сэр».) Я должен снова перечитать твое письмо и посмотреть, на что в нем требуется ответить. Вижу! В нем сообщается, когда у тебя день рождения, и ты, конечно, ожидала, что я не удержусь от какого-нибудь милого замечания по поводу твоего возраста! (Позволь мне минуточку подумать. В разговоре с дамой, как мне кажется, нужно сделать вид, будто вы удивлены, узнав, сколько ей лет: вы, конечно же, думали, что она гораздо *моложе*.) Прости, пожалуйста, мою забывчивость. Итак, тебе исполняется *пятнадцать лет!* *Не может быть! Ни за что не поверю!* По стилю твоего письма я думал, что тебе пять лет! (Позволь мне минутку подумать. Это звучит как-то не так. Теоретически должен был получиться изящный комплимент, а практически почему-то звучит невежливо. Уберу-ка я лучше последнюю фразу. Да, так и сделаю!) Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что просто убрать фразу — не совсем то, что мне хочется. Поэтому я прошу убрать целиком все мое замечание вместе с извинениями и заменить его следующим. Не

может быть! Ни за что не поверю! Судя по твоему виду, я думал, что тебе сто пятнадцать лет! (Не знаю почему, но звучит как-то не так, как надо для юной девушки! Уберу-ка я лучше последнюю фразу.) Будь любезна, позволь мне убрать последнее замечание!

Прости за всю эту чепуху!

Я очень обрадовался, получив твое письмо. Большое тебе за него спасибо! Реджинальд передал мне вчера все письма. Привет от Гейнор и Эми я возвращаю назад в том же виде, но несколько больших размеров (процентов этак на 10) и более теплыми (при температуре от 60 до 75 градусов). Письмо от тебя могло бы быть чуть менее официальным (например, без «наилучших пожеланий»), но я не жалеюсь.

Неизменно преданный тебе

Ч. Л. Доджсон

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
2 декабря 1881 г.

Дорогая Агги!

Я хотел бы, чтобы лорд Чемберлен не так рьяно вмешивался в театральные дела. Когда я попытался было заказать ложу в «Корте» на комедию «Помолвленная», намереваясь сходить в театр вместе с мистером Сэмпсоном (взять с собой Алису), он тихо сообщил мне, что по новым правилам при посещении театра «число леди в компании должно быть равно числу джентльменов». «Но ведь тогда она будет отчаянно ссориться с любой другой леди, какую бы я ни пригласил в театр!» — взмолился я (это было личное интервью, не предназначенное для чужих ушей). «Попробуйте пригласить кого-нибудь из ее сестер», — посоветовал мистер Сэмпсон. «О, это еще хуже! — воскликнул я. — Тогда они скорее всего станут драться!». В ответ мистер Сэмпсон улыбнулся и заметил: «В этом случае вы сможете обратиться к полиции. По новым правилам каждый десятый в зале — полисмен, и им даны строгие указания тащить в кутузку всякого, кто начнет выходить из себя». Я не смог заставить лорда Чемберлена изменить то правило, о котором упоминал мистер Сэмпсон, боюсь, что и тебе это вряд ли удастся, поэтому, ничего не поделаешь, придется тебе отправиться в театр вместе с нами. (Надеюсь, ни ты, ни Алиса не возражаете против общества мистера Сэмпсона?) Спектакль идет три дня: 14-го, 15-го и 20-го. Подходит ли вам какой-нибудь из них? Если подходит, то напиши! (С еще большей, чем обычно, присущей тебе пламенной энергией.) Остаюсь

всегда любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
27 января 1882 г.

Дорогая Эдит!

Очень признателен тебе за твое письмо, нарисованный крокус и подставку из бумаги. Очень жаль, что твоему отцу не стало лучше. Думаю, что когда наступит лето, тебе следовало бы посоветовать ему съездить в

Истберн (ведь он так полагается на твои советы!). Тогда время от времени я буду иметь удовольствие видеть тебя в мой театральный бинокль на другом конце берега и смогу сказать себе: «А вот и Эдит! Я ее вижу. Но если она взглянет в мою сторону, то мне придется уйти домой, чтобы она меня не увидела».

А как по-твоему, что я сделаю на свой день рождения? Я закажу огромный сливовый пудинг! Он будет такой большой, что его хватит на четырех, и я съем его у себя в комнате один до последней крошки. Доктор говорит, что он опасается за мое здоровье. Но в ответ на это я скажу прямо и без обиняков: «Чепуха!»

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Джесси Халл

Крайст Черч, Оксфорд
1 февраля 1882 г.

Дорогая Джесси!

Как тебе живется у мисс Хифи? Без «сцен», надутых физиономий и слез? Надеюсь, мисс Хифи не будет в обиде на меня за то, что я позволю себе привести несколько фраз из ее письма ко мне о тебе.

«Уважаемый мистер Доджсон!

...Боюсь, что Ваше предложение объединить Агнес и Джесси, дабы в классе было трое (вы и две ученицы), не заслуживает обсуждения... Еще одна причина состоит в том, что Ваша манера рисования совершенно не подходит Вашим ученицам — она просто будет им мешать. Агнес уже сейчас превосходит как художник Тинторето и Тернера и почти сравнилась с Милле, а Джесси (малышка!) рисует так, что Рафаэль (будь он жив) покачнулся бы. Неужели Вы думаете, мистер Доджсон, что Ваши рисунки, которым красная цена два с половиной пенни, могут висеть в одной комнате с их неподражаемыми картинами? Сама мысль об этом нелепа!.. Смею заверить Вас, что полотна Тернера, Рафаэля, Тициана и Рубенса не идут ни в какое сравнение с тем, что могут создать Агнес и Джесси!.. Милая Агнес в настоящее время все больше склоняется к домам. Когда я пишу «склоняется», то делаю это по зрелом размышлении, ибо должна признаться, что ее дома действительно склоняются в одну сторону, а дым валит из трубы прямо-таки каменный. Кроме того, она считает, что деревья должны быть похожи на клубки пряжи, но все это мелочи... Малышка Джесси предпочитает рисовать фигуры — детей и животных, и почти всегда число пальцев на руках и ногах оказывается правильным. А если Вы научитесь различать коров и уток, то не сможете не признать, что нарисованы они премило!»

Но довольно! Думаю, теперь ты достаточно хорошо представляешь, что думает о тебе мисс Хифи. А теперь я хотел бы, чтобы ты или Агги сообщили мне, что вы думаете о мисс Хифи.

Передай мой самый нежный привет Агги. Надеюсь, она не слишком возгордится, узнав о том, сколь высокого мнения о ней мисс Хифи? Привет и поцелуй Эви и Алисе, а также тебе самой.

Любящий тебя друг

Чарлз Лютвидж, а также Доджсон

Крайст Черч, Оксфорд
10 февраля 1882 г.

Дорогая Берди!

Можно представить себе чувства пожилой леди, которая, дав корм своей канарейке, отправляется на прогулку, а по возвращении обнаруживает в клетке большущую живую индюшку, или старого джентльмена, который, посадив вечером на цепь небольшого терьера, утром обнаруживает разъяренного гиппопотама, бегающего на цепи у собачьей будки. Именно такие чувства обуревают меня, когда я пытаюсь вызвать в памяти то дитя, которое любило шлепать босиком по воде на побережье у Сэндауна. Я нашел восхитительную фотографию того же микрокосма, внезапно вытянувшегося в высокую молодую особу, на которую я по скромности боюсь и взглянуть даже в телескоп, вне всякого сомнения, совершенно необходимый, чтобы получить хотя бы какое-нибудь представление о том, как она улыбается, или удостовериться в том, что у нее есть брови!

Уф! Столь длинное предложение истощило всю мою энергию, и я могу из последних сил только поблагодарить тебя за 2 фотографии. Они так похожи на оригиналы! Собираешься ли ты в Сэндаун следующим летом? Вполне возможно, что мне удастся заглянуть туда дня на 2—3, но мой штаб теперь находится в Истберне. Остаюсь

преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Марион Ричардс

Крайст Черч, Оксфорд
14 февраля 1882 г.

Дорогая Марион!

(Еще бы не дорогая! Очень дорогая, должен прямо сказать! Чего только не стоил мне этот ребенок — тут и поездки по железной дороге, и посещения «Аквариума», и завтраки, за которыми только и подавай ей самые дорогие желе, черепаховый суп и прочее в том же роде! Я не говорю уже о том, что мне приходится платить за причиненный ею ущерб, когда она ни с того ни с сего становится дикой и крушит вещи! Как видите, у меня есть все основания называть ее «дорогой».) Знает ли твоя мама какую-нибудь хорошую (и не очень дорогую) книгу, в которой бы рассказывалось о том, как разводить морские водоросли? Может быть, она сообщит мне название этой книги и кто ее издатель? Может быть, если эта книга переплетена не очень изящно, твоя мама даст мне взглянуть на нее (пришлет бандеролью по почте)? Сведения о водорослях очень нужны мне для одной моей знакомой (гувернантки) в Брайтоне, а единственная книга, которая у меня есть, это «Полчаса на берегу моря» Тейлора, где о разведении водорослей говорится только на двух страницах. В Истберне у меня остались «Что мы видим на морском берегу» Вуда и большая книга миссис Гетти о водорослях.

Всегда любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Крайст Черч, Оксфорд
19 февраля 1882 г.

Дражайшая моя Агнес!

Я дал себе («Разве можно дать себе что-нибудь? — спросишь ты.— Ведь для того, чтобы вы могли *дать* какую-то вещь, она должна быть вашей, а как можно дать *кому-нибудь* то, что ему уже принадлежит?») На это я отвечаю: «Если мы примемся рассуждать, едва успев начать письмо, то оно никогда не будет написано») две недели на то, чтобы постичь всю глубину письма от Джесси, но после некоторой умственной агонии я был вынужден отказаться от своего намерения и обратиться за разъяснениями к тебе. Джесси пишет (ссылаясь на мое замечание о том, что ты рисуешь «наклонные» дома,— вопрос, относящийся к компетенции *архитектора*, а не художника: если дома построены наклонно, то как должен изображать их художник?). Итак, говорю я, Джесси пишет: «Агнес рисует не *дома*, а только *головы*, а головы всегда наклоняются в ту сторону, куда *нужно*». Возникает вопрос, который довел меня до умственной агонии. В какую сторону *должна быть* наклонена голова? Не сомневаюсь, что ответ у тебя уже готов: «Если вы предложите мне леденец, то моя голова наклонится *вперед*, а если сигару, то *назад*; если вы предоставите мне на выбор, выполнять ли мне мои обязанности или не выполнять, то моя голова наклонится *вправо*, а если вы разрежете яблоко пополам и спросите, какую половину я хотел бы взять, то моя голова наклонится *влево*». Все это прекрасно, но говорит лишь о том, в какую сторону наклоняется твоя голова, и ничего о том, в какую сторону ей *нужно* наклоняться. Поэтому, дорогое мое дитя, подтолкни тележку и помоги мне выбраться из топи, которая меня засасывает: приставь пальчик ко лбу (на манер, излюбленный Шекспиром) и поразмысли над заданным мной трудным вопросом, а затем возьми перо и бумагу и напиши мне свое объяснение. Как только мне станет известно, в какую сторону *должна* наклоняться голова, я перестану таиться от дневного света и дерзну выйти на улицу — ведь мне тогда будет достоверно известно, под каким наклоном я должен держать голову. Что за пытку я испытал! Передай Джесси, что я простил ее.

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Д.

Агнес Халл

Крайст Черч, Оксфорд
24 мая 1882 г.

Дорогая Агги!

Хотя я надеюсь увидеть тебя на этой неделе, все же считаю необходимым черкнуть тебе несколько строк и сообщить, что давно я не получал письма, которое бы так обрадовало меня, как только что полученное от тебя. Ведь приятно даже узнать, что ты не совсем забыт, в особенности если стареешь, седеешь и глупеешь, но узнать, что тебя помнят с любовью, во сто крат приятнее! Огромное спасибо тебе за фотографию:

она просто первоклассная. Но письмо я ценю еще больше: на фотографии только *твое лицо*, а в письме *вся ты*.

Всегда любящий тебя старый друг (намереваюсь оставаться таким, пока ты сама не станешь старой, седой и сварливой).

Ч. Л. Доджсон

Кейт Терри Льюис

Крайст Черч, Оксфорд
5 июня 1882 г.

Дорогая Кэти!

Не могла бы ты выбрать минутку и послать мне открытку — всего лишь несколько слов о том, как чувствует себя твоя мама? Доктор Жиро в своем последнем письме сообщил мне не очень утешительные вести, но я надеюсь, что теперь надобность в его услугах отпала. Я буду *очень* рад услышать, что твоей маме стало лучше. Надеюсь, что в следующий раз, когда я заеду к вам, ты будешь дома. В прошлый мой визит ты отправилась к зубному врачу. О, как я тебе завидовал, когда узнал об этом! Замечательно, конечно, сходить в театр на хороший спектакль или побывать в картинной галерее, но побывать у *зубного врача*! Нет слов (ведь в самом деле нет?), чтобы выразить восторг по этому поводу! Доктор Жиро очень встревожился, когда увидел, какое действие оказала на меня услышанная новость.

— У вас острый приступ желтухи? — спросил он с беспокойством.

— Нет, — ответил я. — А почему вы думаете, что у меня желтуха?

— Потому что глаза у вас вдруг стали зелеными!

— Пустяки! — успокоил его я. — Это всего лишь приступ зеленоглазой зависти, который охватил меня, когда я услышал, какое счастье выпало милой Кэти!

Ну разве это не забавный случай?

Наилучшие пожелания твоим родителям и привет твоим сестрам.

Очень любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
7 ноября 1882 г.

Дорогая Эдит!

Как часто, должно быть, тебе бывает нужна булавка! Например, ты заходишь в лавку к булочнику и говоришь:

— Дайте мне, пожалуйста, самую большую плюшку, какая у вас только есть за полпенни.

Булочник тупо смотрит на тебя и не вполне понимает, что тебе нужно. Как удобно иметь под рукой в таких случаях булавку! Ею можно уколоть булочника в руку и сказать:

— А теперь пошевеливайтесь и не смотрите на меня так тупо, болван!

Или другой случай. Ты идешь по улице, и вдруг на твоём пути огромная собака. Ну как ты продолжишь свой путь, если у тебя не окажется под рукой булавки, чтобы уколоть пса? Разумеется, после того, как ты

его уколешь, он с воем убежит, а ты с довольной улыбкой пойдешь себе дальше.

Даже если случится, что тебе не нужна булавка, то как часто, должно быть, ты думаешь про себя:

— Говорят, Интерлакен очень красивое место. Хотела бы я знать, как оно выглядит! (Интерлакен — это то самое место, которое изображено на этой подушечке для булавок.)

Ну, а когда тебе не нужны ни булавки, ни картинки, может быть, ты вспомнишь о старшем друге, который иногда думает о своем маленьком друге Эдит и сейчас вспоминает тот день, когда встретил тебя на набережной, когда тебе впервые разрешили пойти одной поискать его.

Надеюсь, что твоему папе лучше. Передай ему и твоей маме самые лучшие пожелания.

Всегда любящий тебя Ч. Л. Доджсон

P. S. Подушечку для булавок разрисовала одна молодая художница, моя хорошая знакомая.

Эдит Блейкмор

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
16 августа 1883 г.

Дорогая Эдит!

Он влетел в комнату и никак не мог найти дорогу назад, потому что, глупый, пытался вылететь не через то окно, через которое он влетел, а через другое, а оно было закрыто. Прости, я забыл сказать тебе, кто, собственно, влетел. Это был молодой желторотый воробей, а за окном на дереве его с нетерпением ждали множество воробьев постарше и все не могли взять в толк, куда девался их товарищ. Так вот, когда я протянул руку и схватил воробья, он даже не пытался улететь, а просто сжался в комочек и позволил мне взять себя. Должно быть, он рассуждал так: «Вот большое мудрое существо, которое знает все про эти ужасные окна и про то, как летать через них. Не буду-ка я ему мешать. Пусть он мне поможет». Пока я нес его к другому окну, мне захотелось взглянуть на него — как он себя чувствует в моем кулаке? Воробушек сидел тихо и только норовил все отвернуться от меня. Должно быть, ему не так уж часто приходилось бывать в обществе. Когда я поднес его к открытому окну и разжал кулак, он улетел не сразу. Крепко держась за мой большой палец, он, наверное, думал: «Уж не хотите ли вы сказать, что я действительно могу вас покинуть? И где, собственно, я нахожусь?» А затем он вдруг почувствовал, что свободен, и напрямик полетел на дерево, как стрела. Но интереснее всего, пожалуй, был разговор между птицами после всего случившегося. Они окружили его со всех сторон и заговорили все сразу. Я думал, что они расспрашивают его о пережитом им приключении, но не мог расслышать его слабый голосок среди шума. Каждый из воробьев, не умолкая ни на миг, только и делал, что спрашивал. Не думаю, чтобы они расслышали хотя бы слово в ответ: решительно ничего не было слышно. А когда он кончил, они принялись объяснять ему, что они сделали бы, если бы оказались на его месте. Но поскольку они по-прежнему говорили все вместе, не думаю,

чтобы от их объяснения было много проку. Наконец (я догадался об этом по их голосам), они дали воробушку добрый совет. По-видимому, совет давали старые воробьи, так как они чирикали низкими голосами. Но они опять все испортили, так как по своему обыкновению говорили все вместе. Больше я ничего не слышал. Молодой воробушек так и не заговорил. Должно быть, он отправился спать, пока старые птицы оживленно продолжали наставлять его.

Постой-ка, постой-ка. Разве об этом я собирался написать тебе? Нет, не об этом: пожалуйста, прочитай все, что ты прочитала, обратно. В действительности я хотел поговорить с тобой о подарках ко дню рождения, которые ты так любишь делать мне. Поскольку я никак не могу уговорить тебя не делать мне больше подарков, мне придется назвать тебе несколько вещей, которые действительно были бы мне полезны, с тем, чтобы в следующий раз ты могла их мне подарить. Прежде всего должен сказать, что любую вещь, *изготовленную* для меня ребенком, я предпочитаю любым купленным подаркам. У меня таких подарков не так уж много, но когда я их получал, мне было очень приятно. Небольшие мешочки из неотбеленного холста — очень полезная вещь, 4 дюйма на 4 или 6 дюймов на 6 — очень удобные размеры (с двойным шнурком, чтобы их можно было затягивать в обе стороны; затянутый мешочек закрыт очень надежно). Если ты предпочитаешь работать не с холстом, а с тканью, то я бы *весьма* приветствовал прихватку для чайника. У меня их две, но они уже порядком износились. Боюсь, что ты можешь подумать, будто я жадина. Нет, я говорю с тобой обо всем этом только потому, что ты так любишь посылать мне подарки! Того, что я уже назвал, тебе хватит на 3—4 моих дня рождения. Но если ты захочешь сделать мне какой-нибудь подарок своими руками, то, пожалуйста, не забудь пометить где-нибудь в уголке «Э. Б.» или «Эдит», чтобы я всегда знал, от кого этот подарок.

Как бы мне хотелось хотя бы иногда видеть тебя на берегу! Почти все дети, которых я знал, уехали, и у меня осталось здесь очень мало друзей: заводить новых друзей нелегко, кроме того, новые друзья могут оказаться ужасными, а вовсе не приятными! С детьми иногда это бывает.

Надеюсь, что твой папа чувствует себя хорошо. Передай мои наилучшие пожелания ему, твоей маме и сестре.

Надеюсь, я уже поблагодарил тебя за чудесную рождественскую открытку с твоим собственным рисунком и конвертом и письмо, которое ты написала мне в январе. Боюсь, что я поблагодарил тебя только в короткой записке, поэтому сейчас хочу поблагодарить еще раз по-настоящему.

Прости за это короткое письмецо: когда у тебя в распоряжении есть только *две* минуты на то, чтобы написать письмо, запечатать его в конверт, да еще написать адрес, поневоле приходится быть кратким. Ты не находишь?

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

Честнатс, Голдфорд
28 декабря 1883 г.

Моя дорогая Мэй!

Я и не думал, что это *твоя* работа! Я принял ее за работу профессионала, причем прекрасную: она удостоилась также особых похвал со стороны моих сестер, что само по себе немало, так как они *пресытились* рождественскими открытками. Можешь не сомневаться: я буду беречь твою открытку, как..., как..., как..., как я не знаю что и всегда! Спасибо тебе большое за нее!

Надеюсь, мистер Сэмпсон чувствует себя превосходно и говорит «пожалуйста», когда хочет чего-нибудь еще.

Неизменно (какое длинное слово!)

любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Аделаиде Пейн (?)

Честнатс, Гильдфорд
9 января 1884 г.

Дорогая Ада!

Позволь мне заверить тебя, если ты думаешь, будто я огорчен новым «отчуждением» в наших дружеских отношениях, то я ничуть не огорчен: такие изменения в отношениях с моими юными друзьями случаются сплошь и рядом. По правде говоря (а именно это нам советует и именно это имеет определенные преимущества), *большинство* (скажем, процентов 60) моих юных друзей перестают быть друзьями *совсем*, как только вырастут; примерно 30 процентов меняют «любящий вас» на «искренне ваш», и только процентов 10 сохраняют со мной прежние дружеские отношения. Мне доставляет большое удовлетворение сознавать, что ты принадлежишь к этим 10 процентам.

Прилагаемую к письму книгу иллюстрировал один мой друг. Надеюсь, ты не сочтешь ее слишком детской и не откажешься от нее.

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
27 января 1885 г.

Дорогая Эдит!

Большое спасибо. Я страшно занят, поэтому не могу написать тебе более подробно. Посылаю тебе 1,000000 поцелуев (ведь ты уже знакома с десятичными дробями?).

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Уважаемая мисс Эдит Рикс!

Когда ты получишь мартовский номер «Monthly Packet» *) с критическим разбором решений задачи о ветеранах, ты не найдешь в нем упоминания о себе. Мне показалось, что будет лучше, если я напишу тебе сам (ведь, по твоим словам, ты «упорно изучаешь математику»), нежели буду критиковать твои ошибки вместе с ошибками других читателей.

Прежде всего о задаче. Я хочу высказать несколько замечаний по поводу тех мест в твоем решении, которые помечены теми же номерами.

1) Если я правильно тебя понял, ты имеешь в виду «400». Не так ли?

2) Думаю, что ты имеешь в виду «средний процент». Слово «отношение» здесь явно не подходит.

3) Вряд ли имеет смысл предполагать, что число ветеранов с одним увечьем составляет такой-то процент от общего числа ветеранов. Из условия задачи следует, что увечья заведомо получили 85, а может быть и все 100 процентов ветеранов. Это все, что мы можем с уверенностью утверждать.

4) Какой смысл было вводить символ «*k*». Мы ни разу о нем больше не слышали!

5) Это утверждение заведомо абсурдно! «Изменяться» означает «принимать различные значения». Но число 4 — постоянная, или константа. Оно не может изменяться.

6) Ты почему-то предполагаешь, что число ветеранов, получивших 4 увечья, составляет $1/4$ числа тех, кто получил только одно увечье.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что эта задача слишком трудная для тебя. Поэтому не стану объяснять тебе, как надлежало бы решать задачу, а вместо этого дам тебе несколько советов относительно того, как следует изучать математику. Мой первый совет: «Если ты упорно и достаточно долго пытаешься что-то понять и тебе это так и не удастся, отложи то, что ты изучаешь, в сторону. Подожди до следующего утра, и, если тебе и тогда не станет ясно то, что ты хотела понять и у тебя нет человека, который мог бы объяснить непонятное место, оставь это место совсем и обратись к тому разделу математики, который тебе понятен. Когда я изучал математику в университете, рассчитывая получить почетную стипендию, мне иногда случалось, овладев 10—20 страницами, вдруг завязнуть в непролазной трясине и на следующее утро подтвердить, что все так же мало понятно, как и накануне. В таких случаях я неукоснительно следовал правилу: *начни книгу еще раз с самого начала*. И, бывало, через каких-нибудь две недели снова добирался до трудного места, но уже с таким наступательным порывом, который позволял преодолевать злополучную «заковыку» с ходу».

*) Женский журнал, в котором отдельными выпусками была опубликована «История с узелками» Льюиса Кэрролла. Эдит не справилась с задачей из X узелка о ветеранах «битвы при Трафальгаре». (70% ветеранов лишились глаза, 75% — уха, 80% — руки и 85% — ноги. Чему равна наименьшая часть ветеранов, лишившихся одновременно глаза, уха, руки и ноги?) — *Примеч. пер.*

Мой второй совет: «Никогда не оставляй нерешенную трудность *на потом*. Я имею в виду: не углубляйся в книгу дальше до тех пор, пока не преодолеешь трудность. В этом отношении математика полностью отличается от многих других предметов. Предположим, что ты читаешь какую-то итальянскую книгу и тебе встретилось безнадежно темное по смыслу предложение. Не теряй зря времени на расшифровку непонятного предложения! Пропусти его и иди дальше. Ты великолепно обойдешься и без него. Но если ты пропустишь какую-нибудь *математическую* трудность, то вскоре пожнешь плоды своей небрежности: тебе встретится какое-нибудь другое доказательство, опирающееся на пропущенное тобой утверждение, и ты будешь все глубже и глубже увязать в трясине».

Мой третий совет: «Продолжай работу лишь до тех пор, пока голова остается совершенно ясной. Как только ты почувствуешь, что мысли твои начинают мешаться, остановись и отдохни, ибо в противном случае тебя ожидает заслуженная кара: ты *никогда* не выучишь математику! Поверь мне!»

Твой искренний друг (не имеющий ни малейшего представления о том, кто ты такая)

Льюис Кэрролл

Этель Арнольд

[Крайст Черч, Оксфорд]
24 февраля 1885 г.

Дорогая Этель!

Дабы спасти еще сохранившиеся жалкие крохи нашей былой дружбы (пришедшей в упадок с тех пор, как ты сосредоточила всю отпущенную тебе способность любить на одном-единственном индивидууме в Лондоне) и не дать им кануть в забвение, я намереваюсь, если в четверг погода будет благоприятствовать этому, прибыть на наше обычное место встречи в 3¹/₂. И если ты будешь там, мы совершим с тобой прогулку, а затем заглянем сюда и выпьем по чашечке чая, который, как известно, не опьяняет, и ты расскажешь мне, каково находиться в обществе человека, некогда бывшего твоим другом!

Передай, пожалуйста, Джуди (с приветом от меня, который я посылаю ей с *большой* неохотой), что я могу *забыть*, но не могу *простить* ее в высшей степени бессердечное поведение вчера в моих апартаментах. Ты не присутствовала при этом, и я не стану терзать твою чувствительную натуру описанием содеянного ею. Но когда-нибудь я с ней расквитаюсь. Она придет ко мне едва живая от жажды, и я достану бутылку великолепного холодного лимонада. Затем я открою бутылку, налью пенящийся лимонад в большой бокал, поставлю его на таком расстоянии от нее, чтобы она могла дотянуться, и *выпью лимонад на ее глазах сам, доставив тем самым ей несказанное удовлетворение!* Ей не оставлю ни капли!

Я очень рад, что твоя матушка так хорошо выглядит и охотно принимает участие во всех развлечениях.

Неизменно любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Р. С. Все же это очень мило с твоей стороны привести повидаться со мной моего старого доброго друга. А теперь, когда она скрылась с моих глаз, какие математические соображения могли бы утешить меня? «Может быть, она ограничена и поверхностна? — сказал я себе.— Может быть, ей недостает глубины? Но она по крайней мере равносторонняя и равноугольная, словом, она не что иное, как Многоугольник!»

Эдит Рикс

Крайст Черч, Оксфорд

Дорогая Эдит!

Передай, пожалуйста, твоей матушке, что я был вне себя от ужаса, когда увидел, как она адресовала свое письмо ко мне. Я предпочитаю получать письма, адресованные так: «Преп. Ч. Л. Доджсону, Крайст Черч, Оксфорд». Если приходит письмо, адресованное «Льюису Кэрроллу, Крайст Черч», то либо его отправляют в отдел невостребованных писем, либо надпись на конверте отпечатывается в умах всех письмоношцев и других людей, через руки которых оно проходит, а именно этого мне особенно хотелось бы избежать.

Принеси, пожалуйста, своей сестре от моего имени все извинения, какие только потребуются, за вольность, которую я позволил себе с ее именем. Единственное мое оправдание состоит в том, что я знаю только ее уменьшительное имя *). Ну откуда я мог бы догадаться, как ее полное имя? Ведь ее вполне могли бы звать Карлоттой, Зилотой, Балотой или Цветком Лотоса (очень красивое имя!) и даже Шарлоттой. Я никогда в жизни не посылал ничего юной деве, о которой имел лишь самое смутное представление. Имя — загадка, возраст — где-то между 1 и 19 (ты даже не знаешь, как это утомительно представлять себе ее то в виде лепечущего карапуза пяти лет от роду, то в виде стройной девятнадцатилетней девушки!), характер — *кое-какие* сведения о ее характере мне удалось собрать (когда разговор зашел о времени моего визита к вам, твоя матушка сказала: «Лучше всего вам было бы навестить нас, когда Лотти будет дома, иначе она никогда не простит нам»). И все же я не могу рассматривать один лишь факт — ее склонность не прощать, как полное выражение всего ее характера. Думается, кое-какие другие качества у этого характера остались пока нераскрытыми.

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Уилтону Риксу

Крайст Черч, Оксфорд
20 мая 1885 г.

Достопочтенный сэръ!

Зная вас как отличного алгебраиста (отличного от всех других алгебраистов лицом, ростом и т. д.), я счел возможным представить на ваше благоусмотрение одну трудность, которая давно не дает мне покоя.

*) Лотти.— Примеч. пер.

Если каждая из величин x и y в отдельности равна 1, то ясно, что $2 \times (x^2 - y^2) = 0$ и что $5 \times (x - y) = 0$. Следовательно, $2 \times (x^2 - y^2) = 5 \times (x - y)$.

Разделив теперь обе части этого уравнения на $(x - y)$, мы получим $2 \times (x + y) = 5$. Но $(x + y) = (1 + 1) = 2$. Следовательно, $2 \times 2 = 5$.

С тех пор, как этот тревожный факт стал мне известен, я потерял покой и сплю не более 8 часов за ночь и ем не чаще 3 раз в день.

Надеюсь, вы проявите ко мне жалость и объясните, в чем тут дело.

Признательный вам *Льюис Кэрролл*

Изабел Станден

Крайст Черч, Оксфорд
11 июня 1885 г.

Таинственная вы молодая особа! Чтобы описать, как мы все утро прочесывали зал № 1 и зал № 2, как маленькая Феб время от времени приносила: «Кажется, я вижу леди, которую мы ждем!» и как отчаяние проникло ко мне в душу, когда наступило 11 часов, а Изабел все не было и как я вскрыл твое письмо во вторник утром и узнал из него, какое неудачное стечение обстоятельств помешало тебе приехать, и как я воскликнул: «Но почему она не скажет об этом ни слова!» — чтобы описать все это, нужно перо Дж. П. Р. Джеймса *), поэтому я не ставлю здесь своей подписи.

Попытаюсь взглянуть на «дом», где вы служите гувернанткой. Охраняют ли его драконы? Или мне можно похитить вас на время, чтобы мы могли погулять и побеседовать? Остаюсь, моя дорогая Изабел, как всегда

преданным вам *Ч. Л. Доджсоном*

Эдит Рикс

Лашингтон Роуд, 7, Истберв
29 июля 1885 г.

Дитя мое!

Вполне возможно, что если мы будем долго продолжать в том же духе, то наша переписка в конце концов примет вполне дружеский тон. Разумеется, я отнюдь не утверждаю, что именно так и будет (это было бы слишком смелое пророчество). Просто мне кажется, что дело движется именно в этом направлении.

Ты пишешь, что шлепанцы для слона *можно было бы* сделать, только это были бы уже не шлепанцы, а сапоги. Это замечание убеждает меня в том, что какая-то ветвь твоей фамилии непременно должна быть в Ирландии. Интересно, как их фамилия? (О дитя, будь снисходительна к моей рассеянности! Дама, живущая в доме напротив, *целый день* распевает. Репертуар ее состоит в основном из причитаний, и в ее исполнении все они звучат на один мотив. В голосе ее есть одна сильная нота, и дама об этом знает! Мне *кажется*, что это чистое ля, но у меня нет

*) Автор исторических романов.— *Примеч. пер.*

особого слуха. Стоит ей взять эту ноту, как она тотчас же завывает!) Должно быть, О'Рикси?

Что касается твоих неинтересных соседей, то я тебе очень сочувствую. Как я хотел бы, чтобы ты была здесь. Я мог бы тогда научить тебя *не говорить*: «Трудно все время ходить в гости в одно и то же место, как это делают все!»

А теперь я перехожу к наиболее интересной части твоего письма — вопросу о том, можешь ли ты считать меня твоим настоящим другом, писать мне обо всем, что тебе только вздумается, и спрашивать моего совета? Почему же нельзя? Конечно, можно, дитя мое! Для чего же я еще? Но, мой дорогой маленький друг, ты даже не представляешь, что для *меня* значат эти слова! Когда кто-то смотрит на меня или хочет спросить у меня совета, я чувствую скорее робость, чем гордость, — робость при мысли, что другие думают обо мне так хорошо и что я есть *на самом деле*. Но разве не сказано: «Уча, учись»? Впрочем, мне не хотелось бы говорить о себе, это не очень удачная тема. Возможно, о *любых* двух людях можно сказать, что, если бы каждый из них все глубже проникал в мысли другого, то любовь рано или поздно зачахла, — не берусь судить с уверенностью. Как бы то ни было, мне хотелось бы *завоевать* любовь моих малолетних друзей, хотя я знаю, что не заслуживаю ее. Пожалуйста, пиши мне свободно, так, как тебе хочется.

Теперь я дошел до города и встречи с Феб в пятницу — она брызгалась и шлепала босиком по воде, «счастливая, как птица, что летит» (это слова из той песенки, которую она напевала, когда я впервые увидел ее). Во вторник вечером принесли телеграмму: ей срочно нужно быть в театре на следующее утро. Поэтому вместо того чтобы ложиться спать, Феб принялась собирать в дорогу все вещи, и мы уехали последним поездом, добравшись до ее дома около часа ночи. Но даже те четыре дня, которые она дышала морским воздухом, и новое ощущение, к счастью, пошли ей на пользу. После ее отъезда я чувствую себя очень одиноким. Она необыкновенно милый ребенок и к тому же ребенок думающий. Было очень трогательно видеть, как в глазах ее появлялось особое выражение, когда мы беседовали с ней о Боге и о небесах, — как будто ангел-хранитель нашептывал ей что-то (мы каждый день читали с ней понемногу Библию, я не помню никого из моих маленьких друзей, кто заботился бы о душе так же, как он заботится о теле).

Разумеется, при всем том между разумом старого человека и маленького ребенка не так уж много общего, но все же, как мне кажется, некая общность существует...

Мэри Майлхэм

Лашингтон Роуд, 7, Истбери
6 сентября 1885 г.

Дорогая Мэй!

Большое тебе спасибо за персики. Они были просто *великолепны*. Съесть такой персик было *почти* так же приятно, как поцеловать тебя, хотя, разумеется, *не совсем*: думаю, что если бы я точно все измерил, то мог бы сказать «на три четверти так же приятно». Мы очень хорошо

проводим здесь время, пески здесь такие красивые. Но мне очень хотелось бы в один прекрасный день встретить тебя, и чтобы ты стирала свой носовой платочек в небольшом водоеме среди скал! Я брожу по берегу, ищу тебя, но напрасно, и тогда я спрашиваю: «Где же Мэй?» А глупый лодочник, не дослышав, отвечает: «Какой май, сэр! На дворе уже сентябрь!» И это меня совсем не утешает.

Всегда любящий тебя Ч. Л. Д.

Эдит Рикс

Крайст Черч, Оксфорд
30 октября 1885 г.

Дорогая Эдит!

Наконец, пришли автографы. Посылаю тебе в письме твои автографы. Я написал об этом Лотти и послал ей ее автографы, попросив, чтобы она показала письмо тебе — это избавило бы меня от необходимости писать об одном и том же дважды.

Не помню, сколько раз я говорил о тебе мисс Терри, но не думаю, чтобы я упоминал в разговоре о твоей работе в колледже (иначе мисс Терри не думала бы, что ты и Лотти еще «маленькие дети!»), поэтому точность замечания «о тех, кто думает и т. д.» чисто случайная.

Интересно, какое заключение тебе удастся вывести из трех посылок:

«Ни один здоровый англичанин не отшельник»,

«Все сильные отшельники здоровы»,

«Все здоровые англичане сильные».

Должен честно признаться, что они очень удивляют и беспокоят меня.

Я по-прежнему ищу всякого рода «математические изюминки», хотя отнюдь не уверен, что мне удастся объяснить их.

Твой любящий дядя Ч. Л. Доджсон

Эдит Рикс

Крайст Черч, Оксфорд
13 декабря 1885 г.

Дорогая Эдит!

В последнее время логические задачи причиняют мне немалые страдания. Я окончательно запутался с вопросом о смысле общеутвердительных утверждений, так как в обычных книгах по логике говорится, что «все x суть y » и даже *намеком* не указывается на существование какого-то x , а свидетельствует лишь о нерасторжимости соответствующих качеств: всякий раз, когда существует x , должен существовать и z . Что же касается утверждения «некоторые x суть z », то они хранят упорное молчание, а ныне здравствующие авторитеты, в том числе и наш профессор логики, придерживаются противоположных взглядов!

Одни говорят, будто свойства настолько связаны между собой, что если бы какие-то x существовали, то некоторые x должны были бы быть z . Другие усматривают в утверждении «все x суть z » только совместимость, т. е. считают, что какие-то x *могли бы* быть z , и продолжали бы утверждать с непоколебимой верой в истинность своих слов, будто «некоторые сапоги сделаны из бронзы», даже если бы перед ними выстроить все сапоги в мире и им было бы достоверно известно, что ни одна пара не сделана из меди по одной лишь причине: утверждение о том, будто сапоги тачают из бронзы, внутренне непротиворечиво. Разве это не удивительно? Мне придется упомянуть об этом в моем большом трактате по логике, но я собираюсь проводить линию «каждый автор может вкладывать в фразу любой смысл, какой ему заблагорассудится, если он объяснит его заранее». Но я не рискну утверждать «некоторые сапоги сделаны из бронзы» до тех пор, пока не раздобуду пару бронзовых сапог! Профессор логики заходил ко мне однажды побеседовать обо всем этом, и у нас вышел длинный и горячий спор с результатом $x - x$. Эту величину ты сумеешь вычислить сама.

Ч. Л. Доджсон

Марион Ричард

Крайст Черч, Оксфорд
8 февраля 1886 г.

Дорогая Марион!

Получишь ли ты наибольшее удовольствие от историй, собранных в этой книге ^{*)}, или вдоволь намучаешься с задачами, испытает ли ты удовлетворение при мысли, что твой старый друг все еще помнит тебя, или ощутишь разочарование, обнаружив, насколько он забыл твои вкусы, если вздумал послать тебе книжку вместо сдобной булочки с изюмом, — вопрос (или вопросы), решить которые я не в силах. Кстати, я вдруг задумался над тем, решаем ли мы вопросы? В том, что мы решаем ответы, нет ни малейшего сомнения, но не кажется ли тебе, что вопросы решают *нас*? Ведь, как ты знаешь, собака машет хвостом, а не хвост собакой. Например, вопрос «Увижу ли я когда-нибудь еще раз Марион?» решил, что я должен ответить: «Вряд ли. Почти все время, пока ты находишься в Истберне, она в школе, а небольшие каникулы, когда те, наконец, наступают, она проводит у своих родных в деревне.» А вопрос «Обрадуется ли она, если я когда-нибудь увижу ее снова?» решил, что я должен ответить: «К тому времени она станет особой гигантского роста, необычайно чванной и такой ученой, что *три* обыкновенных оксфордских профессора понадобятся для того, чтобы держать свечу перед ней!» Поэтому я остаюсь (содрогаясь при мысли о вольности, которую я допускаю, подписываясь так)

любящим тебя другом Чарлзом Л. Доджсоном

^{*)} Л. Кэрролл послал Марион Ричард свою книгу «История с узелками». — Примеч. пер.

Крайст Черч, Оксфорд
21 марта 1886 г.

Дорогая Лотти!

Задача, что ты мне задала, принадлежит к числу тех, которые могут быть решены только с помощью строжайшего и неукоснительного следования правилам логики.

Прежде всего совершенно невероятно, чтобы два *различных* человека почти в одно и то же время послали ручки с перьями Эди и тебе. Поэтому мы с достаточным основанием можем предположить, что ручки посланы *одним и тем же* лицом. Мы можем также смело считать это лицо вашим *другом*, поскольку *враги* никогда не делают ничего подобного.

Следующий вопрос: кто отправитель, леди или джентльмен? Поскольку ты не слышала о таинственном незнакомце (или незнакомке) решительно ничего, ясно, что это никак не могла быть леди. Ни одна женщина не в состоянии хранить секрет: если бы какая-нибудь леди послала тебе писчие перья, она непременно уведомила бы тебя письмом за несколько лет до самого события о том, что тебя ожидает, или дала бы объявление в специальной колонке газеты «Таймс». Поэтому я заключаю, что перья тебе послал *джентльмен*.

Следующий вопрос: ты с ним *едва знакома* или он тебя хорошо знает? Человек, который *случайно* познакомился с тобой, не мог бы догадаться, что такой подарок был бы тебе приятен, так как не знал бы, умеешь ли ты читать или писать. Отсюда я заключаю, что отправитель знал тебя в течение какого-то времени.

«Стар он или молод?» — еще один вопрос. Компания по выпуску авторучек «Стилограф» — а именно такой авторучкой написан твой адрес — требует, чтобы деньги высылались *одновременно* с заказом.

Ни один молодой человек не платит по счету *вперед*: если он и платит *лет через сто*, то и тогда считает, что делает великое одолжение. Поэтому мы можем считать твердо установленным, что отправитель — *джентльмен в возрасте, который поддерживает с тобой и с Эди дружеские отношения*.

Наконец, нет ли какой-нибудь зацепки, которая позволила бы нам составить суждение о его характере? Единственное его *деяние*, о котором нам известно, это *дароприношение*, и только в этом направлении мы можем устремить свою мысль в надежде испытать его характер. *Щедр* он или *жаден*? Вопрос тонкий, но я сумел докопаться до истины. Он *жаден*, так как, должно быть, сказал себе: «Я *должен* подарить девочкам *что-нибудь*, но терпеть не могу транжирить деньги. Что бы мне такое подарить им подешевле? Подарю-ка я им по перышку: *дешево и мило!*»

«Но если он такой жадный, — возразишь ты, — то зачем ему *вообще* нам что-нибудь дарить?» Боюсь, что тут, милая Лотти, я вынужден буду сдаться. Эта задача принадлежит уже к тому непонятному разделу логики, который известен под названием «женская логика» и с которым я не знаком. Могу только добавить, что остаюсь

всегда преданным тебе Ч. Л. Доджсоном

Крайст Черч, Оксфорд
25 октября 1886 г.

Дорогая Эва!

(Не моя вина, как ты знаешь, что мне приходится начинать так письмо. Как ты сама можешь засвидетельствовать, я сделал все, что мог, *не выходя за рамки вежливости*, дабы избежать знакомства с тобой и твоими товарищами по несчастью *).) Я весьма признателен тебе за адрес и дни рождения. Нелли Флетчер не значится в твоём списке, но ее день рождения я могу узнать от ее сестры, которая находится здесь. День рождения Кати Мартимер написан весьма неразборчиво и заставляет теряться в догадках. Ты написала дату так: 2⁰⁰ декабря (по крайней мере так можно передать эту закорючку, которая стоит после двойки: написанное можно прочесть и как 2, и как 20, 23, 26 или 29. Если я когда-нибудь вздумаю послать ей бриллиантовый браслет в подарок на день рождения, то мне придется основательно поиздержаться, да и упаковать 6 браслетов будет довольно хлопотно, зато я буду уверен, что она непременно получит подарок в свой день рождения. (Начав письмо так, как я начал, я считаю совершенно необходимым закончить его так, как я закончу, чтобы *не впасть в противоречие*. Ведь если мы впадаем в противоречие, то мы ничто. Если бы в начале письма я обратился бы к тебе, как к «мисс», то закончить его я должен был бы: «Искренне Ваш...» Но возможна ли искренность в подобных обстоятельствах? Поэтому я кончаю письмо.)

Преданный тебе Ч. Л. Доджсон

P. S. Передай привет от меня Глэдис. Что она имела в виду, когда сказала, что за 24 часа до того, как ей полагается отправляться спать по субботам, она *бодрствовала*. Если она не спала, то что происходило в то знаменательное время? Думаю, что кто-то очень хотел спать!

Кэтрин Сэвил Кларк

Крайст Черч, Оксфорд
5 ноября 1886 г.

Дорогая Китти!

Куда катится этот мир! Слышанное ли это дело, чтобы юная леди не старше 24 лет написала письмо *джентльмену* не моложе 25 лет и подписалась «любящий вас маленький друг»? Нет слов, чтобы выразить, как я потрясен! Я просмотрел весь словарь и не смог найти слов, которые были бы достаточно сильными для этого, пока, наконец, не дошел до буквы Z, после чего мне пришлось оставить свою затею, поскольку, как ты знаешь, на «Z» начинается немного слов.

Мне было очень приятно прочитать, что тебе «очень приятно иметь» меня,— только, милое мое дитя, не следует говорить обо мне так, будто я корь.

* Соученицами Эвы Пиндер по школе миссис Кук.— *Примеч. пер.*

Я был бы очень рад приехать и посмотреть, как ты и твои друзья разыгрываете пьесы, только не «самые трагические трагедии», как ты собираешься в честь моего приезда. Боюсь, что от таких трагедий я и без того устал: их так много. Думаю, мне лучше приехать, когда вы будете играть *три* трагедии (больше я просто не вынесу). Если мне позволено *выбирать*, то я предпочел бы «Гамлет», «Отелло» и «Макбет».

Передай привет мышке-соне и твоим сестрам.

Любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Уинфред Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
22 мая 1887 г.

Дорогая Уинни!

Поскольку ты очень устала от чтения этого длинного-преддлинного письма, я кончаю писать и ставлю подпись.

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Р. S. Ты даже не представляешь, как трудно мне было написать «Уинни» вместо «мисс Стивенс» или «любящий тебя» вместо «преданный Вам». Р. Р. S. Я *надеюсь*, что через год-другой мне удастся выкроить время и пригласить тебя еще на одну прогулку. Правда, к тому времени Время начнет «оставлять морщины на твоем безоблачном челе», но какое это имеет значение? Чем *почтеннее* возраст того, с кем идешь на прогулку, тем более юным выглядишь сам. Мне будет приятно услышать, как люди станут шепотом спрашивать друг у друга:

— Кто этот милый мальчик, который идет рядом вон с той дряхлой старушкой? Он заботится о ней так трогательно, словно она его прабабушка!

Р. Р. Р. S. На этом писать кончаю, так как очень тороплюсь.

Эдит Люси

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
10 сентября 1887 г.

Дорогая Эдит!

Ты *действительно* не должна думать, будто что-нибудь в твоём поведении могло показаться мне грубым хотя бы в малейшей степени! Ничего грубого в твоём поведении не было. Нет, дорогое мое дитя, существует множество различных вещей, которые ты *можешь* делать, но есть и такие вещи, которые ты сделать просто *не в силах*. Например, перепрыгнуть через Луну или быть грубой с кем-нибудь.

Преданный тебе Ч. Л. Д.

Эдит Блейкмор

Крайст Черч, Оксфорд
22 декабря 1887 г.

Дорогая Эдит!

Какая странная вещь Память! Она вся состоит, как ты должно быть знаешь, из закоулков и полочек, на которых очень удобно спрятать что-нибудь подальше с глаз. На одной из таких полок (которая *начала* было покрываться пылью от того, что на нее давно не заглядывали) я обнаружил имя маленькой девочки, с которой я давным-давно, в Средние века (в эпоху Карла Великого), встречался в Истберне.

Если я могу верить бирмингемским газетам, то эта маленькая девочка теперь около 6 футов росту и когда она появляется на улицах, вокруг нее собираются восторженные толпы. Однако она, должно быть, изрядно состарилась и теперь, когда она снова *впала в детство*, самое время порадовать ее книжкой.

Я посылаю эту книжку заблаговременно, чтобы ты могла ее читать, когда захочешь.

Это работа одного из моих больших друзей миссис Шют, которая вышла замуж за одного из преподавателей колледжа Крайст Черч, а теперь, будучи еще совсем молодой, осталась вдовой. Она живет в Лондоне со своим старым отцом и занимается рисунком и живописью в «Слейде», находя в этих занятиях удовлетворение. Она великолепно рисует *фигуры*. Об этом ты можешь судить хотя бы по этим рисункам кукол. Думаю, она поступила очень мудро, придав лицам кукол так много различных *выражений*.

Наилучшие пожелания твоей маме, сестре, брату и тебе самой. Веселого всем вам Рождества!

Всегда преданный тебе Ч. Л. Доджсон

Шарлотте Рикс

Честнатс, Гилдфорд
29 декабря 1887 г.

Дорогая Лотти!

Всегда желательно, а иногда и возможно, умерить безумную ревность, с которой младшая сестра (остающаяся в лохмотьях среди золы и пыли) наблюдает за отъездом старшей сестры, разодетой в пух и прах, в чертоги, залитые ослепительным светом, если в критический момент подарить младшей сестре подходящий к случаю подарок, который обычно встречается в двух разновидностях — шоколадного драже или книги с цветными картинками. Эта книга моего большого друга художницы миссис Шют: она занимается в Школе искусств Слейда и, как мне кажется, действительно великолепно рисует фигуры. Ты вряд ли сможешь судить о ее искусстве по рисункам кукол. Думаю, она поступила достаточно мудро, придав лицам кукол различные выражения.

Наше с тобой знакомство длилось каких-нибудь 2 часа, не так ли? Как странно, что мы с тобой все еще друзья! Я подумываю о том, чтобы написать оду, которая начиналась бы словами:

Не беда, что знаком я с тобой
Два часа, иль каких-то сто двадцать минут.
Ведь с тех пор мы друзья,
И немало нас ждут...

и т. д. и т. п., только не знаю, как придать ей должный пафос. Мне почему-то кажется, что не следует писать о том, что «твой локон, увы, поседел!»

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Люси Уолтерс

Крайст Черч, Оксфорд
17 марта 1888 г.

Дорогая Люси!

Когда я спрашиваю себя, чем может быть вызвана столь резкая перемена в отношениях, чем я мог столь сильно обидеть тебя, чтобы после письма от 8 февраля, подписанного «Любящая Вас», получить письмо от 15 марта, подписанного уже «Искренне Ваша», повторяю, когда я спрашиваю себя, то причина на первый взгляд кажется окутанной тайной. Тем не менее жизненно важно установить, в чем состоят мои прегрешения, и, если это возможно, принести за них свои извинения, ибо требуется лишь самое поверхностное знакомство с тройным правилом, чтобы понять, что наша переписка будет продолжаться по нисходящей («С неизменным почтением», «С уважением»), пока наконец ты не напишешь мне в третьем лице («Мисс Люси Уолтерс свидетельствует свое почтение и т. д.»).

Десять часов напряженных размышлений открыли мне глаза. Как я теперь вижу, мой (почти) неисправимый промах состоял в том, что, получив очень милое письмо от тебя с приглашением побывать в Херкмеровой школе искусств в Баши (Хертфордшир), я последовал дурному совету и ответил *моей двоюродной сестре Энни*.

Признаю, что это было с моей стороны очень дурно и жестоко. Единственное, чем я могу, как мне кажется, поправить дело,— это выбрать несколько писем, полученных мной от *других* людей, и ответить на них тебе.

Не удивляйся поэтому, моя дорогая Люси, если получишь от меня послание вроде следующего:

«Дорогая Люси! Верно ли, что бедная восковая кукла упала и разбила себе нос? Если так, то мне ее очень жалко...»

Или, например, ты получишь такое письмо:

«Дорогая Люси! Присланный вами на пробу образец вина мною одобрен. Пришлите, пожалуйста, шесть дюжин и обеспечьте сохранность при доставке...»

Или, например, такое письмо:

«Дорогая Люси! Если часы, оставленные у вас для ремонта, не будут возвращены мне в течение месяца, то я буду вынужден обратиться к моему нотариусу с просьбой...»

Ясно, что я получил письма от маленькой девочки, от поставщика вин и от часового мастера, а ответы им всем прислал тебе.

Могу ли я надеяться на то, что после того, как ты получишь дюжину или около того таких писем, то сочтешь их вполне достаточной компенсацией за совершенное мной преступление и постепенно вернешься к тем дружеским отношениям, которые так долго существовали между нами?

Всегда любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Племяннице Менелле Доджсон

Крейст Черч, Оксфорд
10 мая 1888 г.

Дорогая Нелла!

КАК! Ты не хочешь ждать 18 лет? Странно!

Ведь как только пройдет 17 лет 11 месяцев и 3 недели, тебе останется ждать лишь одну неделю. А что такое неделя? Поскольку решить столь трудную загадку почти невозможно, я скажу тебе ответ (только, пожалуйста, не говори никому): неделя — это семь дней!

Часовщик сообщил мне, что на изготовление часов ему потребуется 18 лет и 5 дней, но я сказал: «Нельзя ли побыстрее?» — и дал ему понять, что тебе очень не хотелось бы ждать еще и 5 дней. Узнав об этом, часовщик пообещал приложить все усилия, чтобы закончить часы к концу восемнадцатилетнего срока.

Иметь собственные часы будет очень удобно: если Эдит когда-нибудь бросит свои часы в тебя, ты сможешь бросить свои часы в нее. И те и другие часы разобьются, а поскольку новых часов я тебе не подарю, все кончится ко всеобщему удовольствию...

Любящий тебя дядя Чарлз Л. Доджсон

Эдит Нэш

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
10 августа 1888 г.

Дорогая Эдит!

Это очень жестокая шутка с твоей стороны сообщить мне, что ты в Дувре, когда тебе прекрасно известно, что я всегда отдыхаю в Истберне! Думаешь, примчаться в Дувр, чтоб взглянуть на тебя, так же легко, как перейти Лашингтон Роуд? А я проделывал это раз или два, ты помнишь? Совсем другое дело приехать в Дувр и остаться там хотя бы на короткое время.

Но предположим, что я буду в Дувре 20-го или 21-го и предположим, что мне захочется сходить в театр на «Как вам это нравится?» Шекспира. Возникает очень важный вопрос:

— *Позволят ли тебе пойти со мной в театр?*

Если ты ответишь «да», то возникает более важный вопрос:

— *Захочешь ли ты пойти со мной в театр?*

Если ты ответишь «да», то возникает еще более важный вопрос:

— *Пойдешь ли ты со мной в театр?*

Если ты ответишь «да», то возникает самый важный вопрос:

— *Вырос ли твой крохотный умишко до достаточно больших размеров, чтобы Шекспир тебе понравился?*

Ведь в Шекспире смысла несравненно больше, чем в той пьесе («Корневильские колокола?»), на которую я водил тебя в Девонширский зеленый театр.

Как ты думаешь? Достаточно ли ты взрослая («большая»), чтобы наслаждаться Шекспиром?

Самые лучшие пожелания твоим родителям и привет Барбаре.

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Эдит Рикс

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
15 августа 1888 г.

Мой дорогой, старинный и незабываемый (хотя и несколько забывчивый) друг!

(Разве это не прекрасное начало?) Посылаю тебе книжку (великолепное средство для сильной головной боли и бессоницы). Она напомнит тебе о друге, к которому ты некогда питала (быть может, несколько наигранную) привязанность.

Я пробыл здесь в полном одиночестве около 3 недель, наслаждаясь сознанием того, что могу гулять, не встречая ни одного знакомого лица, и могу ни с кем *не разговаривать!* Поэтому всю свою интеллектуальную мощь я сосредоточил на своей книге (повести) и смог за это время основательно продвинуться.

Однако я основательно устал от того, что у меня не было ни одного друга детского возраста. Поэтому я познакомился с девочкой лет двенадцати, которая живет через несколько дверей от меня. Я *надеялся*, что моя новая знакомая — *единственная* девочка в семье. Каков же был мой ужас, когда я узнал, что она одна из шести сестер, старшей из которых около двадцати пяти лет! (Я никогда не умел разговаривать с девушками старше двадцати.) Но, по-видимому, это хорошая семья.

О Эдит, если бы ты могла приехать и побыть немного здесь! Думаю, что твоих опасений относительно миссис Гранди можно было бы избежать, организовав 2—3 визита, наносимых последовательно. Истберн был бы одним из них. Если миссис Гранди заглянет и спросит, где ты, ей просто будет сказано: «Мисс Эдит нет дома, она совершает раунд визитов». Противная старая сплетница вряд ли настолько въедлива, чтобы попытаться: «А где она сейчас?» Во всяком случае, если она такова, то вполне заслуживает, чтобы ее довольно резко оборвали! Возможно, мне удастся уговорить Эдит Барнс нанести еще один визит (ты будешь шокирована, когда узнаешь, что ей в этом году исполнится двадцать лет!). Есть неплохой шанс за то, что ко мне в гости приедет еще один мой маленький друг Иза Боумен. Но если бы ты приехала, то, разумеется, все визиты были бы распределены так, чтобы не помешать твоим планам.

Любящий тебя дядя Ч. Л. Доджсон

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
1 сентября 1888 г.

Дорогая Нелли!

Одного большого письма вполне достаточно. Я подпишусь под ним своим настоящим именем. Другим именем я пользуюсь в своих книгах по одной простой причине: я не хочу, чтобы меня знал кто-нибудь, кроме моих друзей. Мне кажется, что ты и я непременно будем друзьями. Даже когда я вошел в вагон и сказал: «Пожалуйста, не вставайте из-за меня! Ложитесь на свое место!» — а ты ответила: «Нечего тут командовать! Занимайтесь-ка лучше своими делами!» — то и тогда я только подумал: «Ничего! Вскоре мы познакомимся поближе!» Даже когда я предложил тебе головоломку, а ты сказала: «Не хочу! Терпеть не могу головоломки!», даже тогда я подумал: «Должно быть, что-то выводит ее из терпения! Долго это не продлится!» Самое большое разочарование я испытал, когда обратился к тебе со словами: «Ты только посмотри, Нелли! Сидней решил головоломку!», а ты ответила: «Ничего подобного! Да он за всю свою жизнь не решил ни одной головоломки!» Вот тут я почти оставил надежду. Но затем я подумал: «Пошлю-ка я ей что-нибудь, либо сдобную булочку из пекарен Челси, либо книжку! Может быть, тогда она не будет такой грубой!» Потребовалось 3 или 4 месяца, чтобы решить, чему именно следует отдать предпочтение: булочке или книжке. Хотел бы я знать, одобрила ли ты мой выбор? Может быть, тебе больше по вкусу пришлась бы сдобная булочка?

Я в большом затруднении относительно того, какую книгу послать Сиднею. Он выглядит слишком юным для «Сквозь зеркало». Хотя головоломку он все-таки решил (не помню уже, какую; думаю, «Четыре бедняка» *).

Как бы мне хотелось, чтобы ты жила не так далеко. Боюсь, что мы никогда больше не увидимся. Почему бы тебе не приехать в Истберн и не побыть здесь немного? Это очаровательное место, и я надеюсь пробыть здесь примерно до 10 октября. Мое постоянное обиталище — Крайст Черч, Оксфорд, но сюда я приезжаю каждое лето.

Твой новый старый (новый как друг, старый как человек) любящий тебя друг

Чарлз Л. Доджсон

Племяннице Люси Доджсон

Копия переписки между А. В. (мистером А. Бахом) и С. D. (мистером Ч. Доджсоном). Март 1889 г.

1. (от А. В. к С. D.)

Какого цвета циферблат вы предпочитаете?

2. (от С. D. к А. В.)

Цвета лица молоденькой девочки.

* См. задачи 8 и 52 из «Полуночных задач» (в книге «История с узелками»). — Примеч. пер.

3. (от А. В. к С. D.)

Это лучше, чем золотой циферблат — цвет лица ребенка, больного желтухой. Все дети болеют желтухой.

4. (от С. D. к А. В.)

Этот ребенок не болел.

5. (от А. В. к С. D.)

Я имел в виду, что все дети обычно болеют желтухой.

6. (от С. D. к А. В.)

Этот ребенок *обычно не болеет* желтухой: если и болеет, то не чаще 2—3 раза в год. Циферблат должен по цвету подходить ей к лицу, когда она вполне *здорова*.

7. (от А. В. к С. D.)

Это зависит от того, сколько уроков у нее каждый день.

8. (от С. D. к А. В.)

Что вы имеете в виду?

9. (от А. В. к С. D.)

Разве не ясно? Если ребенок занимается в день в течение *одного* часа, то цвет лица у него ярко-красный. Если ребенок занимается в день *два* часа, то цвет лица у него не столь яркий, и т. д. А сколько часов в день занимается эта зверюшка?

10. (от С. D. к А. В.)

Она не зверюшка.

11. (от А. В. к С. D.)

Значит, она *растеньице*. Не придирайтесь к словам.

12. (от С. D. к А. В.)

Около 25 часов в сутки.

13. (от А. В. к С. D.)

Прекрасно! Теперь я знаю, что делать. Циферблат по цвету будет точно подходить к ее лицу. Когда ребенок работает 25 часов в сутки, его лицо...

14. (от С. D. к А. В.)

Что его лицо?

15. (от А. В. к С. D.)

Неважно!

Я решил, что дальнейший обмен письмами бесполезен.

Ч. Д.

Изабелле Боумен

Крайст Черч, Оксфорд
14 апреля 1890 г.

Дорогая моя!

Хорошо вам втроем — тебе, Нелли и Эмси — посылать мне миллионы объятий и поцелуев. Но прошу тебя, подумай, сколько времени отняло бы такое количество объятий и поцелуев у твоего старого и очень занятого дядюшки! Попробуй обнимать и целовать Эмси в течение одной минуты по часам и ты убедишься, что делать это быстрее, чем 20 раз в минуту, нельзя. «Миллионы» же означают по крайней мере 2 миллиона.

2 000 000 (объятий и поцелуев) : 20 = 100 000 (минут).

100 000 (минут) : 60 = 1666 (часов).

1666 (часов) : 12 = 138 (дней, считая, что день продолжается 12 часов).

138 (дней) : 6 = 23 (недели).

Я не мог бы обнимать и целовать вас больше чем по 12 часов в сутки и не хотел бы проводить за этим занятием воскресенья. В итоге, как ты видишь, на миллионы объятий и поцелуев мне пришлось бы затратить 23 недели тяжелой работы. Нет, милая моя девочка, я просто не в состоянии столь расточительно расходовать свое время.

Почему я не писал с тех пор, как отправил тебе последнее письмо? А как я мог, мое глупенькое-глупенькое дитя? Как я мог написать тебе, *если последнее письмо я уже отправил, а это еще не написал?* Если хочешь, можешь сама проверить на поцелуях. Пойди и поцелуй Нелли от меня несколько раз и попытайся поцеловать её *после того, как ты поцелуешь ее в последний раз*, и перед тем, как ты поцелуешь ее в следующий раз. А теперь возвращайся на свое место. Я хочу задать тебе несколько вопросов.

— Поцеловала ли ты Нелли несколько раз?

— Да, дорогой дядя.

— Во сколько ты поцеловала ее в *последний раз*?

— В пять минут одиннадцатого, дядя.

— Прекрасно! Целовала ли ты ее с тех пор?

— Видите ли, дядя... Я... гм! ... кха-кха! (Простите, дядя! У меня такой сильный кашель!) Я думаю... Я думаю... То есть я хочу сказать... И...

— А! Понимаю! «Иза» начинается с буквы «И». Сдается мне, что на *этот раз* последняя буква тоже будет «И».

Во всяком случае я не писал тебе не потому, что был *болен*, а потому, что я ужасный лентяй и все откладывал письмо к тебе со дня на день, пока, наконец, не сказал себе:

— Хорошо, нечего сказать! Теперь уже писать письмо просто некогда, ведь 1 апреля они *отплывают*.

И я бы ничуть не удивился, если бы это письмо пришло из Фулхэма, а не из Луисвилля. Думаю, к середине мая вы доберетесь туда. Но прошу тебя, не пиши мне писем оттуда! Я просто не смогу вынести этих ужасных писем! Я их *терпеть не могу*! Стану ли я целовать твои письма? Думаю, что вскоре смогу поцеловать (и не раз!) тебя, надоеда ты эдакая! Но достаточно на сегодня!

Большое тебе спасибо за те две фотографии. Они мне — гм! — *очень* понравились. По правде говоря, я считаю их лучшими из всего, что видел.

Передай мои наилучшие пожелания своей маме, 1/2 поцелуя Нелли, 1/200 поцелуя Эмси, а 1/2000000 поцелуя возьми себе. Остаюсь искренне любящий тебя дядюшка

Ч. Л. Доджсон

Лашингтон Роуд, 7, Истерн
30 августа 1890 г.

Ты противная-препротивная, испорченная девчонка! Ты забыла наклеить на конверт марку, и твоему бедному старому дядюшке пришлось доплатить ДВА ПЕНСА! Отдать последние два пенса! Подумай об этом. За это я тебя строго накажу, когда ты здесь будешь. *Трепещи!* Слышишь? Ну, пожалуйста, трепещи!

Сегодня у меня нет времени, и я задам тебе только один вопрос. Кто эти «все», которые присоединяются к тебе, когда ты пишешь, что обнимаешь и целуешь меня? Может быть, тебе почудилось, что ты дома и ты решила передать мне приветы (как это часто делают) от Нелли и Эмси, которые ни о чем таком и не помышляли? Хорошенькое дело — посылать приветы от людей, которые и не думали передавать их. Я не хочу сказать этим, будто считаю такие приветы *обманом*; все знают, что обычно приветы посылают, хотя их никто не передает; но удовольствия такие приветы доставляют меньше. Мои сестры пишут мне: «С горячим приветом от всех». Я знаю, что это неправда и ценю такие «приветы» не очень высоко. В другой раз муж одной из девочек, с которой я дружил, когда она была маленькой, закончил письмо ко мне словами: «Этель также шлет вам наилучшие пожелания». В ответном письме я (разумеется, в шутку) заявил: «Я не собираюсь посылать Этель наилучшие пожелания, поэтому не стану *вообще* писать ей *ничего*». Вскоре Этель сообщила мне, что ничего не знала о письме мужа ко мне. «Разумеется, я не стала бы посылать наилучшие пожелания», — и добавила, что непременно поделится с мужем собственным умом. Бедный муж!

Неизменно любящий тебя дядя Ч. Л. Д.

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
15 марта 1891 г.

Дорогая Энид!

Передай маме, что я очень удивлен и еще больше польщен ее письмом. Я надеюсь, что она привезет тебя ко мне на чашку чаю и что в тот день, когда это случится, ты будешь в хорошем настроении: плачущие дети в нашем колледже не особо желательны, к тому же они раздражают декана. Как всегда посылаю тебе свой нежный привет. Возьми молоток, сильно стукни по моему привету, а когда он развалится на две части, отдай половинку Уинни.

Всегда любящий тебя Ч. Л. Доджсон

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
7 апреля 1891 г.

ДОРОГАЯ Энид!

Итак, ты считаешь себя достаточно храброй, чтобы отважиться совершить со мной прогулку? Я не ошибся? Тогда я найду за тобой 31 апреля в 13 часов и сначала мы отправимся с тобой в Оксфордский зоопарк, где я суну тебя в клетку к ЛЬВАМ, а когда те как следует насытятся, суну то, что от тебя еще останется, в клетку к ТИГРАМ. Затем мы вернемся ко мне, и я толстой палкой хорошенько вздую мою новую маленькую приятельницу. Потом я запру тебя в угольном чулане и посажу на целую неделю на хлеб и воду. Домой я отвезу тебя на тележке, на которой развозят молоко,— в жестянке из-под молока. После всего этого, когда я в следующий раз загляну к вам в гости, ты закричишь громче, чем КАКАДУ!

Любящий тебя друг *Льюис Кэрролл*

Уинфред Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
30 апреля 1891 г.

Дорогая Уинни!

Так нечестно! Я предвкушал удовольствие от прогулки в Хедингтон с Энид, а вместо этого вынужден довольствоваться *скучной* прогулкой с ее *старшей* сестрой! Леди «в возрасте»,— конечно же, весьма преклонном, угрюмая, сварливая, но делать нечего! Будь, что будет!

Вот и все, дорогая Уинни. Если ты когда-нибудь получишь от джентльмена письмо, которое будет еще более грубым, чем это, пожалуйста, покажи его мне!

Любящий тебя друг *Ч. Л. Д.*

Сиднею Боулсу

Крайст Черч, Оксфорд
22 мая 1891 г.

Дорогой Сидней!

Мне так стыдно, я так сожалею! Ведь я даже не подозревал о твоём *существовании*, веришь? Получить от тебя привет было для меня *такой* неожиданностью! Я чувствовал себя так, словно кто-то неожиданно вбежал ко мне в комнату и поцеловал меня! (Такое со мной происходит теперь почти каждый день.) Если бы я только знал о твоём существовании, то давно передал бы тебе целый *ворох*, кипы приветов! Поразмыслив, я понял, что мне следовало передать тебе приветы, не особенно заботясь о том, *существуешь* ты или не *существуешь*. По *каким-то* причинам люди, которые не существуют, гораздо приятнее в обращении, чем

те, которые *существуют*. Например, люди, которые не существуют, никогда не бывают грубыми, они никогда не *противоречат* тебе и никогда не *наступают на ноги*! Как видишь, они действительно гораздо приятнее в обращении, чем те, которые *существуют*. Впрочем, неважно: ведь ты *существуешь* и с этим ничего не поделаешь, и я беру на себя смелость утверждать, что в обхождении ты такой же приятный, как если бы ты не существовал.

Какую книгу мне подарить тебе теперь, когда я твердо знаю, что ты *существуешь*? Нравится ли тебе «Алиса в Стране Чудес»? А «Алиса в подземелье»? (Это та книга, которую я написал сначала, с моими собственными иллюстрациями.)

Передай от меня привет и поцелуй Уинни, Вере и себе (только не забудь *поцеловать* самого себя, лучше всего в лоб).

Преданный тебе *Льюис Кэрролл*

Беатрис Эрл

Крайст Черч, Оксфорд
14 июня 1891 г.

Дорогая Бил

Какие жесткие требования предъявляют *некоторые* люди к своим друзьям! Недавно я составил несколько сизигий^{*)} на имя одной своей юной приятельницы и спросил ее в письме, не хочет ли она совершить со мной прогулку. Вот каким был ее ответ:

«Благодарю вас за сизигии. Думаю, что вы получите за эту цепочку 22 очка. Если вам это удастся, то я буду очень рада совершить с вами прогулку».

В действительности я уже получил за ту головоломку 17 очков и склонен думать, что это число очков максимально возможное. Эта же *требовательная* юная особа хотела подвигнуть меня на еще большие свершения, и поскольку самым сильным для меня побудительным мотивом, который она могла придумать, была прогулка в ее возвышающем душу обществе, эта прогулка и была мне обещана, *если* мне удастся одержать победу.

Не отрицая *ценности* предложенной награды, я все же должен заметить, что *невозможное* остается *невозможным*, какие бы перспективы вам ни сулили за то, чтобы совершить невозможное. Поэтому я не стану предпринимать больше никаких попыток.

Любящий тебя Ч. Л. Доджсон

P. S. Причина, по которой я не зашел за тобой на прогулку во вторник, заключается в том, что в это время мне необходимо было поездом в 2.2 отправиться в Салисбери, а я не умею находиться в двух местах сразу (независимо от того, можешь ли проделывать нечто такое или нет).

^{*)} Сизигии, или цепочки,— здесь словесная игра, придуманная Льюисом Кэрроллом.— *Примеч. пер.*

Элен Боумен

Крайст Черч, Оксфорд
1 ноября 1891 г.

Ч. Л. Д. дядюшке тебя любящему — внуку его, а ему не салфетку послала и забыла об этом ты, с тех пор прошли которые, лет 80 или 70 за что, лишь жаль. Любила очень его ты, что неудивительно, и старичком приятным очень был он. Ему только предназначаться могла салфетка поэтому. Дедушка мой был Доджсоном дядей единственным и, не родился еще я в то время ведь. Сам догадался я — Доджсона для дяди красивое очень кое-что сделаю я: про себя сказал ты, к работе приступая, что о том, а салфетку вышила ты давно-давным, что узнал я от нее. Иза сказала об этом мне? Предназначалась она для кого, узнал я как, знаешь. Сохранилась прекрасно эта салфеточка. Дедушки для моего вышила ты, которую салфеточку изящную в подарок от тебя получить было мне приятно как! Нелли, дорогая моя

Племяннице Вайолет Доджсон

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
10 августа 1892 г.

Дорогая Вайолет!

Дикая идея только что пришла мне в голову: ведь ты *вполне* могла бы приехать и погостить у меня несколько дней! Я написал об этой идее твоему отцу, и он и твоя матушка (разумеется, *весьма* неохотно) дали свое согласие. Теперь все зависит от тебя. Если ты ответишь: «Нет! Нет!! Нет!!!», — ну что ж, тогда мне придется сообщить твоим родителям: «Игра окончена! Она задирает нос и не желает принять мое приглашение! А *кончик* носа у нее (как кончики всех носов) и без того *вздернут*! Когда перед тобой задирают нос, это унижительно, но я из всех сил постараюсь вытерпеть!»

Если ты ответишь мне, что, *вообще говоря*, ты не знаешь, как тебе поступить, но думаешь, что *один раз* побывать у меня в гостях все же можно, то я назначу день, заеду за тобой в Гилдфорд и привезу тебя к себе. Мы *сделаем вид*, будто ты погостишь у меня дня 3—4, хотя я отлично знаю, что на следующий же день ты захочешь вернуться домой.
Любящий тебя дядя Чарлз Л. Доджсон

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
17 ноября 1892 г.

Дорогая моя!

(Я действительно начинаю свои письма к тебе так же, как к Изе! Она простит мне эту вольность, но не знаю, простишь ли ты!) Как мне жаль, что у тебя только *один* большой палец на ноге! Ведь если бы у тебя было *два* больших пальца и один вдруг заболел, то ты могла бы прыгать на *другом*, поэтому очень жаль, что другого большого пальца у тебя *нет*!

Если ты не можешь прийти утром, то я отложу поход на выставку до следующей *недели*.

Все же я буду завтра у галереи в 2¹/₂, и если ты доберешься до нее на трамвае, то хорошо, а если ты не сможешь, то я немного (минут 10—12) подожду сам с собой.

Любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
12 декабря 1892 г.

Хотел бы я знать, дорогая моя, что ты там «обнаружила». Ты прислала мне 7 изящно написанных примеров на подсчет денежных сумм, и во всех примерах после «итога» значится 12 фунтов 18 шиллингов 11 пенсов. Но ты не говоришь, что ты в них обнаружила! Уж не думаешь ли ты, будто обнаружила, что счет на *любую* сумму денег, какую только ты можешь придумать, даст в итоге 12 фунтов 18 шиллингов 11 пенсов. Если ты действительно *так* думаешь, то давай проверим твою догадку каким-нибудь другим способом. Предположим, что однажды ты встречаешь во время прогулки одного за другим семерых людей и у каждого из них палка в руке. Ты возвращаешься с прогулки и говоришь своей маме: «Знаешь, я обнаружила кое-что! Оказывается, в Оксфорде все разгуливают с палками!» Предположим, что в следующий раз ты встречаешь во время прогулки человека с зонтиком. Что ты теперь скажешь о правиле, которое ты, по твоим словам, обнаружила? А теперь вернемся к задаче с деньгами. Предположим, что ты решаешь следующий пример и у тебя получается 10 фунтов 15 шиллингов 9 пенсов. Ты по-прежнему будешь утверждать, что «обнаружила кое-что в вашей задаче»?

А вот еще одна задача-головоломка для тебя. Не одолжит ли твоя матушка мне дочку в следующую пятницу? Разумеется, обычным забавным образом. Как? Ты не знаешь, что означает «обычным забавным образом»? Тем самым образом, которым твоя матушка имеет обыкновение одалживать дочку. Она говорит: «Можете прийти к нам в дом, можете сидеть у нас, сколько захотите, можете держать дочку у себя на коленях, можете целовать ее раз в полчаса (но не чаще!), *только не забирать ее никуда из дома*».

Предположим, что ты отправилась к Жанет (кстати сказать, я был *очень* огорчен, когда узнал, что вы снова поссорились!) и спросила: «Жанет, дорогая, не одолжишь ли ты мне свой зонтик?» И предположим, Жанет тебе ответила: «Конечно, Энид, дорогая! Вот мой зонтик. Ты можешь сидеть здесь, сколько захочешь, можешь сжимать его в своих объятиях, можешь целовать его раз в двадцать минут (но не чаще!), *но не выносить из дома*». Если бы Жанет так ответила, то что бы ты подумала? Боюсь, что ты поссорилась бы с ней еще сильнее, чем обычно!

Любящий тебя друг Ч. Л. Доджсон

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
28 февраля 1893 г.

О, мое дорогое дитя! Как ты меня *озадачила*! Я до сих пор не могу разгадать присланный тобой шифр, но хотел бы знать одну вещь. Всегда ли каждый символ означает одно и то же? Шифр хорош, если его может прочитать лишь тот, кто знает *ключ* к нему. Но если какой-нибудь символ означает у тебя то А, то Б, то В, то твой шифр не сможет прочесть никто, даже если у него будет ключ, ибо откуда он будет знать, каким значением символа ему надлежит воспользоваться?

В твоём шифре очень часто встречается комбинация «vw». По-видимому, «vw» означает «th», но в других местах эта расшифровка не подходит: я никак не могу справиться с комбинацией «vw vw». Ей должна была бы соответствовать комбинация «th th», но ведь никто, как ты знаешь, не говорит «the the».

Я с радостью загляну к вам в пятницу и выпью с тобой чаю или, если ты предпочитаешь, свожу тебя куда-нибудь. Думаю, что когда ты пишешь «в половине пятого», это означает, что *до этого* времени ты будешь занята, а в половине пятого поздно отправляться в Крайст Черч: у тебя бы не осталось времени, чтобы хотя бы немного побыть в стенах колледжа.

Любящий тебя Ч. Л. Д.

Энид Стивенс

Крайст Черч, Оксфорд
27 июня 1893 г.

Дорогая Энид!

Просмотри, пожалуйста, этот список книг и вычеркни названия тех, которые ты либо *уже читала*, либо не будешь читать, даже если я дам тебе за это 6 шиллингов. Если мы когда-нибудь совершим вместе поездку по железной дороге (это совершенно невероятно, но чего только не бывает на свете!), то я смогу захватить с собой какую-нибудь книгу, которая, возможно, позволит тебе сохранить *умеренно* хорошее настроение хотя бы какое-то время.

Прими три поцелуя — × × × — от

любящего тебя Ч. Л. Д.

Эдит Миллер

Лашингтон Роуд, 7, Истберн
30 июля 1893 г.

Дорогая Эдит!

Нет ли где-то рядом с тобой девочек, которые начинают жаловаться на мальчиков (где-то рядом со мной), что те не приходят навестить их и не водят их на прогулки так часто, как им хотелось бы?

Дело в том, что мальчики всю неделю остаются *совсем* без прогулок. Они внезапно сделали удивительное открытие: оказывается, они умеют *писать*! И их перья заработали вовсю. Они часами переписывали прекраснейшие высказывания, какие только тебе приходилось видеть, например «Терпенье и труд все перетрут», и тому подобные прекрасные мысли.

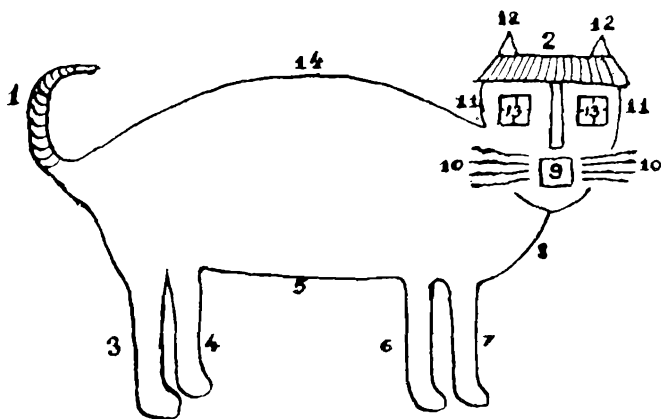
Кроме того, мальчики начали спрашивать, почему девочки никогда не придут навестить их. Почему девочки никогда не придут в Истберн?

Но шутки в сторону! Я действительно *был бы рад*, хотя я *очень* занят и моя работа над книгой успешно продвигается, если бы мои занятия время от времени прерывались вторжением девочки!

Я хотел бы, чтобы Мэй назвала день (не раньше среды, чтобы я успел уладить все дела с друзьями), когда она сможет приехать ко мне и провести день в Брайтоне. Мы отправимся туда поездом (конечно, ехать поездом не то, что плыть пароходом, но зато не так качает), и, хотя мы не сможем сейчас остановиться, как обычно, у моей сестры, я приглашу ее на *завтрак* к одному моему другу, свожу на *чай* к другому, а *пообедаем* мы у самого дорогого моего друга!

Твой любящий друг Ч. Л. Доджсон

VII. МИСТЕР К. и МИСТЕР Т.

У мистера К. (1) был большой друг — мистер Т. (2). Решил как-то раз мистер К. навестить своего друга и заодно посмотреть его новый дом. Дорогу мистер К. знал не очень хорошо и поэтому решил пойти по тропинке, о которой только и было известно, что ведет она в нужную сторону. Тропинка эта шла по крутому косоугору и была очень скользкой. Мистер К. благополучно спустился почти до самого низа, как вдруг оступился и упал в грязь (3). Другой бы на его месте пал духом, но не таков был мистер К. Перемазавшись с ног до головы, он вскарабкался вверх и — о, радости! — оказался на прекрасной прямой дороге (5). Однако мистер К. пошел по ней чуть скорее, чем следовало, прямая дорога быстро кончилась, дальше идти снова пришлось по скользкой тропинке, и он снова упал (6). Мистер К. очень рассердился на себя за свою оплошность и с удвоенной энергией стал взбираться наверх, но едва лишь выбрался на дорогу, как поскользнулся и упал еще раз (7). Дальше тропинка шла по очень крутому склону, но мистер К. сумел одолеть его (8) и очень обрадовался, когда увидел перед собой дом мистера Т. Парадная дверь (9) дома смотрела прямо на мистера К. Из дома навстречу мистеру К. вышел мистер Т. и сказал:

«Вы только взгляните, какие прекрасные цветы растут в моем саду (10), как красиво построен мой дом (11). Камин у меня в комнатах никогда не дымит, потому что трубы (12) в моем доме просто великолепные». Затем мистер Т. повел мистера К. в дом и показал ему, какой прекрасный вид открывается из окон (13). Друзья сели пить чай и долго беседовали. Мистер Т. спросил у мистера К., какой дорогой тот добирался к нему, а когда мистер К. рассказал о своих приключениях, мистер Т. заметил: «Идти надо было совсем другой дорогой. Я покажу вам более короткий путь». Так мистер Т. и сделал. И тогда мистер К. узнал, что назад к его дому ведет очень удобная дорога, прямая и ничуть не скользкая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книжные издания о Льюисе Кэрролле

1. Урнов Д. И. Как возникла «Страна Чудес». — М.: Книга, 1969.
2. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл: Очерк жизни и творчества. — М.: Наука, 1979.
3. Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир. — М.: Радуга, 1982.

Русские переводы «Алисы» Льюиса Кэрролла

(библиография составлена А. М. Рушайло)

1. Соня в царстве Дива: Пер. анонимный. Илл. Дж. Тенниела. — М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1879.
2. Приключение Ани в мире чудес: Пер. М. Д. Гранстрем. Илл. Ч. Робинсона. — СПб.: Изд-во Э. А. Гранстрем, 1908.
3. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. (П. С. Соловьева). Илл. Дж. Тенниела. — Журнал «Тропинка», 1909, №№ 2—5, 7—17, 19, 20.
4. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. (П. С. Соловьева). Илл. Дж. Тенниела. Пред. З. Венгеровой. — СПб.: Изд-е «Тропинки», 1910.
5. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. и пред. А. Н. Рождественской. Илл. Ч. Робинсона. — СПб.; М.: Изд-во Вольфа, 1912.
6. Алиса в стране чудес: Пер. А. Д'Актиль (А. А. Френкель). Илл. Дж. Тенниела. — М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1923.
7. Аня в стране чудес: Пер. В. Сирина (В. В. Набокова). Илл. С. Залшупина. Берлин: Изд-во «Гамаюн», 1923.
8. Алиса в Зазеркалье: Пер. В. А. Азова (В. А. Ашкенази). Стихи в пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник. Илл. Дж. Тенниела. — М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1924.
9. Алиса в стране чудес: Пер. А. Оленич-Гнененко. Илл. Дж. Тенниела. — Ростов на Дону: Ростиздат, 1940.
10. Алиса в стране чудес. Пер. А. Оленич-Гнененко. Илл. Дж. Тенниела. — Ростов на Дону: Ростиздат, 1946.
11. Алиса в стране чудес: Пер. А. Оленич-Гнененко. Пред. В. Важаева. Илл. В. Алфеевского. — М.: Детгиз, 1958.
12. Алиса в стране чудес: Пер. А. Оленич-Гнененко. Илл. А. Г. Мосина. — Ростов на Дону: Ростиздат, 1960.
13. Алиса в стране чудес. Пер. А. Оленич-Гнененко. Пред. В. Важаева. Илл. В. В. Васильева. — Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1961.
14. Алиса в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса: Пер. Н. М. Демуровой. Стихи в пер. С. Я. Маршака и Д. Г. Орловской. Илл. П. Чуклева. — София: Изд-во литературы на иностранных языках, 1967.
15. Зазеркалье (Про то, что там увидела Алиса): Пер. А. Щербакова. Илл. Г. Ковенчука. — Журнал «Костер», 1969, №№ 3—7.
16. Алиса в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. В. Чижикова. — Журнал «Пионер», 1971, № 12; 1972, №№ 2, 3.
17. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Г. В. Калиновского. — М.: Детская литература, 1974.
18. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Г. В. Калиновского. — М.: Детская литература, 1975.
19. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Г. В. Калиновского. — М.: Детская литература, 1977.
20. Приключения Алисы в стране чудес. Зазеркалье (Про то, что там увидела Алиса): Пер. А. Щербакова. Пред. Ю. Кагарлицкого. Илл. М. Митурича. Оформл. Е. Ганнушкина. — М.: Художественная литература, 1977.

21. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: Пер. Н. М. Демуровой. Стихи в пер. С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской, О. А. Седаковой. Комментарий М. Гарднера. Илл. Дж. Тенниела. С дополн. и прилож.— М.: Наука, 1978.
22. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье: Пер. и пред. Н. М. Демуровой. Илл. В. К. Колтунова.— Магадан: Книжное изд-во, 1978.
23. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Пер. и пред. Н. М. Демуровой. Илл. И. И. Казаковой.— Петрозаводск: Карелия, 1979.
24. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Г. В. Калиновского.— М.: Детская литература, 1979.
25. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Н. Козлова.— Минск: Мастацка літаратура, 1980.
26. Алиса в Зазеркалье: Пер. Вл. Орла. Илл. Г. В. Калиновского.— М.: Детская литература, 1980.
27. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. Н. Козлова.— Минск: Мастацка літаратура, 1981.
28. Приключения Алисы в стране чудес. Пер. Б. В. Заходера. Илл. Л. Шульгиной.— В кн.: Б. Заходер. Избранное.— М.: Детская литература, 1981.
29. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. и комм. Н. М. Демуровой. Пред. Д. М. Урнова. Стихи в пер. С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской, О. А. Седаковой. Илл. Ю. А. Ващенко.— М.: Книга, 1982.
30. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье: Пер. и прим. Н. М. Демуровой. Вступ. статья Г. К. Честертона. Комм. М. Гарднера. Илл. Дж. Тенниела.— М.: Правда, 1982.
31. Аня в стране чудес: Пер. В. В. Набокова. Илл. Дж. Тенниела.— США: Аодис, 1982.
32. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Пред. Ю. Кагарлицкого. Илл. В. А. Кошкина.— В кн.: Сказочные повести. (Б-ка мировой литературы для детей, т. 40.) — М.: Детская литература, 1983.
33. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье: Пер. и прим. Н. М. Демуровой. Вступ. статья Г. К. Честертона. Комм. М. Гарднера. Илл. Дж. Тенниела.— М.: Правда, 1985.
34. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье: Пер. и прим. Н. М. Демуровой. Вступ. статья Г. К. Честертона. Комм. М. Гарднера. Илл. Дж. Тенниела.— М.: Правда, 1986.
35. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Пред. Ю. Кагарлицкого. Илл. А. А. Кошкина.— В кн.: Сказочные повести.— М.: Детская литература, 1985.
36. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. С. Гороховского.— Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1985.
37. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: Пер., вступ. статья и литература Н. М. Демуровой. Стихи в пер. С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской, О. А. Седаковой. Илл. Ю. А. Ващенко.— М.: Книга, 1986.
38. Приключения Алисы в стране чудес: Пер. Б. В. Заходера. Илл. и оформление М. Светлова, С. Иванцевой.— Ташкент: Укатувчи, 1986.
39. Алиса в стране чудес: Пер. А. Щербакowa. Илл. У. Уокера.— Рига: Лиесма, 1987.

Русские переводы других произведений Кэрролла

1. История с узелками: Пер. Ю. А. Данилова. Вступ. статья Ю. А. Данилова, Я. А. Смородинского. Илл. Ю. А. Ващенко.— М.: Мир, 1973.
2. История с узелками: Пер. Ю. А. Данилова. Пред. Ю. А. Данилова, Я. А. Смородинского. Илл. Ю. А. Ващенко.— М.: Мир, 1985.

Русский перевод подражания Кэрроллу

1. Смаллан Р. М. Алиса в Стране Смекалки: Пер. Ю. А. Данилова. Пред. М. Гарднера. Илл. Г. Фиттинга.— М.: Мир, 1982.

Книги, использованные при работе над этим сборником

1. Carroll L. The Game of Logic. London — New York: Macmillan, 1887.
2. Carroll L. The Lewis Carroll Centenary Catalogue. London: J. and B. Bumpus, 1932.

3. *Carroll L. The Diaries of Lewis Carroll.* Green R. L., ed. 2 vols. London: Cassell, 1953.
4. *Carroll L. The Annotated Alice. Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass.* Intr. and notes by Martin Gardner. New York: Clarkson and Potter, 1960.
5. *Carroll L. Diversions and Digressions of Lewis Carroll.* S. D. Collingwood, ed. New York: Dover Publications, 1961.
6. *Carroll L. The Works of Lewis Carroll.* R. L. Green, ed. London: Hamlin, 1965.
7. *Carroll L. The Letters of Lewis Carroll,* vols. 1, 2. M. N. Cohen, ed., with assistance of R. L. Green. London: Macmillan, 1979.
8. *Carroll L. The Penguin Complete Lewis Carroll.* Intr. by A. Woolcott. Harmondsworth: The Penguin Books, 1983.
9. *Carroll L. The Lewis Carroll Handbook.* R. L. Green, ed. London: Oxford University Press, 1960.
10. *Carroll L. The Lewis Carroll Handbook.* F. Madan, S. H. Williams, eds. London: Oxford University Press, 1962; London: Dowson, 1970.
11. *Chesterton G. K. Lunacy and Letters.* London and New York: Sheed and Ward, 1958.
12. *Collingwood S. D. The Life and Letters of Lewis Carroll.* London: T. Fisher Unwin, 1898.
13. *De La Mare W. Lewis Carroll.* London: Faber and Faber, 1932.
14. *Fisher J. The Magic of Lewis Carroll.* New York: Simon and Schuster, 1973.
15. *Gernsheim H. Lewis Carroll, Photographer.* London: Max Parrish, 1949; New York: Dover Publications, 1969.
16. *Hatch E. M. A Selection from Letters of Lewis Carroll to His Child-Friends.* London: Macmillan, 1933.
17. *Hudson D. Lewis Carroll.* London: Constable, 1954.
18. *Jourdain P. E. B. The Philosophy of Mr. B'rtr'nd R'ss'll.* London: George Allen and Unwin, 1918.
19. *Lennon F. B. Victoria Through The Looking Glass.* New York: Simon and Schuster, 1945.
20. *Lennon F. B. The Life of Lewis Carroll.* New York: Collier, 1962.
21. *Reed L. The Life of Lewis Carroll.* London: Foyle, 1932.
22. *Taylor A. L. The White Knight: A Study of C. L. Dodgson.* Edinburgh: Oliver and Boyd, 1952.
23. *Woolf V. Lewis Carroll.— In: The Moment, and Other Essays.* London: Hogarth Press, 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. ЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА	8
Введение	9
Глава 1. Старые истины на новый лад	10
§ 1. Суждения	10
§ 2. Силлогизмы	21
§ 3. Логические ошибки	27
Глава 2. Град вопросов	30
§ 1. Элементарные вопросы	30
§ 2. Суждения, представимые на половине малой диаграммы	31
§ 3. Интерпретация фишек, расставленных на половине малой диаграммы	32
§ 4. Суждения, представимые на малой диаграмме	33
§ 5. Интерпретация фишек, расставленных на малой диаграмме	33
§ 6. Суждения, представимые на большой диаграмме	34
§ 7. Суждения, представимые на двух диаграммах — большой и малой	35
Глава 3. Фейерверк ответов	39
§ 1. Ответы на элементарные вопросы	39
§ 2. Суждения, представимые на половине малой диаграммы	
§ 3. Интерпретация фишек, расставленных на половине малой диаграммы	42
§ 4. Суждения, представимые на малой диаграмме	42
§ 5. Интерпретация фишек, расставленных на малой диаграмме	44
§ 6. Суждения, представимые на большой диаграмме	45
§ 7. Суждения, представимые на двух диаграммах — большой и малой	48
Глава 4. В цель или мимо?	57
II. ПИЩА ДЛЯ УМА	63
III. ИГРЫ И ЗАДАЧИ	69
IV. ФОТОГРАФ НА СЪЕМКАХ	81
V. ВОСЕМЬ ИЛИ ДЕВЯТЬ МУДРЫХ СЛОВ О ТОМ, КАК ПИСАТЬ ПИСЬМА	87
VI. ПИСЬМА К ДЕТАМ	92
VII. МИСТЕР К. И МИСТЕР Т.	187
Список литературы	188

Научно-популярное издание

Кэрролл Льюис

ЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА

Библиотечка «Квант», выпуск 73

Заведующий редакцией *Г. С. Куликов*

Редактор *Л. А. Панюшкина*

Художник *Ю. А. Ващенко*

Художественный редактор *Т. Н. Кольченко*

Технический редактор *С. Я. Шкляр*

Корректоры *Т. С. Родионова, Н. Д. Дорохова*

ИБ № 32869

Сдано в набор 26.05.89. Подписано к печати 20.09.90. Формат 60×90/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Усл. кр.-отт. 24,5. Уч.-изд. л. 13,56. Тираж 270 000 экз. Заказ № 2434. Цена 3 р.

Издательско-производственное и книготорговое объединение «Наука»

Главная редакция физико-математической литературы

117071 Москва В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати
113054 Москва, Валуевская, 28

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени тип. изд. «Звезда»,
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34. Зак. № 10021.